

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

6
1969

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И
СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ
ДВЕНАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

6

1969

ГЕРОИКА ● КРАЕВЕДЕНИЕ ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ ● ФАНТАСТИКА

У Р А Л Ь С К И Й

СЛЕДОПЫТ

Следопыты Залищинской школы имени О. Маковея Тернопольской области создали музей, в котором немало интересных экспонатов посвящено пребыванию Владимира Ильича Ленина в Галиции в 1912—1914 годах.

Школьники узнали, что в 1914 году среди поляков, помогавших Ленину освободиться из австрийской тюрьмы, был известный поэт Ян Каспрович. Ребята написали в Польскую Академию наук и попросили прислать им материалы о Каспровиче. Вскоре следопыты начали переписку с женой поэта Марией Каспрович. Она прислала для музея много документов, рассказывающих о дружбе Ильича с представителями передовой польской интеллигенции, о его жизни в Поронино, о встречах Яна Каспровича с Лениным, о том, как Владимир Ильич в 1920 году помог матери и сестре Марии Каспрович выехать из России в Польшу.

Летом ребята собираются побывать в Поронино, посетить ленинские места.

О жизни и деятельности передового педагога Ильи Николаевича Ульянова рассказывает музей шестой средней школы города Ульяновска. Отряды следопытов прошли походами по местам, в которых открывал новые школы И. Н. Ульянов, привезли оттуда старые классные журналы, школьную утварь, учебники и другие экспонаты, подаренные старожилками.

По ленинским местам в Ленинграде, Разливе, Выборге и в Финляндии прошел зимой маршрут пяти московских лыжниц. Длина маршрута — 2600 километров. Девушки познакомились с местами, где жил и работал Владимир Ильич, встречались с советской и финской молодежью.

Сложные лыжные переходы проводились и раньше. Так, еще в 1924 году четверо лыжников прошли по маршруту Архангельск — Москва. В 1927-м от Москвы через Хельсинки, Стокгольм до Осло совершили путешествие тоже четыре московских лыжника. А в 1967 году их маршрут повторили пять студентов Московского Высшего технического училища.

Л. ГУРВИЧ

С Т О
Л Е Т

ЗАПРОС ИЛЬИЧА

*По следам ленинского
документа*

ПИСЬМО ПОД
НОМЕРОМ 86

Пятьдесят первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина — это письма, записки, телеграммы, телефонограммы, написанные или продиктованные Ильичем с июля 1919 года по ноябрь 1920 года.

В разгаре гражданская война. Объединившись, иностранные интервенты бросали против молодой Советской республики все новые и новые силы. Страна переживала один из самых тяжелых периодов своей истории. Ленин возглавлял гигантскую работу партии по организации обороны республики, разгрома врага. И в то же время смотрел далеко вперед, в завтрашний день страны.

Читая страницу за страницей, я задержался на письме под номером 86. Это — официальное письмо заместителю председателя ВСНХ.

30.IX.1919

т. Ломову
или Милютину.

Зам. председателя ВСНХ.

т. Ломов! Прошу направить в соответствующий отдел

1. прилагаемую бумагу с поручением мне ответить, что именно сделано в этой области;

2. запрос: что сделано для утилизации нефти, имеющейся (по словам Калинина) в 70 верстах от Оренбурга.

С тов. приветом В. УЛЬЯНОВ (Ленин)

Ленин спрашивает об оренбургской нефти. Той, что в 70 верстах от Оренбурга...

Ни читать, ни слышать о таком факте ранее не приходилось.

КОММЕНТАРИЙ НЕ ПОСЛЕДОВАЛ

Примечание к письму, найденное в конце этого же тома, ясности не внесло. Оно касалось только «прилагаемой бумаги» — того, о чем шла речь в первом пункте ленинского письма.

Комментаторы пояснили, что Ленин имел в виду докладную записку А. С. Соловьева «Ухтинская нефть», направленную ему 23 сентября 1919 года. Соловьев писал о нефти, обнаруженной на границе Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и Мезенского уезда Архангельской губернии. «Непрекращающаяся интенсивность выделения нефти, — отмечал автор докладной, — ...заставляет думать, что те запасы, которые хранятся в недрах земли, должны быть очень грандиозны».

Нефтяная Ухта сейчас известна, о ней можно прочесть в энциклопедиях. Относительно же ленинского запроса о нефти под Оренбургом из примечаний не удалось извлечь ничего. Пункт второй не комментировался никак.

Единственным, что можно узнать из того же, пятьдесят первого тома, по этому поводу было следующее: печаталось оно здесь по рукописи и не впервые. Первая публикация дана в XXXIV «Ленинском сборнике», который увидел свет в 1942 году.

Может, оттого, что до нынешнего Полного собрания сочинений Ленина письмо печаталось только в изданном сравнительно небольшим тиражом сборнике, вышедшем к тому же в тяжелый год войны, и не стало оно известным так широко, как некоторые другие ленинские документы, касающиеся Оренбурга.

СЛЫШУ ВПЕРВЫЕ ...

О письме слышу впервые, — ответил на мой вопрос начальник Оренбургского геологического управления лауреат Государственной премии Илья Абрамович Шпильман. И тут же спросил: — В каком томе? На какой странице?

— О чем идет речь — не знаю, — признался он и добавил: — Я много занимался историей нефтяных разведок в нашем крае, но о том, что Ленин занимался нашей нефтью...

Еще один звонок — в объединение «Оренбургнефть».

— Страница 53-я? — переспрашивает главный инженер Валентин Иванович Кудинов. — Нашел. Читаю. Интереснейший документ... Над ним нужно подумать. День-другой на размышления дадите?

Дадим, конечно. И будем думать сами.

Страницы уральской Ленинианы без этого ленинского письма представить себе просто невозможно.

„ПО СЛОВАМ КАЛИНИНА“

О нефти, что есть неподалеку от Оренбурга, Владимир Ильич узнал от Калинина и на него же в своем запросе сослался.

Михаил Иванович только что вернулся из наших краев.

Семь дней, с 17 по 23 сентября 1919 года, пробыл агитпоезд «Октябрьская революция» на территории Оренбуржья в его нынешних границах.

Бузулук — Сорочинск — Оренбург — Соль-Илецк — Оренбург — Покровка — Новосергиевка — Тоцкое — Бузулук... Таким был маршрут поезда по земле оренбургской. И каждый день до краев 3
заполнялся делами. Повсюду проходили

многолюдные митинги, на которых непременно выступал Председатель ВЦИК. Не будет, казалось, конца задушевным беседам всесоюзного старосты с людьми: крестьянами, рабочими, красноармейцами, казаками, военнопленными. Допоздна продолжались совещания с партийными, советскими и военными работниками.

Тысячи и тысячи людей на всем пути следования поезда встречали гостей из Москвы, как посланцев Ильича — спрашивали и рассказывали, советовали и жаловались, делились наболевшим.

...Письмо датировано 30 сентября 1919 года. Агитпоезд к тому времени вернулся в Москву. Ленин уже беседовал с «Калинычем».

ПОИСК

В поиск включались все новые люди: геологи и нефтяники, краеведы и архивисты.

Мне самому пришлось поднять чуть ли не все фонды губернского управления по топливу.

Каждый документ, каждая страница переписки говорили об одном: напряженнейшем положении на топливном фронте.

«Положение Оренбурга в отношении топлива катастрофическое...»

«Нормы отпуска дров продолжают сокращаться...»

«Госпитали, лазареты, больницы почти не отапливались...»

Меры предпринимали чрезвычайные: повсюду рассылали заготовителей, шли с обысками к тем, кто прятал дрова и уголь, производили реквизиции.

«Агентам по закупке нефти и керосина назначить высшие оклады по их должностям, выдавать суточные во время командировок и установить для них премии с доставленного пуда...»

О нефти думали всего более. Нефть была эликсиром жизни. И каждый добытый пуд становился событием — большим, радостным.

«Акт... От председателя сельского Совета Лемешева принято 212 пудов нефти в обмен на такое же количество антрацита...»

Никаких указаний на то, что сельсовет, где председательствовал Лемешев, находится в другой губернии — дальней ли, ближней, но другой — в акте не было.

РАЗГАДКА ПРИХОДИТ

По словам Калинина...» Нет ли каких-то материалов о нефти в книге «М. И. Калинин в Оренбуржье», выпущенной несколько лет тому назад местным издательством?

На страницах 116—117, в докладе Калинина на заседании ВЦИК VI созыва об итогах поездок по РСФСР в поезде «Октябрьская революция», встретились слова:

«В Оренбургской губернии можно наблюдать такое явление: крестьяне привозят откуда-то по две-три сотни пудов нефти, они берут ее из каких-то канав и сбывают в городе; на ней работают городские двигатели и мельницы. Бывает, что крестьяне привозят до трех тысяч пудов нефти».

Прямая переключка с актом! Но ГДЕ эту нефть добывали?

...Прокофий Корнеевич Десятерик, уважаемый в городе ветеран архивного дела, готовя названную книгу, изучал материалы о поездке Калинина непосредственно в Государственном архиве Октябрьской революции в Москве. Сборник мог вместить лишь некоторую часть документов, многое сюда не вошло.

Не вошло, но в память врезалось. Например, такое. Когда поезд останавливался на станциях Новосергиевской и Покровка, крестьяне ведрами приносили нефть для нужд состава, в котором ехал по России Михаил Иванович. Об этом, помнится Десятерику, писалось в поездной газете.

Факт, сообщенный архивистом-краеведом, позволил поставить все на свои места. Районы поименованных станций и были теми, которые, находясь, примерно, верстах в семидесяти, быть может, чуть дальше от Оренбурга, давали тогда надежду на то, что губерния, переживающая топливный кризис, получит свою собственную нефть.

ОТВЕТ ВОЖДЮ

Нефтяным Оренбуржье стало гораздо позднее. ...Ответ на запрос Ильича, сделанный им 30 сентября 1919 года, пока не найден. Он может отыскаться в фон-

дах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма, ВСНХ, а, возможно, и Оренбургского совнархоза.

Но достоверно известно одно: тогда «утилизация» могла состоять лишь в том, чтобы наиболее полно выявить наличие источников нефти и возить — как можно больше возить — ее для нужд предприятий.

Это было сделано. Разведки же месторождений начались уже тогда, когда власть Советов стала на ноги прочно. Геологи и пришедшие вслед за ними нефтяники решительно сказали: «Богатства огромны». Вся страна узнала о Бугуруслане. А сегодня... сегодня кладовых «черного золота» в области много, они охватили всю западную ее часть и вплотную подошли к Оренбургу.

Поистине невообразимое нефтяное море!

И это лучший комментарий к письму под номером 86, самый радостный ответ на ленинский запрос об оренбургской нефти...

СУДЬБА ВУКОЛЫ ШАШКОВА

Рассказ в документах

В 51-м томе Полного собрания Сочинений В. И. Ленина, в списке писем и телеграмм Ильича, до настоящего времени не разысканных, есть такая ссылка:

«Н. П. Брюханову. 29 сентября 1920 г. В журн. исх. док. В. И. Ленина имеется запись за № 34а: «от Вуколы Шашкова Брюханову о разверстке и урожае (Бугурусл. уезд)»

Эти строки расшифровываются так: Ленин в сентябре двадцатого получил и

читал письмо от неизвестного нам Шашкова о положении в Бугурусланском уезде, а затем переслал его, вероятно, вместе со своим письмом, тогдашнему заместителю наркома продовольствия — для принятия мер.

О Шашкове в примечаниях к тому не сказано ничего. Был же он человеком самобытным, ярким.

Но пусть о нем расскажут документы, воспоминания и, наконец, сам Шашков.

* * *

...Я — сын бедняка села Пониклы Бугурусланского района... С молодых лет был знаком с Владимиром Ильичем Лениным... Познакомился с ним в гор. Самаре...

Из автобиографии
В. Н. Шашкова

...Отец мой, Вукол Никифорович, встречался с Владимиром Ильичем еще в юношеские годы. Вместе со своим отцом он приезжал в Самару по какой-то тягбе, и наши родственники, Ефановы, свели их с помощником присяжного поверенного Ульяновым, который помог тот больной вопрос решить.

Сообщение живущего в Москве
Д. В. Шашкова

...С молодых лет я включился в революционную работу. Вел ее и среди крестьян, и среди рабочих кирпичных заводов, и среди железнодорожников по линии Самара — Уфа. В революцию 1905 года был организатором ряда крестьянских восстаний. После подавления их мне, тогда уже члену РСДРП, пришлось скрываться от полиции. Находясь в Польше, вел подпольную работу среди солдат Новогеоргиевской крепости, за что был арестован и выслан в Нижнеудинск, Иркутской губернии. После этого меня мобилизовали. Служил в Петрограде. В феврале 1917 года, вместе с другими большевиками, поднял свой полк на свержение царского правительства. В последующие месяцы участвовал в подавлении корниловского мятежа, а затем и в Октябрьской революции. Много раз в это время видел Ильича, получал задания его лично и Совнаркома.

Из автобиографии
В. Н. Шашкова

...Шашков Вукол Никифорович бывал в 1920—1921 гг. на приеме у В. И. Ленина в Кремле и выполнял его поручения...

Свидетельство Л. А. Фотиевой — бывшего секретаря Совнаркома

...По крестьянским делам отец в 1920 году ездил в Москву. Его посылали сельчане-земляки. Он рассказывал, что когда зашел в кабинет к Владимиру Ильичу, то Ленин встал, усадил его в кресло, долго смотрел на него, улыбаясь, а затем попросил: «Ну, рассказывайте все по порядку, что в деревне, какие там дела», а сам внимательно слушал.

По просьбе отца, он подарил ему свой портрет...

Сообщение Д. В. Шашкова

...В 1920 году ко мне был прислан т. Лениным крестьянин т. Шашков с личной рекомендацией В. И. (рекомендовался он как человек честный и, безусловно, преданный Советской власти) и с предложением расследовать на месте жительства Шашкова, куда я ехал, неправильности при сборе продразверстки.

Заявления Шашкова оказались справедливыми, и неправильности были устранены.

Свидетельство В. В. Осинского — бывшего заместителя наркома земледелия

...С мандатом за личной подписью В. И. Ленина я выезжал уполномоченным в Самарскую и Уфимскую губернии, где работал по организации отправки продовольствия в Москву и другие промышленные центры. В 1921 году был командирован в Туркестанский край, где проверял исполнение приказов Ленина на местах. В том же году при исполнении служебных обязанностей был ранен в грудь, долгое

время пролежал в больнице, а потом по болезни отправлен на свою родину. Там я и узнал о смерти нашего Ильича.

Из автобиографии В. Н. Шашкова

...Очень печалился отец, что во время ранения исчезли другие документы — и, прежде всего, мандат с подписью В. И. Ленина.

Сообщение Д. В. Шашкова

...В 1928 году я приехал в Москву и тогда же стал работать на автомобильном заводе, где работаю поныне. Во время Великой Отечественной войны на фронте погибли два моих сына. Хоть и преклонный у меня возраст и много горя довелось узнать, я до последней минуты жизни буду работать и бороться как боец партии Ленина.

Из автобиографии В. Н. Шашкова

...Вукол Никифорович умер в феврале 1964 года в Москве. Как и говорил сам, он до последнего вздоха был активным коммунистом-ленинцем. Это отец завещал и мне, члену партии с 1940 года, и всем своим потомкам. Мы храним его память.

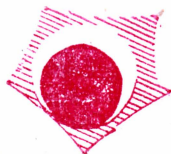
Из письма Д. В. Шашкова

Хочется сделать небольшое, но важное примечание.

Письмо В. И. Ленина Н. П. Брюханову в приведенных выше документах и воспоминаниях не упоминается. Но есть тут неучтенное в 51-м томе другое письмо, имеющее прямое отношение к Вуколу Шашкову. Это «личная рекомендация» Ленина, с которой крестьянин был прислан к тогдашнему заместителю наркома земледелия.

Пока, к сожалению, оба эти документа не найдены.

Л. БОЛЬШАКОВ

«СИБИРЬ: ТЮМЕНЬ...»

Донесение начальника Тюменской уездной тюрьмы начальнику Тобольского жандармского управления от 7 марта 1913 года было коротким.

«Уведомляю ваше высокоблагородие, — говорилось в нем, — что два номера газеты «Правда», отобранные у Бухановой при передаче чайника с двойными стенками содержащемуся политическому Николаю Буханову, уничтожены мною, как не имеющие ценности. Обстоятельства же, при которых было обнаружено передаваемое, следующие:

Привратнику - надзирателю Асламину при осмотре молока в чайнике показалось такового

очень мало, сравнительно с наружным объемом чайника, тогда он вызвал дежурного старшего надзирателя Пекаревич, который предъявил его в контору мне, после чего чайник был в присутствии моем и помощника взломан и оказался с двойными стенками, между которых заложено было два номера газеты «Правда».

Николай Буханов, член РСДРП с 1901 года, был убит антоновцами в 1920 году. Донесение на него хранится в архиве Тобольска.

Это донесение — яркая иллюстрация к произведению В. И. Ленина «Итоги полугодовой работы». В нем, анали-

зируя, кто и как создавал ежедневную рабочую печать в России, Владимир Ильич писал: «Если принять во внимание, какие трудности встречает распространение рабочей демократической печати в провинции, то надо удивляться большому числу городов, за полгода откликнувшихся на призыв петербургских рабочих». Таких провинциальных городов, из которых поступали деньги рабочих на газету, в 1912 году насчитывалось сорок девять. В примечании, перечисляя их, Ленин написал: «Сибирь: Тюмень...»

Ю. РЯБОВ

ОТПЕЧАТАНО В 1644 ГОДУ

В Катав-Ивановский район Челябинской области нередко приезжают этнографические экспедиции. Осенью прошлого года студенты Челябинского педагогического института под руководством доцента, кандидата филологических наук Геннадия Андреевича Турбина записали здесь на магнитофон старинные русские песни, интересные образцы говоров.

А в селе Серпиевка этнографы нашли древнее евангелие. На одной из страниц книги была надпись: «Сию книгу задержав у панов заводских у села Посадове купил через Стефана рекомое евангелие пре-

стольное на свое душевное спасение и телесное здравие и передал ее до храму рожества пресвятой Богородицы». Эта надпись свидетельствует о том, что книга была завезена нам из села Посадова Калужской области и приобретена до переселения на Урал жителей Серпиевки — до 1793 года.

Этнографы предполагают, что евангелие отпечатано типографом из Львова Михайлом Слезкой в 1644 году с оловянных матриц. Древность книги подтверждают небольшие рисунки, выделка бумаги, водяные знаки.

В. ИГНАТОВ

Жесты неразговорчивого командира катера были порой выразительней слов, и механик Белоконь, стоявший на мостике справа от Изотова, безошибочно разобрался в том, что хотел сказать и не сказал старший лейтенант. Изотов ругал синоптиков.

В утренней сводке погоды синоптики обещали к ночи шторм и передали на все суда штормовое предупреждение. Однако к вечеру ветер совсем утих. На море надвинулся плотный, как стена, туман. С мостика едва проглядывался нос катера.

Белоконь в отличие от командира долго молчать не умел.

— Лучше уж туман, чем шторм, — высказался он бодро.

Изотов оставил без ответа это легкомысленное суждение. Белоконь всего год назад закончил Херсонское морское училище и по неопытности многого еще не понимал. Сильный шторм — самое спокойное время для границы. В бурю опасно подходить к берегам, и яростный прибой не менее страшен, чем пуля пограничника. Зато туман дает нарушителю некоторые преимущества. В осенние туманы, обычные на Балтике, пограничные дозоры особенно внимательны.

Все это командир катера мог высказать молодому механику, но предпочел промолчать. Изотов хмуро смотрел вперед, в сырую непроглядную мглу.

— В поле шесть судов, — негромко доложил помощник Изотова, штурман Тойвис, стоявший у лоцатора. — Идут уступом в восьми милях от берега. Направление — северо-восток, вдоль отмели.

— Колхозная флотилия Казначеева. Так по «обстановке», — сказал Изотов, не поворачивая головы. — И штормовое предупреждение им ничем!.. Пять?

— Шесть, — коротко повторил Тойвис.

Изотов сам подошел к лоцатору. На темном поле вспыхивало шесть ярких черточек. Черточки располагались лесенкой одна за другой. По сводке, полученной в дивизионе, — ее называли просто «обстановкой» — на обширной отмели, протянувшейся миль на двадцать параллельно берегу, должны были промышлять треску малые рыболовные траулеры — МРТ — рыболовецкого колхоза «Труженик моря». Весной, в салачную путину, на отмели толклось до двадцати таких суденышек, по флотилии от каждого колхоза. Но сегодня заявку на выход в море дал один «Труженик моря».

Изотов, подсвечивая фонариком, еще раз просмотрел «обстановку». В ней говорилось только о флотилии Казначеева, о пяти малых траулерах под номерами: 518, 540, 480, 471, 317... И суда эти, и их капитанов Изотов знал хорошо. В колхозе «Труженик моря» только эти пять суденышек прибрежного лова и были сейчас на плаву, все остальные МРТ ушли на зимний ремонт, а более крупные сейнеры промышляли в Северном море. Шестой МРТ мог быть лишь из другого колхоза. Но другие колхозы не сообщали о выходе в море.

Изотов приказал радисту передать в пограндивизион, что на отмели обнаружен лишний траулер, и пошел на сближение с рыбацкой флотилией. До ближнего траулера оставалось миль восемь — несколько минут хорошего хода. Но Изотов не хотел задавать большой скорости в таком тумане. С потушенными огнями, невидимый и

неслышный, пограничный катер не мчался, а крался во мгле, лишь раза в два быстрее неторопливых, отягощенных тралами рыбацких суденышек.

На экране лоцатора было видно отчетливо, как шли рыбаки. Хоть в тумане они не могли видеть друг друга, а лоцаторов на малых траулерах не было, каждый привычно держал дистанцию в полторы-две мили. Вся флотилия растянулась миль на десять, шла уступами, прочесывая отмель по всей ширине: передний тралил восточную, ближнюю к берегу сторону, следующий — на полмили западнее, последний шел всех мористее,

Сергей СНЕГОВ
Владимир ЧЕРНОСВИТОВ

Приключенческая повесть

он «боронил» на дальнем, морском краю отмели. Изотов объявил боевую тревогу.

Рядом с командиром заняли свои места на мостике помощник Изотова, штурвальный и механик. Штурвальный следил за точностью курса, трое остальных, наваливаясь на планшир, вглядывались в темное море. Ветра все еще не было, но накат прибывал — волны, натягивая на гребни пенные воротники, бесшумно неслись с запада: где-то там, в шведских водах, уже, очевидно, закрутил-таки свою бешеную карусель предсказанный синоптиками циклон.

— По рации Казначеева не запрашивали? — спросил Белоконь.

— Нет, — сказал Изотов.

Механик подумал над ответом командира и понял: открытый разговор по радио мог бы насторожить неизвестное шестое судно.

Вскоре в тумане неясно засветилось желтоватое пятно. Белоконь перевел рычажки сектора газа на «самый малый», Изотов прикинул к биноклю. На траулере, кроме обязательных ходовых огней, горела еще и люстра, заливавшая смутным сиянием палубу. Траулер менял курс, он сейчас поворачивал поперек отмели — с западного края на восточный.

Изотов поспешно выключил дизеля. Приближаться к судну вплотную, пока оно не легло полностью на новый курс, было опасно. Даже на

параллельных с траулером курса приходится идти с осторожностью, чтоб ненароком не напороться на ваера, тянущие за судном трал. А при повороте, да еще в тумане, разглядеть, где протянулись эти стальные тросы, невозможно...

Командир катера продолжал всматриваться в траулер.

Сквозь туман смутно выступали знакомые очертания — высокий нос, такая же высокая корма, палуба седловиной, лебедка впереди рубки, грузовая стрела. Чем-то в очертаниях эти деревянные, верткие, ходкие суда напоминали старинные каравеллы флибустьеров, даже водоизме-

Рисунки Ю. Ефимова

щение их было, примерно, такое же — около ста тонн.

На палубе не было никого, на правом крыле мостика, обращенном к погранкатеру, стояли, переговариваясь, два рыбака. Изотов, сам невидимый для траулера, различил черные конусы — знаки, предупреждающие, что судно идет с тралом. Лиц рыбаков даже в бинокль нельзя было отчетливо разглядеть, но голоса доносились внятно.

Изотов прокричал в мегафон:

— На МРТ! Пограничный дозор. Назовите свой номер, капитана, порт приписки, пункт следования.

Один из рыбаков, стоявших на мостике, юркнул в рубку и возвратился с мегафоном.

— Четыреста семьдесят первый, из «Труженника моря», — ответил он невидимому дозору. — Капитан Сидоренко. Выберем трал, уберемся домой. Еще что?

МРТ-471 был из флотилии колхоза «Труженник моря». Капитана его, лихого рыбака Николая Сидоренко, Изотов тоже знал — и на берегу, и на море они встречались часто. Включив на секунду прожектор, Изотов увидел надпись на рубке и на корме: «МРТ-471. Таймень».

Можно было двигаться дальше. На всякий случай Изотов спросил, где капитан. Тот же рыбак с охотой прокричал, что капитан сутки не

спал и сейчас отдыхает, до выборки трала приказал себя не будить. Так что, ежили не горит, лучше оставить капитана в покое. Спросонок Николай Васильевич может и обругать.

Видно было, что рыбак обрадовался встрече с пограничниками. Ночной промысел да еще в тумане — однообразен и тосклив. А тут как-никак — развлечение. Рыбак успел прокричать, что рация у них барахлит, совсем ни к черту рация, а на новую нужны ассигнования по капремонту, а бухгалтера по этой статье ужимают.

Все это тоже было обычным. Рыбаки часто оживлялись при встрече с пограничниками и, хорошо зная, что те до болтовни не охочи, с увлечением поддразнивали их разными байками, заводили «травлю», чтоб подольше задержать около себя дозор.

Катер взял влево и, обогнав рыбацкое судно, пересек ему путь — обходить траулер с носа было безопасно: трал тащился позади.

Вторым обрисовался МРТ-518, траулер Казначеева. Сам грузный Казначеев стоял на мостике с мегафоном в руке. Он зычно заревел на оклик с погранкатера:

— Приветик, защитники! Выскочили, как привидение из погребца. До родимчика когда-нибудь доведете... Ну, я, я! И все тут — мои, чьи же еще? Пять нас, кругленькая пятерочка, остальные припужают на бережку. Номера? Пожалуйста: 518-й, 540-й, 480-й, 471-й, 317-й... Чего еще? На семьдесят первом рация отказала, никак не свяжемся. Пропал Сидоренко в тумане. Погляньте в свой хитрый приборчик, не впереди ли тралит? Окажите такую услугу!

— Ремонтируйте свои рации, не понадобятся услуги, — сдержанно ответил Изотов. — Из других колхозов, может, слышали, — выходил кто сегодня?

— Нам другие колхозы не докладываются, — кричал с воодушевлением Казначеев. — А жаль, мы бы порядок у этих охломонов навели, да такая грустная история: не признают за начальство! А что? Что за чепе, спрашиваю? Море — такая смешная вещь, — чего не бывает!

Видя, что погранкатер уходит, Казначеев заревел во всю мощь мегафона:

— Изотов, у меня среди тресочки таких три лосося угораздило!.. Одного по-приятельски могу перебросить, угощайтесь, защитнички!

Балтийский лосось, деликатесная рыба, когда-то подававшаяся к царскому столу, давно уже стал такой редкостью на Балтике, что в спокойное дежурство Изотов, не раздумывая, подплыл бы за щедрым даром. Но сейчас он и не откликнулся. Катер, бесшумный и темный, унесся вперед.

Один за другим, все ближе подворачивая к берегу, он проверял шедшие по отмели траулеры. Короткая вспышка прожектора выхватывала из мглы знакомые номера: 540, 480, 317... Изотов вызывал на мостик капитанов, капитаны тоже были знакомые, каждого он встречал неоднократно. Оставался лишь траулер, что шел впереди, — и он был тем неизвестным судном, которого не указали в сводке.

Изотов окликнул его по радио, но незнакомец не отозвался. На экране локатора было видно, что он невозмутимо идет с той же скоростью по тому же курсу — к концу отмели.

— Рыбак, — уверенно сказал Тойвис. Он сам был из потомственных моряков и по движению суденышка на локаторном поле любил опре-

делять тип судна и характер его движения: тралит ли, тащит ли груз, убегает ли от бури.— Такой же МРТ, как и все эти.

Из рубки высунулся радист и передал радиogramму из пограндивизиона: «Подтверждаем пять судов колхоза «Труженик моря». Шестое подлежит задержанию и досмотру». Изотов молча передал радиogramму помощнику. Тот тихо выругался. Неизвестное судно не могло быть рыбацким. В дивизионе, несомненно, связались со всеми местными колхозами и лишь после этого отправили радиogramму.

— Может, литовское или латышское? — сказал Тойвис.— Забрели случайно...

Изотов покачал головой. Литовские и латышские рыбаки посещали отмель, но они сообщали о своем приходе.

Катер на малом ходу подкрадывался к незнакомцу.

Тот по-прежнему неторопливо шел вдоль восточной каемки мели. Было что-то поразительное в спокойствии, с каким судно, без уведомления и разрешения вторгшееся в чужие воды, двигалось в тумане. И хотя Тойвис, после радиogramмы из дивизиона, уже не настаивал, что преследуемое судно — рыбацкое, Изотову и самому казалось, что это обычный МРТ: если незнакомец и не тащил за собой трал, то он в совершенстве имитировал работу траулера.

На экране локатора было видно, как растянулась цепочка проверенных судов. Один МРТ-471, пользуясь тем, что он крайний, тралил не вдоль, а поперек отмели. Он дошел до ее восточного края — в этом месте отмель почти сливалась с берегом, — повернул назад и тралил на северо-запад. Изотов, всматриваясь в локатор, снова и снова оценивал обстановку. Даже обычные, ежедневно повторяющиеся детали начинали тревожить его.

До незнакомца оставалось около двух кабельтовых.

— Вижу цель, — сказал помощник, и Изотов оторвался от локатора.

В толще тумана расплывалось светлое пятно. Незнакомец шел со всеми огнями, какие мог зажечь, он не скрывался. И было ясно, что неизвестное судно — малый рыболовный траулер, такой же, как и те, что шли позади. Изотов еще сбросил скорость. Волнение усиливалось, накатывающиеся волны с плеском разбивались о борт. С траулера доносились голоса, грохот бочек и ящиков, на освещенной двумя люстрами палубе снова слышались голоса людей. Команда рассортировывала свежий улов.

Когда до незнакомца оставалось метров тридцать, Изотов включил прожектор. И то, что он и стоявшие с ним на мостике увидели, было так неожиданно, что сам Изотов вздрогнул, Белоконь возмущенно чертыхнулся, а Тойвис удивленно вскрикнул.

На корме траулера четко выделялась надпись: «МРТ-471. Таймень».

Изотов резко рванул рычажок газа. Катер, как живой, прыгнул вперед. Штурвальный поспешно крутанул рулевое колесо. Катер подлетел к борту траулера.

— Пограндозор! Капитана — немедленно! — крикнул Изотов в мегафон.

На палубе работала вся свободная от вахты команда. Изотов узнал рыбаков из «Труженика моря». А когда на крыло мостика выскочил капитан, Изотов понял, кто это, еще до того, как

тот назвал себя. Если бы он и не разглядел в мутной мгле этого человека, то голос его, мощный бас, не могли исказить никакие туманы. Подделывать такой могучий голос тоже никто бы не сумел.

— Изотов, ты? Это я, Сидоренко! Слышишь, Сидоренко я! — грохотал капитан.— Вот же мать честная, понатуманило, своих не разглядеть! А чего вы так по-шаловному наскочили? Таранить собрались?..

Не отвечая, Изотов дал «самый полный». Катер стремительно унесся в туман. Удивленные крики рыбаков уже через несколько секунд не стали слышны, сияющее пятно траулера тоже пропало во мгле.

— Курс — 225! — крикнул Изотов штурвальному.

Катер мчался назад. На экране локатора светились те же шесть точек. Все было ясно теперь. Траулер, который они осматривали первым, двойник настоящего МРТ-471, был истинным нарушителем границы. Именно его и надо было задерживать, а они весь этот час только и делали, что отдалялись от нарушителя! Он же, очевидно, притворился, что тралит поперек отмели, на деле — приближался к берегу и уходил от него. И сейчас, дойдя до западного края отмели, он не возвращается обратно, а бежит к границе международных вод.

Все так же молча всматриваясь в темное локаторное поле, которое обегал зеленый луч, — шесть точек ярко вспыхивали, когда он касался их, — Изотов прикидывал расстояние до двойника. Флотилия основательно растянулась, двойник, обманув пограничников, оказался милях в семи от него и всего лишь в трех милях от международных вод. Но все равно уйти он не мог. Слишком велика была разница в их скоростях. Изотов взял западнее, чтоб отрезать наглому нарушителю путь.

— Цель добавляет ход, — доложил Тойвис, заменивший Изотова у локатора.— Резвость у него не рыбацкая... Они видят нас...

Изотов мрачно глядел в ночной туман. За все семь лет службы на границе он еще не встречался с таким наглым нарушением территориальных вод. Камуфляж был настолько дерзким, неожиданным, совершенным, что даже он, Изотов, опростоволохился, как мальчишка.

На экране было видно, что расстояние до двойника постепенно сокращается. Катер с грохотом взлетал на валы, прыгал вниз. Рассеченные надвое, волны обрушивались на палубу, острые брызги били в лицо. Изотов знал, что шум работающих дизелей и удары днища о волны разносятся далеко, но он уже не скрывался: нарушитель имел, как видно, не только локатор и мощные двигатели, он, очевидно, был снабжен и гидрофоном.

Белоконь убежал в моторный отсек — проверить, можно ли еще что-нибудь выжать из дизелей. Изотов продиктовал радисту донесение в пограндивизион: «Замаскированное под МРТ-471 судно стремится покинуть территориальные воды. Веду преследование. Подозреваю, что в квадратах 37—38 произошло нарушение границы с моря»...

Между тем обстановка изменилась к худшему. Шторм, хотя и с опозданием, приближался. Уже посвистывал ветер, и волнение, примчавшееся издалека, так усилилось, что катер было, швыряло, он не мог развить прежней скорости.

Глубокоосидающему неизвестному траулеру волнение мешало меньше: он не вылетал на волну, не ударялся в нее носом, и скорость судна почти не уменьшалась. Нарушитель границы был уже недалеко, катер по-прежнему нагнал его, но Изотов понял, что траулер первым достигнет границы территориальных вод.

В отчаянии Изотов вполголоса выругался.

Тойвис понял командира по-своему.

— Открыть огонь, товарищ старший лейтенант? Цель в пределах досягаемости...

Обычно сдержанный, командир катера яростно топнул ногой.

— Какую цель накроете?! Мы же не знаем, что это за судно. И потом — палить вслепую в открытое море? По показаниям локатора? В этой чертовой ночной мороси и кошка ничего не разглядит!

Концы — из воды

В дежурке погранзаставы их было двое в этот поздний час. Сержант с повязкой на рукаве сидел за столом и писал, изредка о чем-то задумываясь, а его помощник, молодой солдат, смотрел в темное окно.

— Погодка у вас на Балтике, — вздохнул солдат. — На Урале чтоб такие туманы — да никогда! Ужас просто...

— Отличная погодка, — отозвался сержант. — Для нарушителей лучше не придумаешь погодки. А для нас, понятно, самая рабочая, — он подмигнул помощнику. — Не унывай!

Молодой солдат присел на узенький подоконник, зевнул. В такую сырую погоду спать бы да спать. Но — дежурство... И чтобы не поддаться дреме, солдат обводил глазами дежурку, отмечая каждый предмет: «Стул... Стол... Еще — диван...» Взгляд солдата привычно скользнул по сигнальным и связным аппаратам, чуть дольше задержался на зеленом железном шкафе для оружия.

Больше считать было нечего, и солдату пришлось начать все сначала. «Стул... Еще — стол...» — шептал он уныло.

Зазвонил телефон. По лицу сержанта солдат понял, что произошло что-то важное, и мигом соскочил с подоконника.

— ...Есть, принимаю, — по-уставному четко проговорил сержант в трубку и, придвинув журнал, сделал запись: «Начальникам ПЗ 21 и 22 перейти на усиленную охрану. Фланговым ПЗ быть в готовности».

Молодой солдат опять примостился на подоконнике. Издалека глухо доносился рокот моря. Шторм набирал силу. Сержант покачал головой, пробормотал вполголоса:

— И по заказу не подобрать лучшей погодки!

На столе зазуммерил второй телефон. Сержант схватил трубку.

Приглушенный голос доложил:

— Я Сергеев. Прошел кривую сосну. На КСП — свежий след!

Сержант, не отнимая трубки от уха, обернулся к помощнику:

— Застава — в ружье!

Солдат стремглав выскочил наружу.

Через минуту в дежурку торопливо входил начальник погранзаставы.

— «Тревожных» поднял? Отлично!

Пока дежурный информировал начальника о происшествии, на дворе погранзаставы собралась группа «тревожных» в масках. С моря задул резкий ветер. Брезент стоявшего посреди двора «газика» громко захлопал. Солдаты полезли в кусты. Последним из помещения выбежал инструктор с овчаркой на поводке.

— Барьер, Серый! — крикнул он, и собака прыгнула к солдатам. Инструктор полз вслед за ней.

В дверях дежурки показался озабоченный начальник погранзаставы. Лейтенант, командовавший «тревожными», доложил, что группа к выполнению задания готова...

Сперва автомашина пробиравась лесной дорогой, потом вынырнула на шоссе. Ветер переметал через дорогу хвою и листья. Туман, сметаемый бурей, редел, пошел дождь. Шофер правил с осторожностью, и все же на мокром асфальте на крутых поворотах машину заносило.

— Здесь, товарищ лейтенант, — сказал шофер, останавливая «газик».

Лейтенант с пограничниками углубился в лес. Солдаты в темноте натыкались на деревья и пни. Лейтенант временами на секунду-другую подсвечивал фонариком, чтоб не потерять тропинку.

Когда впереди показалась вода, стало немного светлее. Свет исходило само побелевшее море. Прибой грузно обрушивался на песчаный пляж, докатываясь до прибрежных холмов. Холодный дождь сек деревья и землю.

На расстоянии, недоступном для самого ошалелого прибоя, протянулась широкая лента пробороненного и разглаженного песка. Здесь, у контрольно-следовой полосы, «тревожных» поджидал один из пограничников.

Луч фонарика выхватил отчетливые следы. Кто-то совсем недавно пересек контрольную полосу со стороны моря. Лейтенант подозвал инструктора, и тот подвел к следу овчарку.

— След, Серый, след!

С минуту пес внюхивался в следы, потом рванулся к лесу. Инструктор, натягивая поводок, поспешил с двумя пограничниками за овчаркой.

Лейтенант осторожно пошел от контрольной полосы к морю. Здесь след становился незаметней, штормовой прибой быстро заполнял песком и разглаживал ямки и вмятины. Одно было несомненно: следы тянулись от моря.

— Аквалангист, — уверенно сказал один из пограничников. — В одиночку попер!

Лейтенант с сомнением покачал головой.

Море гремело, заглушая голоса.

— Самохин, у тебя сорок четвертый? — крикнул лейтенант. — А ну — пройди параллельно слева от следа.

Самохин, рослый и плотный пограничник, пересек контрольную полосу, стараясь впечатывать свои следы рядом с отметками, оставленными нарушителем. След пограничника был примерно таким же по величине, но мельче.

— Тяжелую ношу тащил, — предположил первый пограничник.

Лейтенант задумался.

— Самохин, — позвал он, — возвратись-ка стороной обратно. Чижко, лезь Самохину на плечи. Та-ак... Теперь топайте справа от следов нарушителя.

На этот раз отпечаток ноги Самохина и по глубине совпал со следом нарушителя.

— Двое их было, — сказал лейтенант. — Теперь айда за нашими.

В лесу лейтенант, приказав, чтоб его подождали, отдалился на несколько шагов и, оказавшись у большой кривой сосны, нащупал прикрытый корой тайничок. Там была розетка.

Лейтенант назвал пароль и негромко проговорил в микрофон:

— Шустрых двое. Двое шустрых, ясно? Иду по следу.

Он приладил кору к дереву и пошел к солдатам.

Минуты через три, уже на выходе к шоссе, лейтенант столкнулся с инструктором. Овчарка металась от одного дерева к другому.

— Петлял нарушитель, — раздраженно пояснил инструктор. — Такие петли завязывал — не постижимо! И все норвил по листьям, а не по земле, чтоб ямок не оставлять. Да еще дождь помогает ему, все смывает...

— Их двое, — сказал лейтенант. — При переходе полосы один сидел на плечах у другого.

Пока они говорили, овчарка опять уловила след и рванулась дальше. Выскочив на асфальт, собака засуетилась, обнюхивая то одно, то другое место. Перебежала дорогу, вернулась, виновато заскулила...

К пограничникам подкатила автомашина — шофер увидел свет фонариков.

Лейтенант влез в кабину, включил рацию.

— След потерян на шоссе в районе турбазы. Нарушители прорвались в тыл. Продолжаю поиск. Пришлите вторую машину к турбазе, я буду там.

Он вылез из кабины и осмотрелся. На востоке еще не светлело, хотя время уже шло к утру. Дождь начал стихать. Но ветер не убывал. Шум раскачивающихся сосен смешивался с тяжким гулом прибоя.

— Разобьемся на три группы,— приказал лейтенант солдатам.— Двое по шоссе на юг, трое с овчаркой — на север, на машине. Я с двумя — на турбазу. Кто первым натолкнется на след, ракетой созовывай остальных.

Беспокойные гости

Турбаза «Пески», куда направился лейтенант Петров с двумя пограничниками, размещалась в сосновом бору на берегу Курского залива. Ширина косы в этом месте меньше километра, с холмов, поднимающихся к северу от турбазы, открывался вид и на залив, и на море. Местечко это было для туристов заманчивое, летом сюда съезжались гости со всей страны. Да и поздней осенью деревянные домики турбазы не пустовали.

Привлекало туристов на Курскую косу редкостное сочетание обширного пресноводного залива, образованного Неманом, моря, соснового леса и высочайших в Европе песчаных дюн. В лесу водились грибы, в заливе — судак, лещ, красноперка, окунь. Кроме того, именно сюда, в Курский залив, шел каждой весной на нерест из тропического Саргассова моря атлантический угорь. В иной год его было такое обилие, что ежедневные уловы здешних пяти рыболовецких колхозов исчислялись десятками тонн. В эти весенние дни коптильный завод в литовской части Курской косы густо дымил, заготавливая впрок деликатесы на экспорт и для внутреннего рынка.

На турбазе имелись лодки, и утром залив в районе турбазы расцветал синими, красными, белыми пятнами уходящих от берега шлюпок с рыболовами и отдыхающими. Даже когда штормовало море, залив, прикрытый от Балтики лесом и дюнами, оставался безмятежно тихим. Кто взбирался на дюны, тот наслаждался несравненным пейзажем: на западе, всего в нескольких сотнях метров, сердито белело море, свирепый прибой крушил берега, а рядом на десятки километров простиралась изумрудно-зеленая, умиротворенно тихая водная гладь...

Лишь в большие ураганы и залив начинал волноваться. Но и в эти бурные дни — чаще всего зимние — волнение в заливе мало напоминало морское.

В ненастную погоду на турбазе «Пески» народу нередко прибывало: туристы, застигнутые в лесу бурей, торопились к живительному буфету турбазы, под надежные крыши ее домиков и палаток, на ее удобную автомобильную стоянку. Или, наконец, просто под укрытие ее рослых сосен.

И поэтому Слесаренко, заведующий турбазой, — он обычно называл себя директором — не слишком удивился, когда глубокой ночью повстречал на тропке, неподалеку от своего домика, двух рыболовов, прибравшихся по лесу.

Слесаренко перед сном всегда обходил свое хозяйство — поселок из деревянных домиков, буфет со складом продуктов, шлюпочную пристань. На турбазе даже мелких краж за три года его «директорства» не бывало, но Слесаренко не успокаивал себя и свято берег хозяйство.

Он направил на незнакомцев свет фонарика и крикнул:

— Стой на месте! Кто такие? Идите сюда, глядя на вас.

— Бдительный! — засмеялся один из незнакомцев, тот, что был ростом заметно ниже своего товарища. — С таким не пропадешь. — И с той же издевкой в голосе добавил: — Все-таки, папаша, уточни — стоять на месте или идти к тебе? Мы народ смиренный, на все согласны.

Незнакомцы, по всему, были из незадачливых рыболовов, угодивших в сырой холодный туман вместо ожидаемой теплой и ясной ночи.

— Откуда? Из Калининграда? — ворчливо спросил Слесаренко.

— Из Калининграда, — подтвердил тот же рыболов. — Последним автобусом выехали, чтоб на рассвете порыбачить. Собирались развести огонек на бережку, да такая морось, что невмоготу.

Слесаренко внушительно сказал:

— За огонь в лесу — знаешь? Жестоко оштрафую!

— Вот, вот — штрафа испугались! — хохотнул низенький. — И порешили развести огонек в желудке, а не в лесу... Горючего две бутылочки имеются, — он доверительно понизил голос. — И теперь задача — столик бы с лампой, а на завершение — две бы коечки до утра...

Объяснение незнакомца сомнений не вызвало. Последний автобус из Калининграда на Ниду прошел вечером, с него всегда сходили рыболовы. И редко кто из рыбаков отправлялся сюда, не прихватив с собой — против сырости — бутылочку «газу».

Все же Слесаренко потребовал документы.

— Уже и рыбу без паспорта нельзя положить, — не удержался низенький, но паспорт достал.

То же сделал и второй.

Паспорта были калининградские, один на имя Мартынова, это был низенький, другой — на Семенова. Оба были прописаны в соседних домах по улице Пролетарской. Слесаренко хорошо знал эту улицу, она шла из парка мимо озера, через новостроящийся центр города, к Преголи. Улица была солидная, на ней жили рыбаки, служащие, строители.

Мартынов снова поинтересовался насчет столика и коечек.

— Столик найдем, коечки тоже не проблема, — сказал Слесаренко, смягчаясь. Он любил выпить, особенно в плохую погоду. Жена покупала водку редко, по большим праздникам и на его день рождения. Однако не возражала, когда мужа угощали другие: подвыпив, Слесаренко делался добрым и смиренным...

Заведующий турбазой зашагал впереди, освещая фонариком дорогу к дому. Дети и жена уже спали, поэтому, предупредив гостей, чтобы вели себя тихо, Слесаренко пропустил их в первую комнату.

Гости сбросили с плеч объемистые рюкзаки. Высокий поставил на стол две бутылки «Столичной», второй извлек и мигом вскрыл две банки консервов.

— Сардина, — с уважением сказал Слесаренко. — Калининградская. Обожаю.

Он с наслаждением выпил граненый стаканчик. Пока закусывал, гости наливали еще. Слесаренко опорожнил и второй. Осилит и третий. Но потянуло в сон.

— Назююкался, — определил низенький, кивая на хозяина. — Быстренько его разбирает!

Высокий лишь хмуро кивнул. Он решительно не хотел говорить. Даже на прямые вопросы он

ограничивался односложными ответами: «да», «нет», «хм».

Слесаренко обидела насмешка гостя.

— Назююкался? Ни в одном глазу! Ну, максимум... на полглаза!

— А как с коечками? А утречком бы — ходкую шлюпочку!

Слесаренко с усилием поднялся. Третий стаканчик был самым коварным.

— Пошли. Все устрою. А шлюпки.. Значит, так. «Стриж», «Ласточка», «Белая чайка» — сами выбирайте, сами поплывете. Айда за мной!

На дворе туман стал таким густым, что свет фонарика пробивал его лишь на метр. Слесаренко открыл один из пустующих домиков и пожелал гостям доброй ночи. Возвратившись домой, он скинул сапоги, завалился на диван и сразу уснул.

Когда в дверь постучали, ему показалось, что спал он всего несколько минут. Слесаренко вскочил, осмотрелся. В окне было так же непроглядно темно. Включил свет. Часы показывали шесть утра.

В комнату вошли лейтенант и два солдата. Лейтенанта Слесаренко знал: тот был с соседней погранзаставы.

— Садитесь,— пригласил заведующий турбазой, но лейтенант нетерпеливо махнул рукой.

— У вас все в порядке, товарищ Слесаренко? Происшествий ночью не было?

Слесаренко ответил, что происшествий нет. Часа два-три назад на территорию пришли двое рыбаков — скрывались от непогоды. Сами из Калининграда, люди хорошие, даже выпили немного, на столе вон остатки...

— Ушли? — перебил лейтенант, делая шаг к двери.

— Здесь. Кто уйдет в такую мерзопогодину? В домике дрыхнут. Документы их проверил, но интересуетесь сами — пойдемте, покажу.

Он повел пограничников к домику, куда поселил ночных гостей. На лесной тропке Слесаренко включил фонарик, но лейтенант потребовал обойтись без света. Слесаренко пожал плечами: неужели пограничники подозревают в чем-либо этих рыбаков? Чепуха! Живут в Калининграде, рядом с центром... Ошибка какая-то...

В домике было темно и тихо. Лейтенант с солдатом подкрались к двери, второй солдат стал поодаль. Чтоб не мешать им, Слесаренко присел на скамейку у другого домика. Он не увидел, как лейтенант проник внутрь, но скрип открываемой двери услышал. В комнате вспыхнул свет, затем оттуда донесся до заведующего голос лейтенанта:

— Товарищ Слесаренко, идите сюда!

Комната была пуста. На койках лежало нерасстланное белье, нерасстеленные одеяла. Незнакомцы убрались и не подумав об отдыхе.

— Вы не в другом домике поселили их? — спросил лейтенант.

Озадаченный Слесаренко покачал головой. Да, он был немного на взводе, но не настолько же, чтоб перепутать домики! В соседних, тем более, давно живут... Здесь они были, Мартынов и Семенов, — такие у них фамилии, — только здесь!

— Может, лодку взяли, чтоб рассвет встретить на заливе? — Слесаренко не хотелось менять своего доброго мнения о ночных посетителях. — Посмотреть бы, все ли шлюпки на месте...

— Проверьте лодки, а мы пока осмотрим домики, — сказал лейтенант.

— Всех будить! — ворчал заведующий турбазой, идя к берегу с одним из пограничников. — Люди отдыхать приехали, веселиться. Рыбачить на зорьке...

Однако все лодки мирно покоились на песке. Слесаренко пересчитал их, помрачнел, видимо, понял, что дело серьезнее, чем вообразилось вначале.

Лейтенант стучался в каждый домик и, прося извинения у заспанных хозяев, внимательно осматривал комнаты. Он расспрашивал одного из жильцов турбазы, когда возвратился Слесаренко. Жилец считался на турбазе старожилом — приезжал и в прошлые годы, и в этот раз жил уже две недели. Это был сварщик из Калининграда.

— Не видал ли кого? — переспросил он, зевая. — Видал, почему же не выдать? Двоих видал. Вот как вас вижу. Темнее было, конечно: лес. И туман, натурально. Только ничего особенного — увидел. И сейчас покажи — узнаю.

— Где видели? Когда? Какие из себя?

Сварщик с той же неспешностью объяснил, что ночью вышел наружу. Прихватив фонарик, он отошел к соснам около домика и здесь чуть ли не лоб ко лбу столкнулся с двумя мужчинами. Один высокий, другой пониже.

— Они, — с уверенностью сказал Слесаренко. — Первый — то худой и молчаливый, а второй — болтун. Они!

— Один высокий, другой пониже, — повторил сварщик. — Но что высокий молчалив — нет. Он-то и пошутил насчет дождя, а низенький как раз молчал. И чтоб особенно худой, не похоже. Комплекция вполне подходящая. А голос нечист — литовец, вроде... У второго запомнил — лицо чистое, а на щеке около губы — родинка.

— Насчет глаз и волос — не заметил, а родинку тоже помню, — подтвердил Слесаренко. — Только она у носа, а не у губы. — Он показал, где помещалась родинка.

— Осмотрим еще автомобильную стоянку, и вы можете быть свободны, — сказал лейтенант заведующему турбазой, когда они снова вышли в лес. — Просьба: ничего на столе не трогать. Ни стаканов, ни пустых консервных банок.

— Ни до чего не дотронуться своих на километр не подплуцу! — заверил Слесаренко.

На стоянке находилось около двадцати автомашин. Некоторые были накрыты чехлами. Пограничники осматривали одну машину за другой, приподнимали чехлы.

— Недавно одна отошла, — сказал лейтенант, обнаружив на песке свежие вмятины от шин.

Слесаренко закричал в волнении:

— «Победы» нет! «Победа» вон тут стояла — увели, мерзавцы! Номер — КЛБ 22-25. Ах же, подлецы!

Лейтенант спросил, не могли ли уехать сами хозяева. Слесаренко, все более возбуждаясь, объяснил, что ни к чему им ездить по ночам. Владелец машины — местный писатель, живет здесь с женой и двумя детьми, девочкой и мальчиком, писатель лысый, картавит, жена полная, вон там они живут, крайний домик, зелененький в белую полосочку...

Лейтенант припомнил, что в одном из домиков разбудил пожилого лысого хозяина, тот и вправду назвался писателем, а жена у него, тоже верно, полноватая. И на двух раскладушках спали дети.

Он прошел по автомобильному следу. Машину, по-видимому, сначала толкали руками, чтобы на турбазе не услышали шум мотора. Вдоль автомобильного следа можно было различить и два человеческих — ногу большую и ногу поменьше. Дело было до дождя, следы на три четверти смыло.

— За мной! — крикнул лейтенант и побежал к шоссе, где у поворота на турбазу его уже ждала легковая, с брезентовым верхом машина.

Лейтенант уселся на переднее сиденье, позади разместились два солдата.

— К Ниде, скорее! — приказал он.

Лейтенант не смог бы объяснить в тот момент, почему повернул к Ниде, а не в Зеленоградск: город этот был в два раза ближе Ниды, крупнее, к нему сходились железнодорожные и шоссезные дороги, в нем легче затеряться, проще улепетнуть.

Но по множеству признаков лейтенант уже сделал для себя вывод, что противник отлично знает местную обстановку и действует пока безошибочно.

Однако лейтенант чувствовал, что опоздал. Несколько часов форы в этой игре решали исход партии. Он, преследуя нарушителей, тыкался вначале вслепую то туда, то сюда, терял драгоценные минуты на осмотры и разговоры, а они уносились в машине. Каждая минута увеличивала разрыв.

За поселком Рыбачье встретилась первая автомашина.

— Осматривали лес, кое-где останавливались, — доложил шофер. — Нарушителей и следа нет.

— Автобусы попадались? — спросил лейтенант.

— Прошел один, из Ниды на Зеленоградск.

— Остановили?

— Остановили, проверили документы. Народ местный. Кто на базар, кто в магазины.

— Двух человек — одного высокого, другого пониже — не видели? Похожи на рыбаков.

— Сидели и такие, товарищ лейтенант. Но чтоб с рыбацким снаряжением — нет, не видели.

— У кого-нибудь родинки на щеке не заметили?

Пограничники переглянулись.

— Да нет... Вроде без родинок.

— Осмотрите поселок Морское, лес и дюны вокруг поселка. Я еду в Ниду...

Рассвет постепенно оттеснял тьму. Погода уже не раз прихотливо менялась в эту ночь: сперва был туман, потом хлынул дождь, наконец разразилась буря. Теперь ветер затихал, дремотное спокойствие окутывало лес. С моря снова пополз туман. Он накапливался во впадинах, сгущался меж сосен, взбирался на дюны. Утро было сумрачным, обещая промозглый день.

— Следы машины, товарищ лейтенант! — доложил шофер, сбрасывая скорость.

Лейтенант выскочил наружу. Густой лес пересекала просека. В глубь просеки уходили следы легковой машины. Немного дальше начинался поворот шоссе к Ниде.

Лейтенант с двумя пограничниками двинулся по просеке. Она вела от шоссе к заливу, и в конце ее пограничники увидели «Победу», номер — КЛБ 22—25. Старенькая, потрепанная машина была пуста. Передними колесами она уехала в воду залива.

На прибрежном песке не было видно никаких следов. Нарушители, несомненно, выбирались из передней кабины прямо в воду. На полу машины виднелись грязь и песок. Лейтенант осмотрел переднее и заднее сидения. В углу валялся испачканный, раздавленный окурок с колечком помады. Лейтенант завернул его в чистую бумагу, спрятал в карман.

— Останешься около «Победы», — сказал лейтенант одному пограничнику, а второму велел возвращаться к шоссе и ехать в Ниду.

Сам он пошел по берегу, высматривая, не покажутся ли где на песке следы.

Берег в иных местах нависал над водой мысками, покрытыми плотной травой. Нарушители, вероятно, и выбирались из воды на сушу по одному из таких мысков. Сам лейтенант в подобном случае поступил бы именно так: в траве труднее разглядеть следы.

Что-либо искать тут сейчас, когда дорога каждая минута, было не к чему.

Лейтенант пошел к автостанции.

В помещении станции диспетчер, красивая молодая литовка, болтала с автослесарем. Лейтенант, вежливо поздоровавшись, спросил, не заметила ли она двух незнакомых людей, садившихся в утренний автобус. Один высокий, похож на литовца, другой русский, пониже, поплотнее. По виду — оба рыбаковы.

Девушка ответила, что почти все пассажиры ей незнакомы, она всего месяц как приехала из Клайпеды. Да, были высокие пассажиры, похожие на рыбаков, и низенькие были, всякие были. Один — среднего роста — все разговаривал с интересной женщиной, и в автобусе на Зеленоградск они сели вместе. А рядом, место двадцать восьмое, это она помнит хорошо, сидел мужчина высокий, его приятель, они переговаривались. Литовец? На литовца не похож, говорили по-русски. Впрочем, возможно и литовец, она не присматривалась.

Лейтенант поблагодарил диспетчера и вышел. Из станции выскользнул автослесарь и, оглянувшись, словно чего-то опасался, приблизился к лейтенанту.

— Товарищ лейтенант, у вас «чепе»?

— Почему вас это интересует? — сухо спросил лейтенант. Он вспомнил, что автослесарь с интересом прислушивался к его разговору с диспетчером.

— Нет, я просто так, — заторопился смущенный парень. — Помочь хочу. Я ведь тоже двоих незнакомых... как это? Хорошо посмотрел, так? — Он говорил с сильным литовским акцентом и поминутно останавливался, подбирая нужные русские слова. — Лучше отойти на без подслушивания, так?

— Садитесь ко мне в машину, — предложил лейтенант.

В машине автослесарь рассказал, что работал всю ночь, надо было подготовиться к утреннему рейсу автобус на Клайпеду. А закончив работу, он подсел к Марии, к диспетчеру, идти домой все равно было поздно. Два человека, что сели на зеленоградский автобус, ему незнакомы, а женщина, о которой упоминала Мария, — жительница Ниды Элене Райбужас, незамужняя, с двумя детьми. Но он хотел не об Элене, важнее, что в клайпедский автобус, тот, что он ремонтировал, сели других два незнакомых пассажира, уселись рядом и закрыли глаза, словно хотели спать. Один, точно, высокий, похож на литовца, второй — пониже, широкоплечий, на щеке у него родинка.

— Родинка? — переспросил лейтенант. — Вы точно рассмотрели?

Автослесарь родинку рассмотрел отчетливо — коричневая, с волосиками.

— Если понадобится, я здесь живу. Владас Венчюрюс, так моя фамилия, — сказал он. — Вызывайте, когда надо, так? — Он вышел из машины и дружески помахал рукой пограничникам.

— На заставу, побыстрее, — приказал лейтенант. Теперь надо было основательно изучить добытый материал. Поиск, судя по всему, уходил в районы, лежащие вне косы.

Когда они проезжали мимо знакомой просеки, шофер кивнул в сторону найденной «Победы».

— Вроде ящериц наши беспокойные гости, товарищ лейтенант. Те ведь как? Если опасность по пятам — мигом хвост отбросят, а сами наутек. Занимайтесь, мол, нашим хвостом, а мы тем временем смоемся...

Начальник оперативной группы

Подполковник Михаил Владимирович Денисов, вылетая из Киева в Калининград, знал о предстоящей операции только то, что она развернется в хорошо знакомом ему месте и что помогать ему будут хорошо известные люди: бывшие сослуживцы, старые друзья. И все-таки для успеха этого было мало, хотя и очень важно.

На Калининградском аэродроме Денисова ждали, и Михаил Владимирович сразу направился в погранотряд. Встреча с приятелями, начальником отряда полковником Бандуренко и начальником политотдела полковником Марьямовым, была, разумеется, самой теплой. Пять лет не виделись, и разговоров хватило бы на сутки. Да работа не ждала...

— ...Такие наши дела, — закончил Бандуренко, рассказав Денисову о том, что произошло ночью на море около Курской косы и на самой косе. — Не будь тумана, а потом дождя и бури...

— Не будь тумана, дождя и бури, они воспользовались бы другим планом, — возразил

Марьямов, который, как понял Денисов, по-инному оценивал вражескую операцию и, видимо, уже спорил с начальником отряда, отстаивая свою точку зрения. Денисов про себя тут же решил: своего мнения пока не высказывать.

— Меня, если хотите знать,— продолжал Марьямов,— просто поражает, с каким совершенством они использовали особенности погоды. Не сомневаюсь, что нарушители жили раньше в этих местах.

— По-вашему, это немцы, проживавшие до войны на территории Восточной Пруссии?— спросил Денисов.

Этого Марьямов не утверждал. Он склонялся к мысли, что нарушители бывали здесь уже после войны. На новый вопрос Денисова — о возможной причине нарушения — Марьямов и Бандуренко согласно ответили, что гости из-за рубежа, по всей вероятности, будут действовать в Калининградской области.

— А что их может здесь заинтересовать? Сколько помню, особо примечательных объектов у вас не водится. Прибалтика — не Урал и не Сибирь. Мощной промышленности здесь нет... Рыбацкий край.

— Спецобъект? — предложил начальник отряда. — Конечно, не бог знает, что строится, но объект все-таки важный. На всякий случай, мы послали туда предписание об усиленной охране.

Из дальнейшей беседы Денисов узнал, что на шоссе и железных дорогах, как и во всех портах, тоже введена усиленная охрана, что в помощи пограничникам привлечены другие организации, что словесные портреты нарушителей переданы на все посты, что лейтенант Петров, проводивший этой ночью поиск на косе, поступает в полное распоряжение Денисова, что, наконец, любая другая помощь, которая понадобится, также будет оказана.

От Бандуренко Денисов поехал в областное управление милиции. Заместитель начальника управления Аркадий Степанович Говоров был давним другом Денисова. Они познакомились еще в 1945 году, когда Говоров служил здесь в военной комендатуре, а Денисов только начал службу на границе...

Друзья обнялись, посмотрели друг другу в глаза, помолчали, вспоминая ли прожитые годы, волнуясь ли от того, что снова свела судьба. В молчании нередко больше смысла, чем в словах, приличествующих встрече.

Полковник Говоров заговорил первым:

— Я знал, что ты едешь и по какому делу... Уже навел справки о Семенове и Мартынове.

— И что же выяснилось, Аркадий Степанович?

— Мартынов и Семенов реально существующие люди. Прописаны на улице Пролетарской, как и было указано в их документах.

— Интересно!

— Да. Оба — классные специалисты, главстаршины, отличники срочной службы. Теперь служат в отряде торпедных катеров вольнонаемными... Вот их фотографии. Словесные портреты — правдоподобны... Любопытно и то, что Семенов значительно выше Мартынова...

— Так-так,— задумчиво проговорил Денисов. — И тут камуфляж по всем правилам.

— За исключением того, что оба моряка в настоящий момент далеко отсюда — в море, в походе.

— Умный и дерзкий попался нам противник, Аркадий Степанович.

— Это верно, Михаил Владимирович...

Они проговорили с час, намечая план совместных действий. Затем Денисов поехал в пограндивизион. Там тоже были предупреждены о его приезде, и четверо, которых хотел он видеть, — Изотов, Белоконов, Тойвис и штурманский матрос — уже ждали. Чего-либо нового Денисов не узнал. Он видел, что моряки подавлены своим просчетом. Изотов говорил, опустив голову. Он не мог простить себе оплошности, считал ошибкой, что не вызвал на мостик капитана траулера-двойника.

— Тот капитан мог без большой опаски и под Сидоренко сыграть,— заметил Денисов. — На таком расстоянии и в таком тумане различить подлог было бы непросто. А приметы и особенности Сидоренко они, конечно, знали. Вы уверены, что двойник тралил, а не просто направлялся к берегу?

— Он, возможно, в это время направлялся к берегу, чтобы высадить аквалангистов. Но одновременно тащил трал. Мы ясно видели ваера, потому и не подошли вплотную... Никто из колхозных рыбаков этого судна не видел. Оно хитро пристроилось в тумане позади флотилии.

Денисов спросил, долго ли еще на экране локатора было изображение двойника.

Моряки ответили, что недолго. Шторм спутал обзор: отражения от бегущего судна мешались с отражениями от волн.

— А вы уверены, что незнакомое судно — МРТ?

— Копия! — хором сказали моряки.

Изотов добавил:

— Обыкновенный МРТ со всем траловым хозяйством, только вместо грузовых трюмов — особое оборудование...

На заставу Денисов ехал в армейской легкой, выделенной для его нужд в погранотряде. Сидя рядом с шофером, он с интересом оглядывался.

Калининград за те пять лет, что он здесь не был, изменился сильно. Развалин почти не осталось. На расчищенных площадках возводились новые дома, и не только стандартные пятиэтажные, с некоторых пор расплодившиеся во всех уголках страны, но и в шесть, и в семь, и в девять этажей. Были восстановлены и многие старые строения — двадцатый век то здесь, то там соседствовал с девятнадцатым и восемнадцатым.

За городом тянулось зеленоградское шоссе, обрамленное рослыми, в два-три обхвата, липами и каштанами. Когда-то это была шебечная дорога, связывавшая помещичьи имения, — деревья сохранились еще с той поры. Одно десятилетие сменялось другим, щебенку заменили булыжником, булыжник — брусчаткой, а на дряхлеющую брусчатку — уже в наше время — напластовали асфальт. По дороге в оба конца неслышно теперь автомашины всех марок и назначений. Но как была она узкой, пригодной лишь для телег и дрожек, такой и осталась. Чтобы полностью приспособить эту старинную дорогу к современным нуждам, пришлось бы срубить великолепные деревья, а на это не хватало духу. Слишком красив был удивительный туннель, образованный кронами деревьев.

А затем начался Зеленоградск, курортный городок у моря.

Лейтенант Петров, возглавлявший этой ночью группу «тревожных» на Курской косе, писал подробный отчет о поиске, когда появился Денисов. Начальник оперативной группы прочел страницы отчета и уточнил подробности. Разговаривая, он изучал лейтенанта. Успех во многом зависел от тех, кто вышел на поиск. И лейтенант, похоже, сделал все, что можно было от него потребовать. Денисову понравился этот невысокий, немногословный, совсем еще юный пограничник. Он был не только решителен, быстр, сообразителен,— это скорее свойства возраста,— но и наблюдателен, вдумчив.

— Поедете со мной, товарищ Петров,— сказал Денисов.

Он сел в свою машину, за ним на такой же поехал лейтенант.

Сразу за Зеленоградском начиналась Курская коса. Места эти Денисов любил. За свою пограничную службу он исколесил всю страну, много было местечек живописных, даже величественных своей безлюдной суровостью.

Однако уникальное творение природы — Курская коса — восхищало его больше всего.

Это был песчаный полуостров, протянувшийся на сто два километра от Зеленоградска до Клайпеды,— первые пятьдесят один километр были в составе Калининградской области, вторая часть принадлежала Литве. Полуостров отделял мелководный, опресненный Неманом, залив от южной Балтики. Был полуостров неширок, всего, триста метров в самой узкой части — около поселка Лесное — и три километра в самой широкой — у городка Нида. Но густой хвойно-лиственный лес и высокие песчаные дюны, вздымавшиеся в средней части косы, образовывали почти непреодолимый заслон морским волнам.

Лучше всего здесь бывало весной и осенью, во время птичьих перелетов. За миллионы лет существования коса превратилась для пернатых в промежуточную станцию отдыха, едва ли не единственную в Европе. Птицы, летевшие весной из Египта в Норвегию и на север России, а осенью возвращающиеся из Приполярья к истокам Нила, усеивали Курскую косу звенящими, перелетающими с места на место разноцветными облачками. Незатихающий гомон несся над лесом и дюнами...

За поселком Лесным Денисов попросил остановиться и вышел на шоссе. Туман, ослабев, полностью не рассеялся, но было отлично видно — до чего же узка здесь коса. Слева раскрывалось темное море, а справа зеркально поблескивал ясный залив.

Денисов глубоко вдохнул свежий воздух, снял фуражку. Ветра не было, но волосы охватила влажная сырость...

Вернувшись в машину, Денисов приказал ехать на турбазу.

«Мой принцип не нов: ищите женщину!»

Настроение у Слесаренко было скверное. На рассвете приехали люди, осторожно собрали со стола остатки ночного пиршества и нарисовали план — кто где сидел. Затем подробно допросили Слесаренку и заставили расписаться на каждой странице протокола.

Заведующий турбазой пал духом, обилие подписей dokonало его: каждая казалась петлей, добровольно набрасываемой себе на шею.

Опасаясь теперь, что подполковник Денисов приехал не к нему, а за ним, Слесаренко отвечал на все вопросы с великой готовностью. Но ничего нового добавить не мог. Чем дальше, тем больше ночное происшествие стиралось в похмельной памяти Сидоренко.

— Пойдемте-ка лучше к Тигуну и владельцу украденной «Победы»,— предложил Денисов.

Сварщик Тигун поднялся навстречу гостям с таким видом, словно давно поджидал их и удивлялся, почему они запаздывают. Он явно гордился, что попал в очевидцы. С подробностями, с той же неторопливостью — сейчас она уже не раздражала лейтенанта Петрова — он описал, кого встретил, о чем говорил с незнакомцами и как они выглядели.

— У вас расхождения со Слесаренко,— заметил Денисов.— По его показаниям, высокий был молчалив, а низенький говорлив, у вас — наоборот. Неточно и насчет литовского акцента, и насчет родинки.

— Это у Слесаренко расхождения, а не у меня,— уверенно возразил Тигун.— Я варю точный шов, а не леплю от фонаря... Вот здесь была родинка,— он показал на угол рта,— а если высокий не литовец, так вообще нет на земле такого народа, литовцев.

Денисов обернулся к Слесаренко. Тот заколебался.

— Может, высокий чего и сказал, только не запомнилось... И насчет акцента — тоже не уловил...

— Нет, ты о лице скажи! — настаивал Тигун.— Тот дылда, востроносый, губы тонкие, с усмешечкой, не так разве? А низенький — метровые плечи, нос такой... В общем, нос! Не так?

— Сколько лет им, по-вашему?

— Парни! — заявил Тигун.— Ну, может, низенький постарше... Во всяком случае, не пенсионер!

Слесаренко согласился, что ночных гостей пожилыми не назовешь. Денисов спросил сварщика: не мог бы тот помочь в розыске нарушителей? Тигун согласился с охотой.

Денисов с лейтенантом направились к писателю.

Писатель Толбузин, владелец «Победы», невысокий, насмешливый человек, всем своим поведением словно бы говорил: «Отстаньте, чего привязались, я же к этому ночному происшествию никакого отношения не имею...» Жена его, полная дама, на полголовы выше мужа, старалась своей любезностью смягчить невежливость Толбузина.

— Вас, надеюсь, не сердят мои вопросы? — Денисова стала раздражать ершистость собеседника.— Простите, не знаю имени-отчества?

— Алексей Александрович. Не сердят, а смешат. Вы отлично понимаете, что происшествие — самое заурядное, а вы придаете ему такое значение! Должен сказать, что я не поклонник шпионской литературы.

— По-твоему, Алеша, и шпионов на свете нет? — примирительно сказала жена.

— Почему нет? Есть, конечно. Раз один кто-то заводит секреты, необходимо появляется кто-то другой, кому до смерти надо те секреты раз-

гадать. Это логика. А что шпионы лезут из воды с аквалангами, ластами, на суше — нож в зубах, в руке пистолет, — это, извините, макулатура.

— Но вашу машину сегодня ночью украли, — сдержанно заметил Денисов. — Кто и почему?

— Проще пареной репы, — немедленно отозвался писатель. — Я исповедую эмпирический реализм: если есть два объяснения — одно заурядное, другое необыкновенное, — выбирай заурядное, оно вернее, ибо массовиднее. И так — кто? Самое массовидное, самое заурядное и потому самое вероятное — солдаты, опаздывающие в казарму. Парней отпустили на несколько часов, они помчались к знакомым девушкам, уходить не хочется, а когда ушли, увидели — опоздания уже не избежать. А тут — машина. Соблазн непреодолим. Знаменитый криминалист Габриэль де Сартин первой версией для любого дела предлагал: ищите женщину...

— Алеша! — с упреком сказала жена писателя.

— ...Ибо любовь к женщине есть самое массовидное, самое высокое чувство мужчины! — закончил Толбузин торжественно.

Денисов не мог не признать, что резон в рассуждениях Толбузина имеется. Случаи были, когда солдаты, опаздывающие в часть, угоняли автомашины. Потом эти машины находили в укромных местечках или прямо на дорогах, неподалеку от казарм.

— Теперь вторая часть вопроса — почему? На это ответить еще проще: потому, что я этого горячо хотел.

— Вы хотели, чтоб угнали вашу автомашину? — удивился Денисов.

— Именно, — хладнокровно подтвердил писатель. — Сокровеннейшая мечта моя, что когда-нибудь опрометчивый вор избавит меня от этого грохочущего и постоянно неисправного авторывдана. Не я езжу на моей машине, а она ездит на мне!

— Почему же не продадите?

— Не могу! Единственное, что не могу, это продать ее! — воскликнул писатель. — Могу на ней расшибаться, буксовать, опрокидываться, останавливаться, терять права, терять голову, но только не продавать. Ибо ее любит моя отчаянная супруга! Честное слово! В мире еще не существовало столь неграмотного и столь лихого водителя, как моя жена. И когда она уносится на этом драндулете, я буквально не находя себе места — вдруг авария, вдруг несчастье! Теперь вы понимаете меня?

Денисов покачал головой.

— Объяснение, выражаясь вашими словами, отнюдь не заурядное и не массовидное... Проводите меня, пожалуйста, Алексей Александрович.

За порогом домика Денисов спросил:

— Какие сигареты курит ваша супруга?

— Никаких, — ответил Толбузин. — А почему вы об этом спрашиваете?

— В вашей машине нашли окурочек со свежими следами помады.

— Ага! Значит, женщина все-таки была! Значит, я прав?

— Возможно... Кстати, не хотите ли проехаться с нами к вашей «Победе»?

— Пожалуй, съезжу, — проговорил писатель. — Все-таки интересно... Позвольте, я предупрежу жену...

Уже в машине писатель сказал Денисову, что у него мелькнула мысль — похитителей «Победы» было четверо. Почему? Ну, это вполне естественно — двое парней, две девушки.

Денисов рассмеялся.

Недалеко от Ниды машина свернула в лесную просеку. У «Победы», все так же стоявшей передними колесами в воде, прохаживался пограничник. Здесь все уже было сфотографировано и тщательно исследовано, но Денисов предупредил еще в погранотряде, чтоб автомашину не убирали, пока он не придет.

— Жива старуха, — произнес Толбузин. — И украсть-то себя по-хорошему не дает.

Денисов раскрыл дверцы «Победы». Машина была старенькая, с поврежденной обивкой, со стертymi резиновыми ковриками, небрежно помытыми стеклами.

— Вот вы смеялись, подполковник, а напрасно, — сказал Толбузин. — Смотрите — песок в передней и в задней кабинах. На коврики смотрите! Спереди и сзади сидели пассажиры — двое мужчин, две женщины.

— А чем вы докажете, что эту грязь оставили не вы? — Денисов серьезно посмотрел на Толбузина. — У вас в семье тоже четверо: вы с женой и дети.

— Исключено! — возразил писатель. — Моя жена и мои дети?! Да после того, как они на минуту влезают в машину, песок надо вычерпывать лопатой! И между прочим, вчера вечером я как раз это и проделал — вычистил обе кабинки.

— Вот как? Это важно, — сказал Денисов. — Тогда извините меня... Действительно возможно, что пассажиров было четверо... Что ж, спасибо, Алексей Александрович! Можете забирать свою «старуху»...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРЕДЛАГАЕМ МАРШРУТЫ ПОХОДОВ

Героическую страницу в историю нашей страны вписали легендарные отряды, полки и дивизии рабочих Урала, громившие отборные части белых генералов. Урал был тем районом, где шли ожесточенные бои гражданской войны. Здесь, по определению В. И. Ленина, решалась судьба революции. Уже в октябре 1917 года вспыхнул контрреволюционный мятеж атамана Дутова в Оренбурге, в мае 1918 года выступили белочехи, а в ноябре вся контрреволюция на Востоке объединяется под властью «верховного правителя» адмирала Колчака.

Если в начале гражданской войны удалось довольно быстро покончить с белоказачьей армией Дутова, то лето 1918 года потребовало мобилизации всех сил молодой советской Республики для борьбы с контрреволюцией. Врагу удалось захватить не только Южный Урал, но и районы Среднего Урала. В руках белых оказались Челябинск и Екатеринбург.

Ярким примером умелого командования и маневрирования в сложившейся трудной обстановке служит военное руководство Василия Константиновича Блюхера, полководческий талант которого раскрылся уже в самом начале гражданской войны. Находясь в окружении, объединенные партизанские отряды под командованием Блюхера наносили сокрушительные удары белым и, совершив 1500-верстный поход, соединились с частями регулярной Красной Армии.

Мы предлагаем следопытам пройти по местам боев армии Блюхера. Начать свой путь лучше всего из Белорецка. Здесь 16 июля 1918 года собрались на военный совет командиры. Сюда прибыли кавалеристы Ивана Каширина из Верхнеуральска, отряд из Троицка Николая Томина и из Оренбурга В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. В Белорецком заводе отряды реорганизовали в полки. Было избрано общее командование во главе с Н. Д. Кашириным.

Решили двигаться на Верхнеуральск, затем на Челябинск и дальше на север — в сторону Екатеринбурга. Но когда получили известие о том, что белые захватили столицу красного Урала, весь сводно-уральский отряд повернул обратно на Белорецкий завод. Главкомом в это время

был уже В. К. Блюхер, заменивший тяжелораненого Н. Д. Каширина.

2 августа вновь собрался совет, на котором было решено идти на соединение с частями Красной Армии в северо-западном направлении.

От Белорецкого завода маршрут идет на Стерлитамак через Узьянский, Коганицкий, Авзяно-Петровский заводы, деревни Кулгунино и Макарово. Очередную остановку следопытам следует сделать в Петровском. Здесь отряд Блюхера провел тяжелый бой, о подробностях которого могут рассказать местные старожилы.

Овладев Петровским, Василий Константинович узнал, что в Стерлитамаке сосредоточены огромные силы белых. И тогда главком решил обмануть генерала Ханжина — провести отвлекающий бой за переправу через Белую. Ход оказался удачным.

Стянув к реке основные части и подготовив оборону, Ханжин уже предвкушал полный разгром красных частей. И каково же было его негодование, когда он узнал, что Блюхер его перехитрил и провел свои части на север.

В Богоявленске к Блюхеру присоединился новый полк под командованием старого рабочего стеклодува М. В. Калмыкова. Задерживаться не стали, надо было спешить. Около деревни Зилим разыгрался новый бой. Это произошло 19 августа, когда Ханжину все же удалось догнать сводно-уральский отряд. Дальше идти стало труднее. Генерал Ханжин буквально «наступал на пятки».

В Бердино белые подготовили сильный заслон. Усталые, полуголодные партизанские полки, преодолевая бездорожье, двигались под непрерывным огнем противника. Выбрав место для переправы через реку Сим, Блюхер приказал навести мост. Кавалеристы Ивана Каширина форсировали Сим вплавь и внезапно ворвались в деревню. Это решило успех операции. Путь был свободен. 29 августа партизаны овладели станцией Иглино.

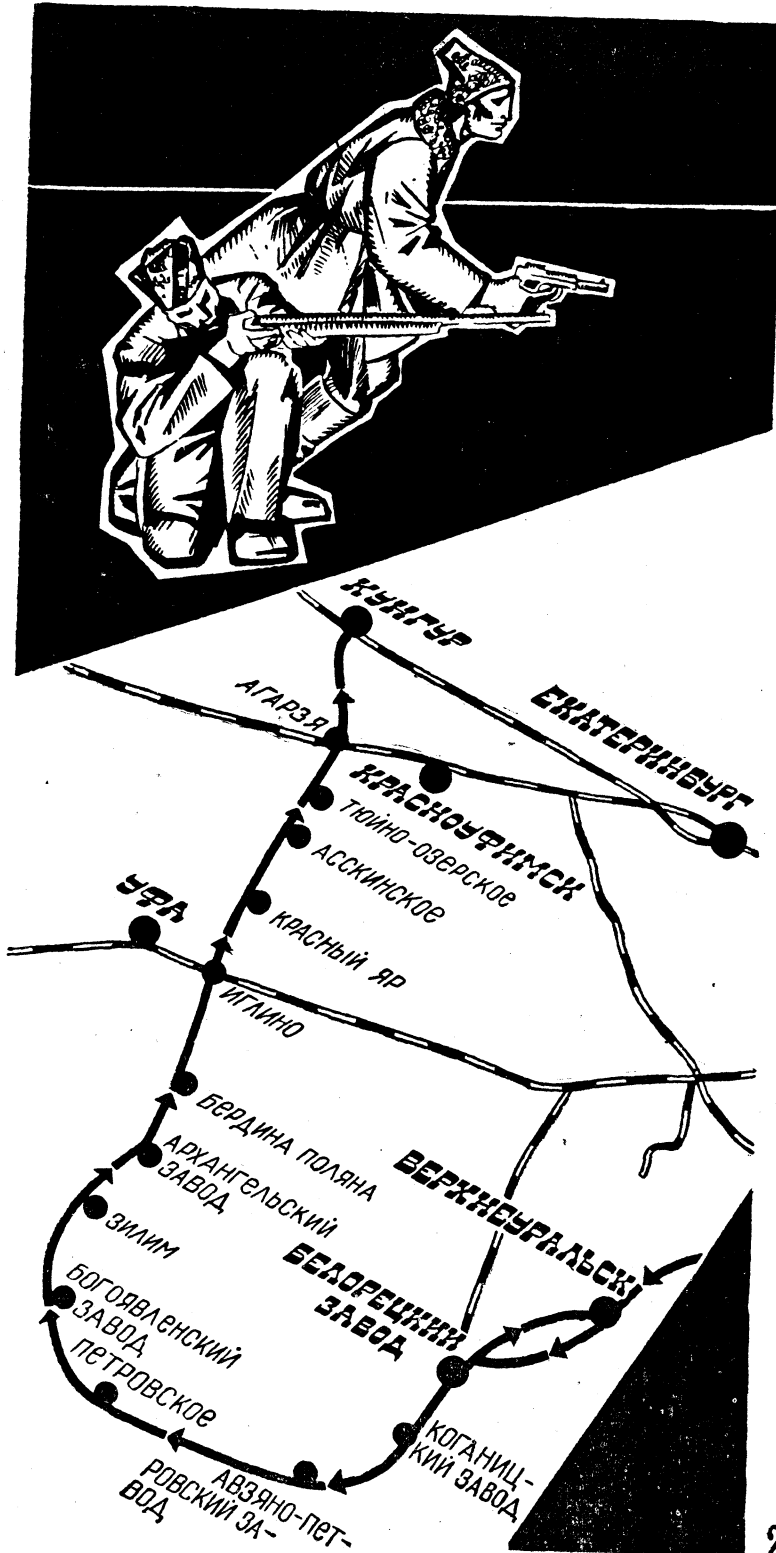
Река Уфа — одна из красивейших на Урале. Маршрут похода приведет к ее берегам. Здесь, у Красной Горки, герои В. К. Блюхера провели самый тяжелый бой за всю историю похода. Бо-

лее семидесяти часов длился он. С помощью местного населения построили мост через Уфу. Конница Ивана Каширина, переправившись через реку, зашла в тыл белым и посеяла в их рядах панику. Через неделю партизаны вышли в район Аскино. Утром 12 сентября разведка достигла Тюино-Озерского и встретилась с передовыми частями Красной Армии. 13 сентября все партизанские полки вышли на линию фронта. 14 сентября со станции Агарзя В. К. Блюхер отправил в Совнарком телеграмму: «Приветствую вас от имени южноуральских войск... В Вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска. Проделав беспрецедентный полуторатысячверстный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единстве с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим, что недалек тот день, когда Красное знамя социализма снова взвьется над Уралом».

Обращаясь к В. И. Ленину, Уральский обком партии писал: «...в лице Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный подвиг в истории нашей революции...» и просил «чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует...».

После небольшого отдыха все восемь партизанских полков влились в 4-ю Уральскую пехотную дивизию. Реорганизация эта проходила в городе Кунгуре, откуда начинался путь прославленной 30-й Иркутской ордена Ленина Краснознаменной имени ВЦИК Уральской стрелковой

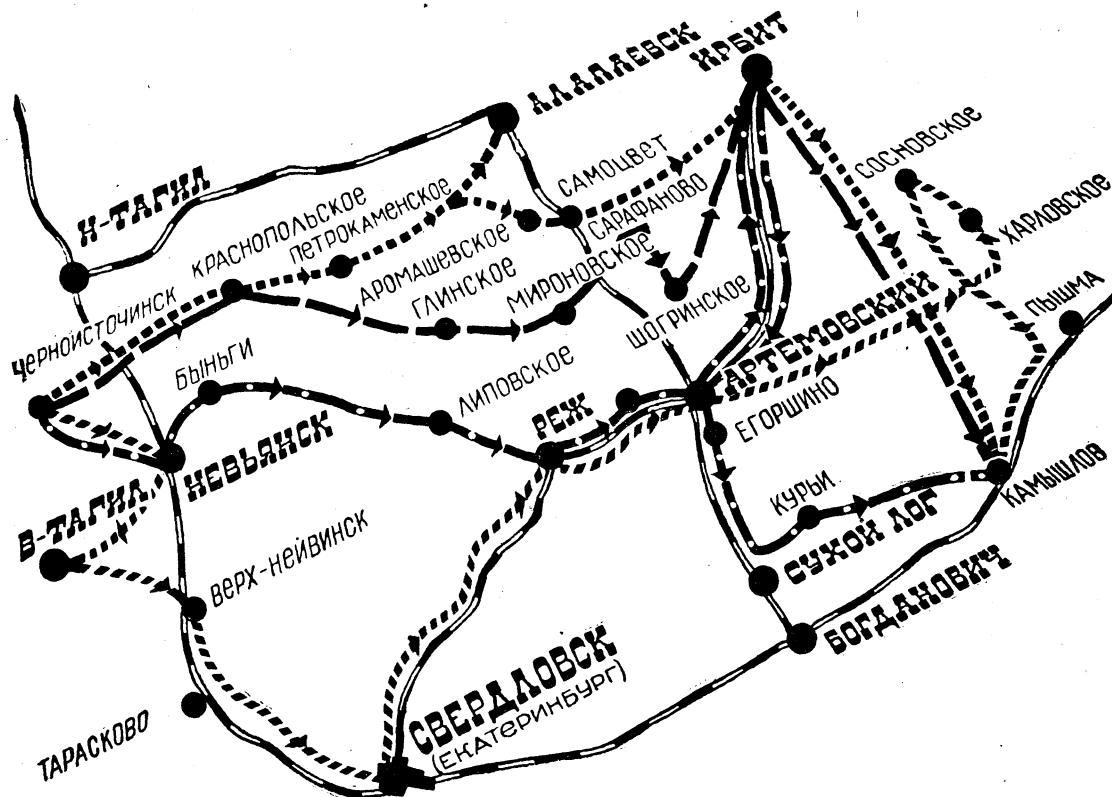
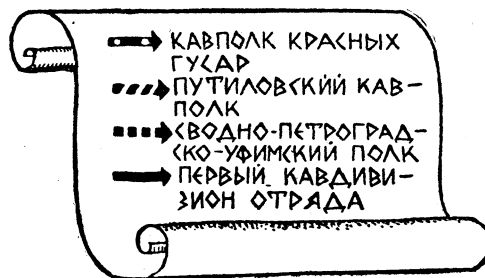
Маршрут похода по местам боев отряда южноуральских партизан под командованием В.К. Блюхера.

Маршрут похода

по местам боев кавалерийского отряда

под командованием Н. Д. Томина.

дивизии (бывшей 4-й). Костяком ее стали отряды В. К. Блюхера.

Следопыты, заканчивая свой поход в Кунгуре, могут познакомиться с этим старинным городом, побывать в музее, встретиться с интересными людьми и, конечно, посетить знаменитую Кунгурскую пещеру.

* * *

Второй маршрут проходит по местам боев сводного кавалерийского отряда 3-й армии под командованием Н. Д. Томина. Он лежит через Нижний Тагил, Свердловск, Алапаевск, Ирбит, Камышлов. Чтобы хорошо представить цель похода, надо знать историю тех событий, которые

развернулись на Урале летом 1919 года. Колчаковская диктатура уже начала трещать по швам. В тылу белых разгоралось пламя освободительной борьбы рабочих и крестьян.

В. И. Ленин поставил задачу: освободить Урал до зимы. Был разработан общий план наступления Красной Армии по всему Восточному фронту. Операции осуществлялись двумя группами войск: Южной — под командованием М. В. Фрунзе и Северной — под командованием В. И. Шорина. Северная группа участвовала в освобождении Среднего и Северного Урала. В нее входили 5-я, 21-я, 28-я стрелковые дивизии 2-й армии, 29-я, 30-я стрелковые дивизии, Особая бригада и Особый северный экспедиционный отряд 3-й армии. Развив ус-

пешное наступление, части 2-й армии под командованием В. И. Шорина глубоко вклинились в полосу, занятую противником, и уже в начале июля находились на линии города Красноуфимска.

3-я армия прошла через топкие болота и густые уральские леса и значительно отставала от соседей. Чтобы выровнять фронт, Реввоенсовет 3-й армии решил создать ударный кавалерийский отряд под командованием Н. Д. Томина. Отряд должен был выдвинуться в район заводов Верхне-Тагильского, Нейво-Рудянского и Верх-Нейвинского, отбросить противника за линию железной дороги Екатеринбург — Нижний Тагил. В состав отряда входили: Путиловский Стальной кавполк, кавалерийский полк Красных гусар, Сводный Петроградско-Уфимский кавполк и Первый кавалерийский дивизион. На схеме показаны пути следования каждого из них. Поэтому отдельная группа следопытов может выбрать более подходящий для себя маршрут похода. Начало всех маршрутов — Черноисточинск, расположенный под Нижним Тагилом. Это место сбора следопытов. Отсюда 50 лет назад кавалерийские полки сводно-уральского отряда начали свое стремительное наступление в глубокий тыл противника, обеспечив тем самым быстрое продвижение пехотных частей 3-й армии. Захватив станцию Шайтанка, отряд Н. Д. Томина отрезал путь отступления белым на Екатеринбург по железной дороге. Для окончательной изоляции се-

верной группы войск Колчака и ее уничтожения необходимо было захватить узловую станцию Егоршино. В этой операции участвовали все кавалерийские части Томина.

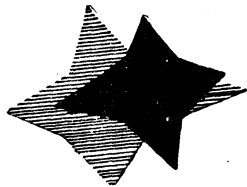
Для примера проследим путь следопытов по маршруту кавалерийского полка Красных гусар.

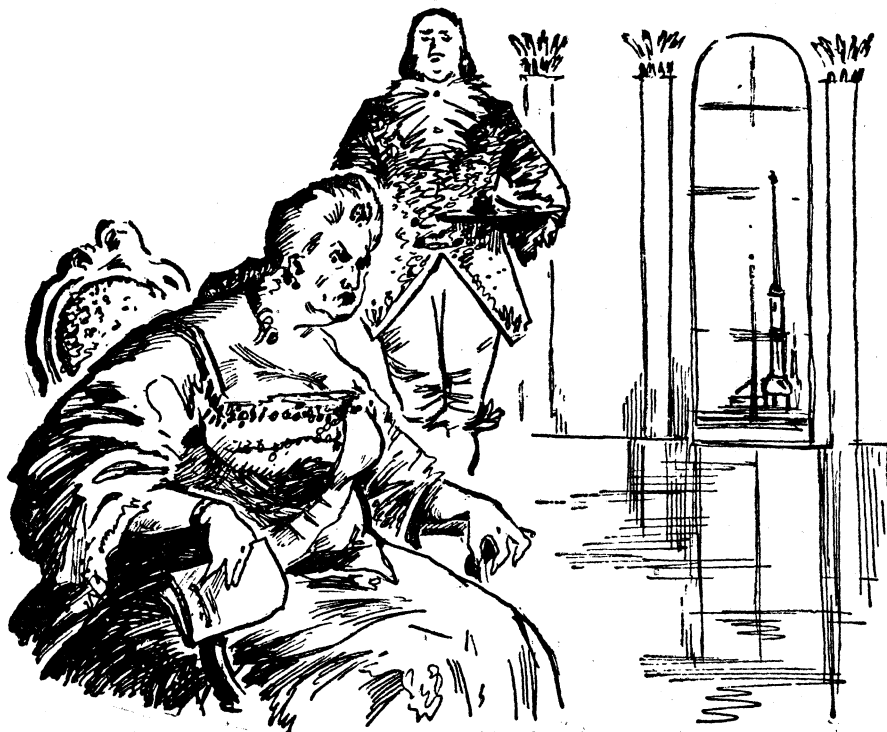
Из Черноисточинска—небольшой переход до станции Анатольская. Отсюда поездом надо проехать до Невьянска и познакомиться с достопримечательностями этого города.

Полк Красных гусар 18 июля, в четыре часа дня, выступил из Невьянского завода и уже вечером дошел до села Липовского. Не останавливаясь в Реже и Покровском, 19 июля перешел в наступление и, преследуя противника, занял станцию и село Егоршино. Отрезав окончательно путь отступления белым, Красные гусары поспешили к Ирбитскому заводу на помощь рабочим, поднявшим восстание. Разбив Воткинскую дивизию врага, Красные гусары в ночь с 21 на 22 июля заняли станцию и город Ирбит. Отсюда полк, погрузившись в вагоны, направился к станции Сухой Лог, а оттуда через Курьи — на Камышлов.

В Камышлове заканчивается маршрут всех отрядов. Здесь 50 лет назад встретились все полки кавалерийского отряда Н. Д. Томина.

В. ДУБЛЕННЫХ

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В СИБИРЬ

Глеб ПАКУЛОВ

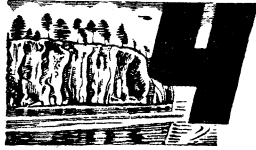
1.

Синий томик Вольтера
дрогнул в пухлой руке.
Взгляд прищуренный,
серый
стыл на дерзкой строке.
Кошка шлейфом играла
на зеркальном полу.
Государыня встала,
поплыла к столу.
Что-то страшное
в шестви,
в жарком пламени
скул.
На сукне — «Путешествие

из Петербурга
в Москву».

2.

...Ямщик отряхнул
бородищу,
глянул через плечо.
— Барин, как звать-то!
— Радищев.
— За бунт засылают, ли чо!
Потом поцарапал голову:
«Ссылный, однако, не
трус,
саблю-то держит голую
этот фельдъегерский ус».
— С дону мы, барин, сами.
Эх, шевелись, навались!..
Кони стригнули ушами,
вздрагнули и понеслись.

ПИСЬМА С КОММЕНТАРИЯМИ

Письмо первое

Дорогая редакция!

В обрывке пермской газеты «Звезда», в которую мне завернули конфеты в станционном ларьке, встретила одна заметка. В поезде, на дороге, я прочитал ее и задумался. Такого ли — восторженного — отношения заслуживает факт, описываемый в заметке? Как вы думаете?

В. КУШМАНОВ
г. Кунгур

Вот эта заметка:

ВЗРЫВЫ-ГИГАНТЫ

Там, где Чусовая вырывается из гор, на левом ее берегу высятся массивы белого камня. Известняковые кряжи разрабатывает коллектив Чусовского карьера, снабжая камнем и щебенкой многие стройки западного Урала.

А камня строителям надо все больше. И вот инженеры приняли решение: вести разработку крупными массивованными взрывами. В известняковом щите пробуриваются глубокие сква-

жины. В них закладываются десятки тонн взрывчатки. Расчеты выполнены так, что взрыв не разбрасывает камень, а основательно «растрясает» горный массив, давая экскаваторам возможность без труда брать его и грузить на мощные самосвалы.

Последним взрывом-гигантом разрушено одновременно больше 80 тысяч кубометров известняка.

Комментирует заметку, отвечая на письмо В. Кушманова, поэт Сергей Шитин своим стихотворением «Утес».

УТЕС

А утеса того больше нет...
Журавлиною осенью ранней
Я пришел к нему вновь на свиданье —
А утеса того больше нет.
Я не знаю, кому он мешал.
Крутолобий, с седыми висками,
Он недвижно стоял под ветрами.
Неужели кому-то мешал!
Сколько гроз пронеслось над ним,
Как неистово пели метели!
Он стоял. Только звезды блестели
Да века пронеслись над ним.
И с утеса родная земля
Людям виделась как на ладони.
Богатырским, бескрайним раздольем
Разбегалась отсюда земля...
Но однажды с рассветом пришли,

Заложили заряд аммонала —
И к полудню утеса не стало.
Как пришли — так толпой и ушли.
И на месте, где рухнул утес,
Разметались одни лишь обломки,
И завыл, застонал ветер звонкий
И упал там, где рухнул утес.
И не знали пришельцы о том,
Что печальнее стала округа,
Что у птиц отобрали их друга,
Жаль, не знали пришельцы о том,
Жаль не знали, что людям нужны,
Как и птицам, седые вершины,
Чтобы слушать там клекот орлиный,
Любоваться простором былинным,
Видеть зори в расплаве рубинном...
Людям очень вершины нужны.

Письмо второе

«Жил-был на седом Урале Фещенко Николай Федорович. Более двадцати лет он работал в лесной промышленности. Последние семь лет возглавлял Висимо-Уткинский леспромхоз. Под его руководством леспромхоз регулярно выплачивал сотни тысяч штрафов за нарушение правил заготовки леса, работал убыточно, производственный план систематически не выполнял.

Весной дошел слух до Николая Федоровича, что соседние леспромхозы в связи с отсутствием весеннего паводка воздерживаются от молевого сплава. Мало ли что, решил Николай Федорович. И, задумав вывести свой леспромхоз в передовые, приказал сбросить весь заготовленный лес в мелководные речки Чизма, Суём и Межевая Утка. Но не пожелал лес плыть по назначению, а осел на мелководьях. Все лето проталкивали бульдозеры и тракторы обсохшие бревна по руслам речек. Наконец, вышла из строя техника от непосильной работы. После выплаты очередного штрафа леспромхоз окончательно разорился. Поувольнялись рабочие.

Письмо В. Н. Абусова мы попросили прокомментировать писателя, члена Центрального совета общества охраны природы Бориса Рябинина.

Успех операции «Ч» во многом зависит от того, как пойдет дело на притоках и в прибрежных лесах. Притоки питают реку, а лес формирует климат, помогает сберечь влагу.

Как раз той весной, когда отличился ретивый Фещенко, а точнее — в преддверии весны и под занавес уходящей зимы, собрали в Свердловске гидрологов Урала и сказали: дайте воду! Оказалось, перемерзли до дна верховья речек. Перемерзли они не только потому, что зима выдалась суровая, а больше из-за того, что кое-где стараниями бездумных лесозаготовителей оказался сведенным лес — водообразующая зона — в верховьях; в результате уровень в водохранилищах, откуда берет воду Свердловск, упал против обычного на четыре метра...

Катастрофа! В тот год кой-где в городах Урала позакрывали бани на неопределенное время, ограничили потребление воды на бытовые нужды. Меньше пей, реже мойся. В Свердловске запретили поливку растений на улицах.

Спасла сырая весна. Полили дожди, они наполнили водохранилища, жизнь вошла в нормальное русло. А не будь дождей?

Делаем водохранилища, а реки мелеют — рубим бездумно лес. Получается заколдованный круг. Значит, надо брать за бока разных Фещенко, да не тогда, когда они уже успеют натворить бед, а раньше, дабы не допустить урона, не попустительствовать безобразиям и злу.

Бассейн Чусовой — главный колодец, за счет которого удовлетворяет жажду миллионный город Свердловск. Волчихинское хранилище около Первоуральска, где содержится основной запас воды для Свердловска, это тоже Чусовая. А ско-

А 59,3 тысячи кубических метров древесины и понине остаются в речках, образовав десятки «плотин».

За развал леспромхоза трест «Тагиллес» уволил Н. Фещенко по «собственному желанию». А трест «Тагилстрой», прослышав о новаторстве т. Фещенко в создании завалов, принял его на должность главного инженера завода железобетонных изделий. В день приезда Фещенко к месту работы в г. Нижний Тагил ему была предоставлена благоустроенная трехкомнатная квартира.

Эпилог. Готовясь к очередному сплаву леса, трест «Тагиллес» разрабатывает план по взрыву «плотин». А товарищ Фещенко внедряет свой двадцатилетний опыт работы в лесной промышленности на заводе железобетонных изделий.

В. Н. АБУСОВ,
Государственный инспектор рыбоохраны
северной группы районов
Свердловской области.

ро будет еще одно такое же: есть проект — из реки Уфы воду перекачивать в Чусовую.

А Чусовая чуть ли не на всем протяжении загажена бревнами-топляками; по выражению одного лесоведа, по ней не проехать ни от Чусового, ни от Перми. В значительной доле это тоже последствия неумного хозяйничанья.

Малые реки нуждаются в защите, без них нет больших рек. Нужна паспортизация малых рек и речушек. Мы, хозяева земли, должны знать, каково их истинное состояние, в чем их нужды, как им помочь, чтоб они не перемерзли по зиме, а нам не приходилось вешать замок на двери бань и прачечных. Пройти малые реки от истоков до устья — тоже задача следопытов, членов Общества охраны природы, решивших включиться в операцию «Ч».

Странно, что лишь в 1968 году была установлена водоохранная зона для Чусовой. Впрочем, если быть точным, ее уже установили раз — в 1936 году. Все леса, растущие на территориях, составляющих водосборный бассейн реки Камы и ее притоков — Чусовой, Вишеры и других, были особым распоряжением правительства зачислены в леса водоохранной зоны. Но она была нарушена.

Во времена Петра Первого строго-настроено запрещалось рубить вдоль больших рек ближе 50 верст от русла, вдоль малых — 25 верст. Ныне эти нормы намного уменьшены. Не будем входить в споры с теми, кто их устанавливал, а возьмем за правило требовать от лесозаготовителей, чтоб они соблюдали хоть их. Надо беречь эту зону, оборонять ее от топора, как святыню!

И еще одну удивительную историю сообщил непримиримый и ревностный защитник природы инспектор В. Н. Абусов,

Письмо третье

«...У нас в Серебрянке жизни нет от браконьерства. Сейчас браконьеры приготовились к истреблению налима во время нереста. Вся речка Серебрянка, от плотины вниз по течению на 14—16 километров, на каждом перекате перегорожена забоями, в которых установлены морды...»

Таково содержание жалобы, поступившей 18 января в исполком Пригородного райсовета от жителя поселка Серебрянка. Проверкой установлено: факты, указанные в жалобе, имеют место.

24 января группой работников милиции был совершен рейд по борьбе с браконьерством на реке Серебрянке. Во время рейда разрушено 27 заездок и уничтожено 68 морд, чем спасены от гибели маточные стада налима и расчищены пути для их прохода на нерестилища. Личности браконьеров установлены. Браконьеры привлекаются к строгой административной ответственности.

Рейд проходил в тяжелых условиях: при 33-градусном морозе, северном ветре и гололеде.

Президиумом Общества охраны природы Пригородного района всем участникам рейда объявлена благодарность».

Вот какие браконьеры на Чусовой! Голыми руками их не возьмешь. И непонятно, почему им грозит лишь административная ответственность! Почему не уголовная!

Мы просим о всех подобных случаях незамедлительно сообщать нам. Штаб операции «Ч» будет следить за такими делами и добиваться, чтобы виновные в расхищении богатств несли наказание по заслугам. Это относится ко всему: к рыбе, к воде, к воздуху, к лесу.

Письмо четвертое

Это дерево я заметил еще издали — такое оно пышное, красивое и, я бы сказал, доброе — так и манит путника под свою живительную тень, облагораживает скромную полянку на берегу реки Чусовой.

В поисках точки съёмки я стал обходить его кругом. И когда, вроде, нашел — глазам не поверил: чья же злая рука могла так изувечить дерево?!

Наблюдавший за мной деревенский парнишка, случившийся неподалеку, ответил хмуро на мой недоуменно-возмущенный взгляд:

— Туристы прошли...

Так я и назвал свой снимок. Это и мой комментарий к нему. Понимаю, что не все туристы такие, но — и такие, оказывается, тоже есть. Так пусть же им будет стыдно при виде искаленной красоты.

«ГЛОБУС» — С ВАМИ!

Теплым июльским вечером мы остановились лагерем на берегу Чусовой. Вскоре к нам подошел знакомый еще по прежним походам дедушка Семен.

— Опять на Чусовую припожаловали? — спросил он, подсаживаясь поближе к костру. — Да вот не та теперь наша матушка-река стала, не та...

Дед сокрушенно покачал головой и, прикурив от уголька, стал сетовать:

— Ране-то в ней водичка была — слеза слезой. На глубоких местах все до дна видно, каждый камешек пересчитать можно. Рыбы всякой водилось видимо-невидимо. На что хариус — рыба капризная, чуть вода помутнее или потеплее, он уж и не живет, а в Чусовой водился.

Он задумался, повернувшись в ту сторону, где полупешотом журчала река.

— Неразумно человек хозяйствует на реке — лес рубит где надо и не надо, с заводов всякую отраву спускает. И до «бойцов» добира-

ется, на камень их дробит, красоту такую рушит, ровно в других местах этого добра мало.

...Этот разговор мне вспомнился недавно, когда ребята из общества «Глобус» Свердловского Дворца пионеров узнали, что «Уральский следопыт» начал операцию по спасению реки Чусовой.

Со времени разговора с дедом Семеном прошло немало времени, многое сделано по охране Чусовой, но до сих пор еще немало и бед терпит река. Мы уверены, что следопыты Урала могут многое сделать для спасения красавицы-реки.

Юные глобусята решили включиться в операцию «Ч» и постараются сделать все, что в их силах, для ее успеха. К ним присоединяются и отряды Свердловской школы № 51.

А. АРЗАМАСЦОВ

В СВЕРДЛОВСКОМ ОБКОМЕ ВЛКСМ

Бюро Свердловского обкома ВЛКСМ, придавая большое значение охране природных богатств, поддержало инициативу журнала «Уральский следопыт» по проведению операции «Ч» и приняло 11 апреля 1969 года постановление «Об участии комсомольцев и молодежи в рейде по контролю за состоянием реки Чусовой и ее окрестностей».

Постановление обязывает Первоуральский, Ревдинский и Полевской горкомы, а также Шалинский и Пригородный райкомы ВЛКСМ и соответствующие штабы «Комсомольского прожектора» оказать действенную практическую помощь в проведении массового рейда по контролю за состоянием реки Чусовой и ее притоков. Предложено взять под контроль строительство очистных сооружений на промышленных предприятиях, находящихся на территории этих районов.

При каждом горкоме, райкоме и комитете комсомола промышленных предприятий создаются штабы по проведению рейда и к этой почетной и ответственной работе привлекается широкий круг общественности, комсомольские и пионерские организации, учащиеся школ, профтехучилищ, студенты техникумов и вузов, природоохранные и туристские организации, общества охотников и рыбаков.

Областной штаб «Комсомольского прожектора» в июне проведет рейд по строительству и использованию водоочистных сооружений на всех предприятиях, сбрасывающих воду в Чусовую и ее притоки.

К 10 июля и 10 сентября этого года штабы «Комсомольского прожектора» предоставят материалы о ходе рейда и о проделанной за это время работе.

Постановлением определены зоны операций:

1. ПОЛЕВСКАЯ. Км. 0—114. От истока (озеро Сурны) до деревни Верхне-Макаровой. Основ-

ные притоки: Семерушка, Западная Чусовая, Северка. Штаб зоны — г. Полевской.

2. РЕВДИНСКАЯ. Км. 115—156. От деревни Верхне-Макаровой до устья реки Шумиловка. Основные притоки: Ельчевка, Ревда, Шумиловка. Штаб зоны — г. Ревда.

3. ПЕРВОУРАЛЬСКАЯ. Км. 157—253. От устья Шумиловка до камня Заплотный. Основные притоки: Шайтанка, Б. Шишим, Утка, Трека, Сибирка. Штаб зоны — г. Первоуральск.

4. ШАЛИНСКАЯ. Км. 254—339. От камня Заплотного до камня Гладкого. Основные притоки: Дарья, Старая Утка, Таволжанка, Шайтанка, Ельцовка. Штаб зоны — п. Шалья.

5. ТАГИЛЬСКАЯ. Км. 340—485. От камня Гладкого до устья реки Сылвица. Основные притоки: Илим, Сулем, Межевая Утка, Кашка, Еква, Серебрянка, Сылвица. Штаб зоны — г. Н. Тагил.

Как нам сообщают, созданы также штабы по зонам районов, входящих в Пермскую область:

ГОРНОЗАВОДСКАЯ. Км. 486—545. От устья реки Сылвицы до устья реки Койвы. Основные притоки: Кумыш, Коврижка, Рассольная, Койва. Штаб зоны — г. Горнозаводск.

ЧУСОВСКАЯ. Км. 546—643. От устья Койвы до Верхне-Чусовских Городков. Основные притоки: Поньш, Усьва, Лысьва, Шушпанка, Плисянка, Ванежка. Штаб зоны: — г. Чусовая.

ПЕРМСКАЯ. Км. 644 — до впадения в Каму. Штаб зоны: — г. Пермь.

Л. ЛАРИН

ЗОЛОТОЙ МОСТ

В феврале 1921 года в Армении вспыхнул контрреволюционный мятеж. Отряды 11-й армии вместе с коммунистическими частями Армении вынуждены были оставить Эривань и с боями отходить на юг. На небольшом клочке советской земли красные отряды вели упорные бои. Прижатые к иранской границе, они оказались в очень тяжелом положении.

Член Реввоенсовета Кавказского фронта Серго Орджоникидзе протянул командиру авиаотряда Скобликову телеграмму:

«Сегодня на линии Иманшалу по напиранию противнику пускаются последние снаряды и патроны. Продовольствия нет. Не чувствуем совершенно давления на противника с севера. Принуждены без огнеприпасов и продовольствия двигаться в направлении Нахичевани и далее — по обстоятельствам».

Скобликов дважды прочел донесение. Серго забрал у него телеграмму, подал новую:

«Розданы последние запасы хлеба. Среди раненых чуть ли не семьдесят процентов смертности. Топлива для бронепоездов хватит только на двое суток.

А самая большая экономия в артиллерий-

ских снарядах продлит работу артиллерии максимум на три дня».

— И самая последняя, — протянул Орджоникидзе еще одну депешу:

«Арарат, 20 марта 1921 года. 10 часов 45 минут. Продовольствие на исходе. Денежных знаков недостаточно. Срочно необходима присылка, только на аэроплане, 20 пудов золота для обмена на продовольствие и боеприпасы. Подготовим посадочную площадку Нахичевани. Обязательными знаками каждой стороны — по три белых квадрата, между ними белая стрела в сторону полета. От выполнения настоящей просьбы зависит наше существование».

Скобликов полез за платком. Старательно вытер широкий открытый лоб с большим красным рубцом. Орджоникидзе встал:

— У них есть возможность сделать закупки в Персии. О создавшемся положении должно правительство РСФСР, Ленину. На вас, военлетов, вся надежда. Только учтите: этой дорогой еще никто не летал в Нахичевань.

— На аппарате и смерть красна, Григорий Константинович! — воскликнул Скобликов с горячностью.

— Разве за этим посылаем вас?

— Не то я сказал, — смущенно ответил Скобликов. — Это у летчиков поговорка такая...

Выйдя из кабинета Орджоникидзе на улицу, Скобликов посмотрел на небо. Солнце робко пробивалось сквозь низкие облака. Трудно, очень трудно лететь через горный перевал. Тем более — впервые. Пришло на память сравнение: час работы в воздухе равен двадцати часам работы молотобойца. Что ж, возможно и так. Молотобойцем Скобликов не был — гнул спину в шахте. Но только сравнение относится к работе на исправном самолете. На сколько же надо помножить эти двенадцать часов, если учесть состояние техники, на которой приходится работать его орлам?..

На пороге моторного цеха внезапно появился военлет Андрей Веслов, дежуривший в этот день по авиадивизиону.

— Турчанинов, к командиру!

Тот быстро поднялся, машинально поправил фуражку.

— Дело предстоит, — сказал Веслов. — Командир из штаба вернулся. Чернее тучи. Вызывает Чулюкина и нас с тобой.

...Скобликов в упор посмотрел на вошедших военлетов, откашлялся и вдруг скомандовал: — Шагом марш!

Военлеты недоуменно пожали плечами: что это еще придумал командир?

— Идем осматривать хозяйство!

Несколько стареньких «нюпоров» стояли прямо под открытым небом. До сегодняшнего дня эти машины были гордостью Петра Васильевича Скобликова. Но сейчас они казались ему неуклюжими, громоздкими и беспомощными.

Сергей Турчанинов, третий год служивший в авиадивизионе, не хуже Скобликова знал каждую машину. Как они похожи друг на друга, эти «нюпоры»! Не машины, а инвалиды.

— Невесту выбираем, — сказал Скобликов, когда к летчикам подошли механики и мотористы. — Красивую, умную, с богатым приданым. Чтоб этак километров четыреста с гаком могла за женихом пробежать на одном дыхании. Дело такое, орлы... — Ничего не утаивая, Скобликов передал свой разговор с Серго.

Снова и снова переходили от машины к машине. Скобликов вопрошающе смотрел на механиков. Те хмуро молчали. Подходящего самолета не было.

Высоченный, под самый потолок, седоусый механик Точилин окинул взглядом закопченную комнатенку, служившую Скобликову кабинетом, и кашлянул в кулак.

— Ну, выбрал «невесту», Михеич? — спросил у него Скобликов, вытянув шею.

— Выбрал, Петр Васильевич. Из двух одну, — сказал Михеич, делая рукой широкий жест.

— Как — из двух? — удивленно воскликнул Скобликов.

— Да вот так, — сказал Михеич. — На свалке. Хлама там полным-полно. Из Баку перетащили... Так вот, значит, после вашего разговора прогулялся я туда. Две английские машины приглядел.

— Почему — две? — нетерпеливо спросил Скобликов.

— Из большого маленькое всегда можно сделать, — хмыкнул Михеич, удовлетворенно пройдясь пальцами по усам.

Пришли на свалку. Михеич зажег «летучую мышь», и Скобликов увидел два трофейных английских самолета «Де Хевиленд». Он ласково погладил помятый бок одной машины.

— Сколько времени тебе надо? — спросил он у Михеича.

— Трех дней хватит, — спокойно отозвался тот.

— Два! — воскликнул Скобликов с горячностью. — Два и никаких гвоздей!

— Гвоздей и не надоть. Шпаклевки б побольше, Петр Васильевич. Много дыр латать придется.

Ранний час. Аэродром погружен в непривычную тишину. Точилин, первым встретивший военлетов, молча пожал им руки. Моторист Ефимушкин попросил у Веслова закурить и отошел в сторонку, наслаждаясь пахучим дымом.

Пришел Скобликов. На его лице — никаких следов бессонной ночи. Вытащил из кармана часы на длинной серебряной цепочке, звонко хлопнул крышкой, озабоченно взглянул на небо и начал осматривать самолеты.

— Делайте с машиной что хотите! — сказал он Веслову и Турчанинову. — Хоть ломайте, хоть жгите. Но золото и документы должны быть в Нахичевани.

Ефимушкин попросил у Веслова еще одну папиросу.

— Выкурю в день вашего возвращения.

Рокот мотора разорвал тишину, недолго повисел над полем и, набирая силу, покатился по утреннему небу в вышину.

После первого облета, осмотрев машину, Веслов и Турчанинов заметно приуныли: на стойках, подпиравших лонжероны, появились трещины.

— Это ничего, — успокоил их Точилин. — Это мы подремонтируем!

Сделав еще один пробный облет, Веслов и

Турчанинов пришли к выводу: лучшей машины, чем эта, им пока не найти. Лишь бы не подкачал мотор.

С аэродрома Скобликов шел неторопливо, прикидывая в уме, хватит ли горючего. Цифры заставляли настораживаться. Но что делать, баки ведь не расширить...

В тот же вечер Веслова и Турчанинова вызвали в штаб армии. В маленькой комнате было накурено так, что военлеты не сразу разглядели лица сидевших за столом красноармейцев.

— Откройте окно! — сказал Веслов.

На него шикнул старшой:

— Разуй глаза, не видишь — золото считаем! Не дай бог, еще какая монетка вылетит наружу. Ищи ее тогда, свищи...

Летчики увидели на столе груды золотых монет десятирублевого достоинства. Красноармейцы, не обращая на Веслова и Турчанинова ни малейшего внимания, с усердием продолжали непривычное для себя занятие — считали деньги. Рыжеватый узкогрудый красноармеец с глазами, как у птицы, каждый раз, когда клал в стопку монету, громко щелкал языком, и на скулах его ходили желваки. Он передавал стопку соседу — молодому, с темными, коротко остриженными волосами, широким в оспинах лицом. Сосед пересчитывал стопку, огрызком карандаша ставил палочку на тетрадном листе и передавал следующему. Тот начинал пересчитывать снова и, убедившись, что в стопке ровно двадцать монет, двигал по столу золото дальше. Старшой, пересчитав, складывал деньги в мешочек, делая пометку на бумаге.

— Долго арифметикой будете заниматься? — спросил Веслов.

— Не торопи. Деньги счет любят. Чтоб, значит, копейка в копейку, рублик к рублику, десяточка к десяточке.

— Ну их к лешему, командир! — сказал Турчанинов Веслову. — Пускай считают. Я тут другое заметил.

Турчанинов потянул Веслова в угол, где висела рельефная карта Кавказа.

— Здорово! — воскликнул Веслов. — То, что нам надо! — Он пододвинул стул, уселся на него верхом и впился в карту глазами.

Горы, ущелья, горы. Снова горы. Сколько их? Не пересчитаешь, если даже призвать на помощь красноармейцев, что так бережно пересчитывают золотые монеты.

Наконец к военлетам подошел старшой. Он доложил, что золото пересчитано, сложено в мешочки. Пять тысяч монет десятирублевого достоинства. В итоге — 50.000 рублей наличными.

— Подпишите протокол приема!

Веслов и Турчанинов поставили свои подпи-

си. Вручая опломбированные тяжелые мешочки, старшой сказал Турчанинову:

— Ваша завитушка может любой червонец украсить. Заковыристая, как у царского министра финансов.

— Хватай выше! — отшутился Сергей.

Светало, когда Веслов и Турчанинов приехали на аэродром, сдали золото часовому, охранявшему «Свата» — так военлеты окрестили свой новый самолет — и, не раздеваясь, улеглись вздремнуть. Пока они спали, в самолет были погружены документы, листовки, газеты.

Проснувшись, Турчанинов затормозил товарища:

— Пора, командир! — и сел рядом на край топчана. — Знаешь, что я придумал?

— Давай, выкладывай, — ответил Веслов, приходя в себя.

— Мешочки с золотишком надо бы понадежнее в машине припрятать. Мало ли что: вдруг — вынужденная. Чтобы дашнаки не сразу обнаружили...

Самолет медленно набирал высоту.

Крепко привязанный к сиденью Турчанинов жадными глазами вглядывался в проплывавший внизу ландшафт, сличая его с картой. Пора поворачивать направо. Андрей уже взялся за ручку, как «Сват» вдруг накренился влево, пошел в пике.

«А, дьявол!» Веслов с трудом вытянул машину, потом дал полный газ и с полукруга пошел на юг. Он прислушался — мотор работал ровно. На градус выше подскочило настроение. «Меньше жри горючки, друг любезный! В другой раз лопай сколько хочешь, а нынче потерпи, подтяни потуже ремень. Можешь сделать такое одолжение?»

Мотор отвечал ритмичным гулом. Пятерку ему за поведение! Веслов оглядел горизонт: ни облачка. Под лучами солнца в горах ярко сверкал снег.

Самолет вошел в ущелье. Турчанинову показалось, что в одно мгновение он очутился в каком-то кривом подземном коридоре. Скалы давили на самолет со всех сторон. Давили медленно и неотступно. Самолет терял силу. Мотор жадно глотал бензин. Баки тощали.

По дну ущелья белой лентой вилась река. Казалось, она следила за невиданной птицей.

«Не наберем до перевала трех с половиной тысяч метров, тогда хана, — думал Веслов. — В ущелье не развернуться».

Турчанинов, держа на коленях планшет и тщательно сверяя с картой каждый изгиб реки в тесном и глубоком ущелье, уловил встревоженный взгляд Веслова.

— Разворот влево, командир!

В глазах Веслова отразилось удивление. Сергей пальцем постучал по обратной стороне планшета. Веслов увидел испещренную линиями карту и нанесенную Турчаниновым новую нить маршрута, что выводила самолет из каменного капкана. Веслов облегченно вздохнул и перевел машину на новый курс. Теперь их поджидал Семеновский перевал — он гораздо выше Караклисского, который они только что миновали. Только бы набрать спасительную высоту!

Сильно болтнуло. Самолет не выдержал — опять вошел в пики. Стремительно пошла на убыль с таким трудом набранная высота!

Замелькали перед глазами горы. Все ближе они, все ближе...

Веслов действовал с той удивительной интуицией, которая рождается многолетним опытом. Вряд ли он сумел бы впоследствии воспроизвести все проделанные им в те считанные секунды стремительные движения. Но вот, наконец, машина выровнялась.

Сильно похолодало. Сквозь щели в самолете врывались ледяные струи воздуха. Ноги коченели. Иней покрыл выбившиеся из-под шлема волосы, брови и ресницы. Немели пальцы рук, Веслов быстро перебирал ими — в надежде чуточку согреть.

Но что это внизу? Люди! Видна приготовленная для посадки площадка. Разложен костер. Клубится серый дым. Люди тоже заметили самолет. Машут руками.

«Неужели долетели?» — Турчанинов посмотрел вниз, сверился с картой. Что-то неладное. Где белая стрела? Почему так скоро появилась загадочная Нахичевань? Ведь лишь третий час пути.

Что это дашнаки — первый понял Турчанинов.

— Попугать? — он показал Веслову на бомбу, лежавшую сейчас у него на коленях.

— Не стоит связываться, — Веслов выразительно мотнул головой и прибавил скорость.

Турчанинов удовлетворился тем, что показал дашнакам кукиш.

Выплыл Арарат. Издали вершину летчики не узнали и приняли за облако. Вид у Арарата был праздничный: синеватое облачко, опоясавшее гору, резко отделяло нижнюю желтую часть от сверкающей снежной вершины.

Снизились до 1200 метров. Внизу — унылая картина: на черном фоне пожарища с большим трудом можно было разобрать серые квадраты фундаментов сгоревших построек. Турчанинов внимательно разглядывал местность. Вон, словно игрушечный, воинский эшелон, вон бронепоезд... Вокруг разбросаны окопы и артиллерийские позиции. Здесь проходила линия фронта.

Снова появились внизу крошечные фигурки людей.

На этот раз — свои: на грязно-желтом фоне земли резко выделялась белая стрела и три квадрата!

Нахичевань! Обои кулаками Турчанинов стучит по спине Веслова, что-то кричит от радости, но Андрею не до него. «Неужели это аэродром? — думает он. — Да тут и на «Ньюпоре» не сядешь!» Совсем маленькая полоска: шагов 250 в длину и 100 в ширину, окруженная садами, телеграфными проводами и валом.

Веслов водил самолет по кругу над городом. «Как бы под конец не испортить все дело!» Впрочем, задание уже выполнено: если теперь даже и разобьются сами — там, на земле, соберут золото по десятке. Оно уже не пропадет.

Веслов зашел на посадку. Колеса стукнулись о грунт. Машина покатила по площадке, резко развернулась, накренилась на левое крыло и остановилась у самого вала. Ее окружили радостные, возбужденные люди.

Едва летчики успели передать представителю командования золото, как их подхватили на руки и под пение «Интернационала» понесли в город по узким кривым улочкам с глинобитными домишками.

Вблизи от города находились передовые позиции. Представлять фронтовикам летчиков не пришлось: окопный телефон уже сообщил красноармейцам, откуда пришла к ним помощь.

Вечером в окопы привезли патроны, обменные на золото. За много дней по-настоящему сытным был ужин. Ели с наслаждением. То один красноармеец, то другой, подцепив ложкой кусочки баранины, подкладывал их в котелки Веслова и Турчанинова.

Ночевали военлеты в землянке. Турчанинов проснулся на заре. Землянка время от времени вздрагивала. Это красные артиллеристы завязали дуэль с дашнаками.

Рисунки Л. Полстоваловой

НА СТО ПЯТОМ КИЛОМЕТРЕ

Письмо Наташи Орловой

«Дорогая Екатерина Ивановна! Зимой 1965 года мы услышали от одной старушки, что рядом с железной дорогой находится могила комиссара. Рабочие-железнодорожники каждый год окапывают ее, чтобы не заросла травой и не сровнялась с землей. Мы с сестрой Аней попросили, чтобы старушка показала нам могилу. Но она обещала это сделать весной: зимой туда не подойти.

Вот и весна. Скоро праздник победы. И мы — моя сестра Аня, брат Сережа и наша подруга Сима Иванова — решили все узнать о комиссаре и разыскать его родных. Стали ходить по домам, расспрашивать людей, которые жили в этой местности во время войны, но никто ничего не знал. Наконец, мы попали к женщине, которая видела сама, как погиб комиссар, как его предали.

Это было так. Летом 1942 года на сто пятом километре работала бригада ремонтников. Их фашисты заставили. Вдруг раздвинулись кусты, и показался человек в военной форме. Он попросил хлеба и спросил, как пройти к нашим и не нарваться на немцев. В это время появился бригадир Ковригин. Он сказал, что сейчас принесет хлеб, а сам послал своего помощника за немцами.

Вскоре появился отряд фашистов, человек тридцать. Они думали схватить комиссара живым, но ничего не вышло, тогда гитлеровцы стали его обстреливать. Комиссар не хотел попадать в руки врагов ни живым, ни раненым, и поэтому последней пулей выстрелил в себя. Фашисты вытащили его на дорогу. Обыскали, нашли документы, простреленные, в крови. Дали переводчице прочитать. От нее рабочие узнали, что звали убитого Зуев Иван Васильевич. Они потом и похоронили комиссара.

Я, комсомолка, закончила 7 классов, как и моя сестра Аня. Сережа и Сима — 6 классов. Они пионеры. Мы не хотим, чтобы были безвестные могилы. Надо, чтобы люди узнали имена солдат, защищавших Родину.

На могиле вашего мужа мы посадили сирень.

Наташа Орлова
из деревни Коломовка Чудовского
района Новгородской области»

Иван Васильевич Зуев. Фото 1941 года.

...Двадцать три года ничего не было известно о судьбе Ивана Васильевича Зуева. На запрос Наташи Орловой Архив Министерства Обороны СССР ответил:

«...В личном офицерском деле на Зуева Ивана Васильевича, 1907 года рождения, уроженца села Ближне-Песочная Выксунского района Горьковской области записано: «Дивизионный комиссар, член Военного Совета 2-й ударной армии не вышел из окружения 15 октября 1942 года».

По данным картотеки политсостава Зуев Иван Васильевич, дивизионный комиссар, член Военного Совета 2-й ударной армии пропал без вести в июне 1942 года.

Другими сведениями о судьбе Зуева И. В. Архив МО не располагает».

Тогда Наташа, Аня, Сережа и Сима, посоветовавшись со взрослыми, написали в военкомат Выксунского района. Оттуда им прислали адрес жены комиссара Екатерины Ивановны Зуевой. А вскоре она сама приехала на могилу мужа.

Тем временем местные жители перенесли останки комиссара из леса на пригорок у железнодорожного полотна. А потом вместе с Екатериной Ивановной установили на могиле скромный обелиск.

В июне 1967 года комсомольцы Канавинского района города Горького отправились по местам боев 2-й ударной армии, чтобы собрать материалы о своем земляке Иване Васильевиче Зуеве. Руководил отрядом молодой инженер завода аппаратуры связи Альберт Григорьевич

Равдин. В походе участвовали рабочие завода и учащиеся радиоэлектротехнического техникума.

В Новгороде горьковчанин принял секретаря обкома КПСС Герой Советского Союза Иван Иванович Сергунин. Побывали следопыты в редакции «Новгородской правды», в обкоме комсомола. Встретились с майором Новиковым, всевавшим вместе с И. В. Зуевым. Особенно интересно было знакомство со старожилом Николаем Ивановичем Орловым. Он провел горьковчан по местам боев, назвал адреса людей, сражавшихся вместе с комиссаром.

Встречи, беседы, запись воспоминаний, выезд в Подберезье, в Мясной Бор, который солдаты и местные жители назвали «Долиной смерти»,— и перед следопытами вырос образ человека, чья жизнь и смерть — настоящий подвиг.

Всегда на переднем крае

Сразу же после окончания семилетки Ивана Зуева избрали в Вознесенский уком ВЛКСМ. Потом военная служба, и снова комсомольская работа. А через несколько лет Иван Зуев навсегда ушел в Красную Армию.

Беспокойна военная жизнь. Она бросает Зуева то в один город, то в другой: Шепетовка, Бобруйск, Львов... А когда испанский народ стал на защиту своей республики и принял на себя первый бой с фашизмом, в составе интернациональной бригады воевал и русский танкист Иван Зуев.

Народный артист СССР Роман Кармен, встречавший Зуева на полях сражений в Испании, вспоминает: «Комиссар танкового батальона интернациональной бригады в атаку на танке с открытым люком ходил».

Иван Васильевич вернулся на родину полковым комиссаром, награжденный орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Это было осенью 1937 года.

В марте 1941 года Иван Васильевич получил назначение в Каунас. Он член Военного Совета 2-й армии Прибалтийского особого военного округа. С первых дней Великой Отечественной войны Зуев в гуще событий. 2-я армия попала в окружение, и Иван Васильевич находился на самых опасных участках фронта.

Его боевые друзья рассказывают. Как-то на позиции артиллерийского полка приехал Зуев. Командир сбивчиво говорил о наступлении немцев слева, справа, спереди. Выслушав его доклад, комиссар сказал: «Что нос повесили? Наступает, окружает... Невидаль какая! А вы сбивайте спесь с фашистских вояк, давайте им такого огня, чтобы клочья летели во все стороны».

Он быстро принял меры по укреплению обороны, по-новому расставил силы артиллеристов. И когда на дороге показались фашистские танки, их встретил губительный огонь.

Иван Васильевич пресекал панику, не терялся в самой сложной обстановке. В боях под Сольцами под натиском превосходящих сил противника дрогнули и начали отступать некоторые наши подразделения. Вместе с членом Военного Совета Северо-Западного фронта Штыковым Зуев под ураганным огнем врага организовал оборону и задержал гитлеровцев.

Вспоминают ветераны

В развернувшихся потом боях в этом районе были разгромлены отборные эсэсовские части.

Осенью 1941 года под Старой Руссой на командный пункт фашисты обрушили шквальный огонь. Рвались снаряды у дома, где находился член Военного Совета Зуев. Но комиссар сидел и внимательно слушал доклад начальника разведотдела армии полковника Сошальского. Затем он обернулся к ожидавшему его редактору армейской газеты «Знамя Советов» Фарберову: «Ну, теперь с тобой займемся».

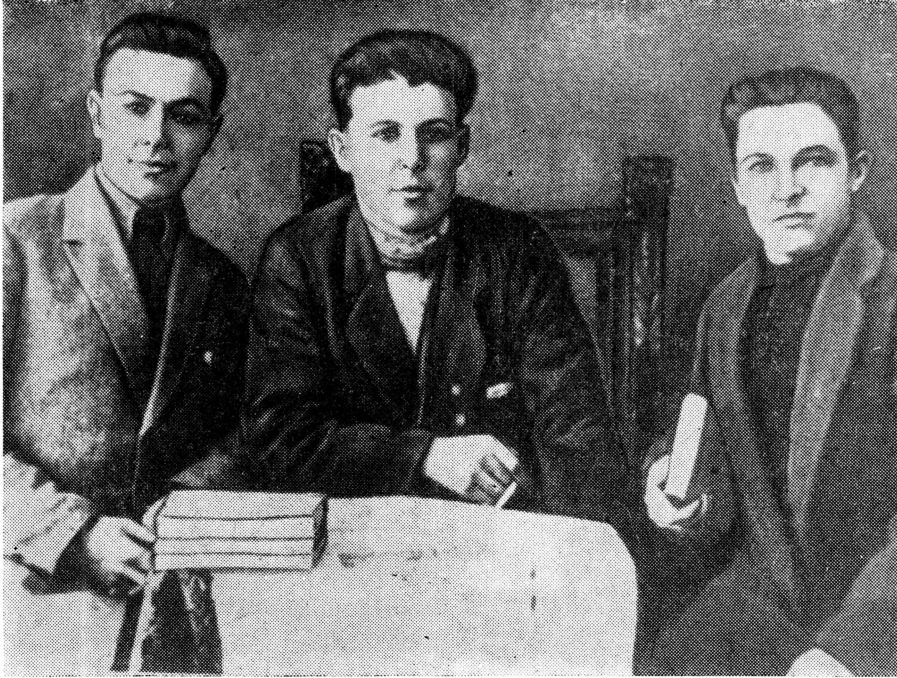
К армейской газете Иван Васильевич относился особенно внимательно. Как опытный поллитработник, знающий силу печатного слова, он подсказывал темы, называл части и соединения, опыт которых необходимо пропагандировать. Особенно ценил Зуев юмор. «Ратный труд очень тяжелый. На фронте каждый солдат подвергается смертельной опасности. Нужно, чтоб в минуту затишья он смог прочитать в газете не только сводки Совинформбюро, статью, очерк, но и материалы, которые бы вызвали улыбку, смех, хорошее настроение», — говорил комиссар.

Иван Васильевич Зуев верил в несокрушимую силу советского народа. В передовице 7 ноября 1941 года в газете «Знамя Советов» он писал: «Нас не согнешь!.. Советские люди имеют достаточно средств для победы над коварным врагом. Фашистскому зверю не удастся сломить наш боевой дух, нашу волю к сопротивлению, посеять в наших рядах малодушие и слабость. Каждую пядь мы будем отстаивать мужественно, не зная страха в борьбе, и во что бы то ни стало сокрушим двуногих фашистских зверей».

В начале 1942 года все сильнее сжималось кольцо блокады вокруг Ленинграда. Яростные атаки фашистов отражали войска Волховского фронта, в составе которого находилась 2-я армия. Но, глубоко вклинившись в расположение 18-й немецкой, она сама оказалась в окружении. Когда фашисты перерезали коммуникации армии, положение ее стало трагическим. Не было продовольствия. Ряды бойцов таяли. И всегда там, где было особенно трудно, появлялся спокойный, подтянутый комиссар. Вот что рассказывает о Зуеве ветеран 2-й армии Павел Сергеевич Константинов: «Удивительный человек. Сколько в нем было жизни, бодрости, огня! Несмотря на тяжелые обстоятельства, он сохранял стойкость, подбадривал уставших измученных бойцов».

«Товарищи,— это же война,— не раз повторял он,— а на войне всякое бывает. Только панике не должно быть места».

Соратник Зуева Яков Степанович Бобков так описывает случай под Новой Коростью: «Болото, сырость. Мы вместе с Иваном Васильевичем обходили землянки. Бойцы усталие, продрогшие, угрюмые. Трудно говорить с человеком в таких условиях, но комиссар находил нужные слова: «Понимаю, тяжело. Но представьте себе Ленинград. Там умирают от голода женщины, старики, детишки. И все-таки обороняются. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы защитить этот город-герой».

И. В. Зуев (в центре) — секретарь Вознесенского волостного комитета ВЛКСМ, 1926 год.

На помощь 2-й армии пришли части 59-й.

Майор Николай Павлович Новиков вспоминает: «Я служил тогда в 261-м полку 2-й стрелковой дивизии 59-й армии. В середине июня 1942 года мы получили приказ прорваться в район Мясного Бора к окруженным частям 2-й ударной армии. 14 июня наша батарея пробила брешь в немецкой обороне, и мы встретились с группой воинов. Среди них был высокий худощавый, прихрамывающий на правую ногу, чисто выбритый генерал. Подойдя к нам, он с улыбкой сказал: «Я ждал по меньшей мере генерала с армией, а тут лейтенант с батареей».

Мы находились в полосе шириной 300—400 метров, которая сплошь простреливалась противником. Как только немцы начали атаку, мы контратаковали их. Комиссар взял у одного бойца ручной пулемет и рванулся вперед, все бросились за ним, и атака фашистов захлебнулась. Но через два-три часа началась снова при поддержке трех танков. Один танк тут же подбили, два продолжали двигаться к нашим позициям. В этот момент солдаты увидели Зуева. Он крикнул им: «Братцы, дайте гранаты!» Затем бросился навстречу танку. Только тогда мы поняли, что задумал комиссар. Кинулись за ним. Вот подбит еще один танк. Третий повернул обратно.

Атаки фашистов следовали одна за другой. Комиссар все время находился среди бойцов. Помню, мы взяли в плен восемь гитлеровцев. Зуев хорошо говорил по-немецки, сам допросил их и узнал о приказе немецкого командования во что бы то ни стало вновь сомкнуть кольцо окружения и уничтожить 2-ю армию.

В день мы отбивали по 10—12 атак. После одной из них Зуев попросил его перевязать.

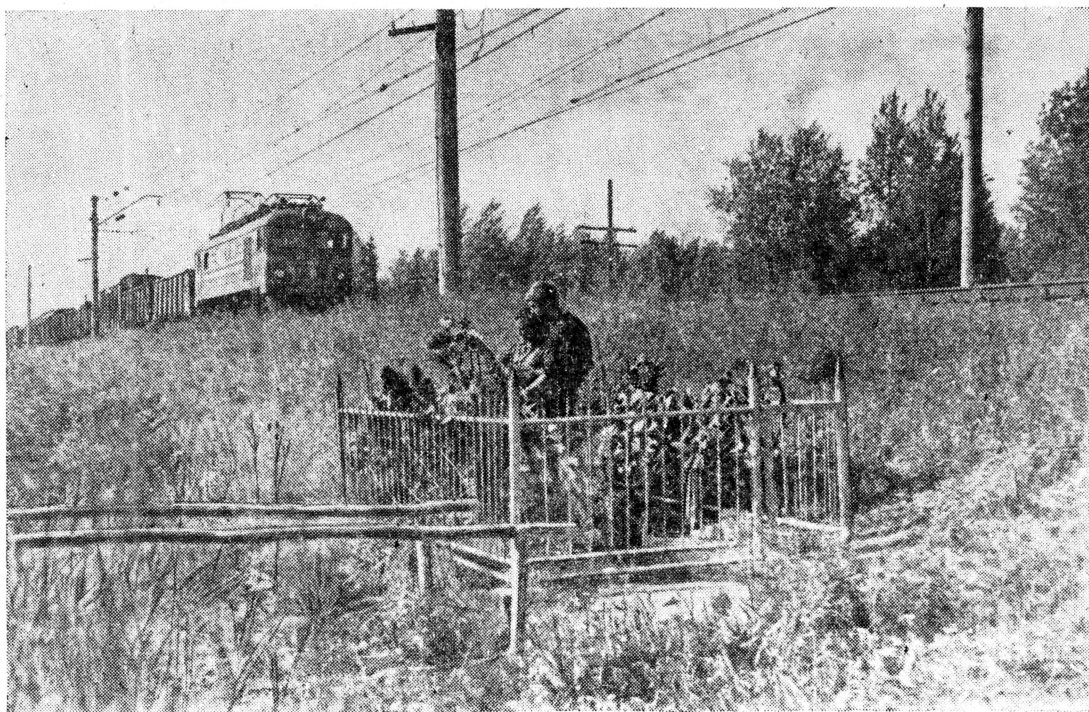
На правой ноге выше колена у него были две пулевые раны. Едва кончили перевязку, как Зуев снова пошел в атаку.

В Чудово живет Иван Константинович Болтушкин. Вот что он рассказал: «Организатором группы прорыва был дивизионный комиссар. Вокруг него объединилось человек 600—700. Все двинулись через «Долину смерти». Впереди шел Зуев. Многие тогда погибли от жестокого огня противника, остальные рассеялись по лесу. Уцелело нас человек 180. Больше я комиссара не видел».

Финал трагедии наступил 26 июня. П. С. Константинов описывает его так: «В полдень Зуев собрал всех оставшихся в живых политработников, связистов, работников особого отдела. «Товарищи! — обратился он к нам. — Немцы снова закрыли горловину. Мы окружены, выход один — бой». Создав ударную группу, Зуев повел ее на врага. Бой был тяжелым, но безрезультатным».

Идут, идут письма

«Многоуважаемая Екатерина Ивановна! Дети Юрий и Владимир! В Красной Армии я служил с 1937 года по 1940 год. Сначала в Киеве, затем в Бердичеве, потом в Станиславе. Работал шофером на легковой машине, возил начальника политотдела танкового соединения товарища Андреева. Хорошо знал и комиссара Зуева, стройного, красивого, чрезвычайно подвижного человека. На груди его были ордена. Мы, кра-

На 105 километре.

сноармейцы, знали, что правительство его наградило за участие в боях в Испании.

Мне особенно врезался в память тот момент, когда комиссар выступал перед нами на митинге в октябре 1940 года. Показывая рукой на запад, он говорил: «Самый страшный враг, товарищи, находится там. Вы всегда должны быть готовы к защите Родины». Он предвидел, что нам придется воевать с фашизмом.

Вечная слава ему, нашему комиссару.

Д. ЛЮШИН, рабочий металлургического завода Челябинска».

«Уважаемая Екатерина Ивановна! Лучшим памятником Ивану Васильевичу будет создание и публикация истории 2-й ударной армии, составленной по воспоминаниям участников боев на Волховском фронте в первом полугодии 1942 года. А воспоминания эти есть, они хранятся в архивах редакций. Вот, например, 22 июня 1965 года «Новгородская правда» давала обзор писем, часть которых написана воинами 2-й армии. Автор обзора приводит стихи:

О нас не печатают сводки,
Здесь нет даже «местных» боев.
Здесь только котел небосвода
Клокочет огнем до краев.

Эти стихи написал на Волховском фронте поэт Павел Шубин. Они вспоминаются, когда читаешь письмо Ф. Бодрова из Свердловска. Он рассказывает о таких же боях под Подберезьем, Мясным Бором. На этом же участке оборонял подступы к Новгороду связист А. Губарев. Оба они были свидетелями мужества советских солдат.

На фронте я не встречался с вашим мужем. Просто знал, что есть такой большой командир. Уверен, что если вы и ваши дети приедете в Новгород, Чудово или Любань, то узнаете много хорошего об Иване Васильевиче.

ГОРИЧЕВ, член КПСС,
подполковник запаса».

У опушки, на сто пятом

Когда следопыты Горького вернулись домой, они рассказали в обкоме комсомола о походе и предложили поставить новый обелиск герою-земляку. Он был изготовлен рабочими завода «Красное Сормово» и в сентябре 1967 года установлен на могиле комиссара.

Следопыты Ардатовского района Горьковской области собрали средства на тепловоз имени И. В. Зуева. Теперь тепловоз ТЭП-10-257 ходит по стальным магистралям страны. На нем надпись: «Комиссар И. В. Зуев. От пионеров Ардатовского района Горьковской области».

По ходатайству ребят деревня Коломовка Указом Президиума Верховного Совета РСФСР переименована в Зуево.

А в Ленинграде 492-я школа носит имя комиссара. Здесь следопыты создали большой музей, экспонаты которого рассказывают о жизни и боевом пути Ивана Васильевича Зуева.

В октябре 1968 года произошло еще одно

Открытие памятника комиссару.

знаменательное событие — открытие памятника на могиле легендарного комиссара. Вот как рассказывалось об этом в «Горьковской правде».

«Наступает торжественный момент. Право открыть памятник предоставлено председателю Чудовского исполкома районного Совета депутатов трудящихся Е. А. Волковой, боевому другу комиссара Я. С. Бобкову и комсомольцам-зуюцам...»

На мраморе высечены слова:

«Члену Военного Совета 2-й ударной армии дивизионному комиссару ЗУЕВУ Ивану Васильевичу, погибшему в боях с немецко-фашистскими захватчиками в июне 1942 года».

Памятник-монумент, сооруженный коллективом ленинградского завода «Монументскульптура» и группой военных архитекторов, представляет собою пятиметровый обелиск на массивном гранитном пьедестале... Около него бетонные дорожки. Одна из них ведет к могиле комиссара, рядом с которой мраморная плита с высеченными горьковскими словами: «Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером...»

П. КУМАНЕЕВ

ДЕЛО ЗНАКОМОЕ

Еще зимой старый туристский командор Сергей Афанасьевич предложил:

— Хочешь, пойдём обследовать новый маршрут? В разведку...

Что ж, разведка нужна в любом деле. И быть разведчиком — всегда почетно. Поэтому я без долгих раздумий согласился. Спросил только для страховки:

— Водный маршрут?

Сергей Афанасьевич, зная мою слабую способность к пешим переходам, уклончиво бросил:

— Смешанный... Волок будет километров восемнадцать. Остальное — по воде.

Сомнения, если они и были в первый момент, тут же улетучились. По воде — это дело знакомое. Трижды уже плывал с Сергеем Афанасьевичем, не одну тысячу километров вместе прошли. Каких только берегов не перевидали... Да, конечно, надо ехать!

А маршрут предстоял серьезный.

Не покупилась природа, создала на территории Коми АССР громадный водораздельный район. На карте он весь покрыт целой сетью голубых прожилок —

реки, речки, ручьи. И густая, частая штриховка по зеленому полю — болота, покрытые лесами, да заболоченные леса. Смотришь — тоненькие усики речек начинаются почти в одном месте. А тянутся в разные стороны: одни к Печоре, другие к Каме, третьи к Вычегде, четвертые к Мезени. И совершить путешествие из одного речного бассейна в другой очень заманчиво. На карте иной раз кажется — рукой подать...

Но туристские карты у нас, как правило, очень мелкого масштаба и, увы, не расскажут о всех коварных трудностях, которые могут встретиться на пути. Поэтому вполне закономерно, что сначала по неизведанным маршрутам должны проходить специальные группы, имеющие большой опыт. Они предостерегут от различных непредвиденных случайностей других, кто пожелает потом совершить трудное и увлекательное путешествие.

Вот и нам совет по туризму предложил проложить путь с притоков Печоры на притоки Вычегды. Нужно было забраться на берега так называемой Печорской Пижмы, подняться по ней и ее притокам, миновать водораздел и попасть на приток Выми, которая в свою очередь является притоком Вычегды.

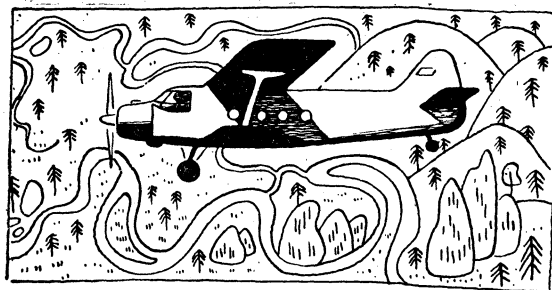
Даже на карте видно, что места здесь

безлюдные. На Пижме деревни еще есть, а вот на Выми до ближайшего жилья плыть да плыть. Ну, что ж, тем почетней задача. Кого многолюдье интересует, тот на Черное море курс держит...

Одно только огорчало — придется нести много продуктов. Пожалуй, наибольшую туристскую норму (считается, что больше чем на двадцать пять дней группа продуктов забрать не может). А ведь, кроме этого, нужно нести с собой (на себе!) палатки, топоры, котелки и кучу других необходимых вещей, в том числе надувные резиновые лодки.

Об этих лодках хочется сказать особо. Не раз и не два приходилось мне плавать на них, и смею утверждать, что в условиях горной реки, где много перекатов и порогов, они значительно удобней плотов. Напрасно многие боятся, что такие лодки часто рвутся на камнях. Отнюдь нет. Нужно только держать суденышко на струе, а если и попадется где камень, то ведь он, как правило, основательно заглажен водой. Бывало, целые перекаты преодолевали мы «со скрипом», однако лодки все прекрасно выдерживали.

Конечно, лодка — дополнительный груз. Но волок-то мне обещали в восемнадцать километров. Такое расстояние и я как-нибудь протопаяю. Чего там! Зато сделаем разведочный поход, составим описание маршрута, и, кто знает, сколько туристов потом пройдут здесь за нами следом.

ТОЛЬКО САМОЛЕТОМ

Три вечера подряд, укладываясь спать в гостинице аэропорта в Сыктывкаре, мы дружно декламировали:

— Пользуйтесь услугами Аэрофлота! Быстро! Дешево! Удобно!

Больше ничего нам не оставалось. Нужно было лететь сначала в Усть-Цильму, оттуда в Замежную, на берега Пижмы, а... мест в самолетах для нас никак не хватало.

Наконец отправилась первая партия — четыре человека и большая часть груза. Следом, на другой день, вылетели в Усть-Цильму и мы с Сергеем. Правда, ребят там уже не застали, они отправились дальше. Мы же воспользовались вынужденной остановкой, сходили посмотреть на Печору. Я раньше ее ни разу не видал. Река мощная, полноводная и на первый взгляд не очень приветливая. Впрочем, северные реки редко услаждают глаз такой пасторальной красотой. Нет, у них свои прелести и красота своя — суровая.

...Замежная, или, как здесь говорят, Замежье — большое село на левом берегу Пижмы. На правом берегу раскинулся цветущий луг. Здесь, в крохотной будке, наша «база». Дел предстоит переделать еще много, а выбираться отсюда надо бы побыстрее.

Сообщение с левым, жилым берегом — на лодках, которые находятся в полном и безраздельном владении самых юных жителей села, причем некоторые из них, пожалуй, в лодке лучше плавают, чем ходят, — очень уж малы. Псигналишь им, и они с удовольствием перевезут на другую сторону. Впрочем, в тот самый день, когда мы были в Замежной, там «миром» строили мост. Строили сноровисто, толково и быстро. Уже к вечеру он был готов и по нему с упоением понеслась ребятня, останавливаясь лишь затем, чтобы разглядеть сверху «жиганов», как здесь зовут мелких хариусов.

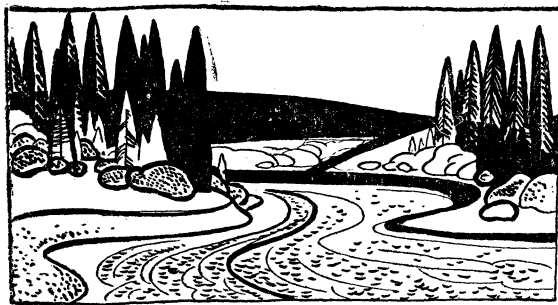
В группе работающих на строительстве моста был и председатель сельсовета Иван Васильевич. С его помощью договорились с двумя владельцами лодок, что нас подбросят вверх по Пижме километров на шестьдесят. Пока наши возницы собирались, мы закупили продукты, прошлись по селу. Здесь, как и в других печорских деревнях, особый, не такой, как на Урале, тип построек. Дома большие, высокие, с многочисленными окнами. Да и некоторые другие бытовые детали характерны, например, колодцы. Воду из них достают часто при помощи колеса, напоминающего пароходный штурвал.

Городскому глазу не привычна здешняя одежда: старинная, просторная. Мо-

лодежь, однако, уже следует новой моде. Так и идут рядом бабушка и внучка — одна в широкой, до полу, юбке, в просторной кофте, в платке, повязанном особым образом, а другая — без малого в «мини» и с непокрытой головой.

Вот, наконец, подошли и лодки. Погрузились, познакомились. Одного моториста зовут Андрей, второго же не совсем обычно — Руслан. Впрочем, старинные, редко употребляемые в других местностях имена, здесь не в диковинку. Позже нам доводилось и Аполлона встречать. Чем это объяснить? Не тем ли, что прежде на Пижме жило много староверов, у которых к святцам всегда было особое уважение?

Задумавшись вот над такой деталью местного быта и, честное слово, становиться обидно за то, что у нас порой совсем забывают об этнографии. Чего только не ищут путешественники и туристы! Лезут в пещеры и кратеры вулканов, готовы сломать голову лететь за тридевять земель, если услышат о каком-нибудь мифическом драконе. А вот поинтересоваться, как живут люди хотя бы в соседней области — руки не доходят. Именно — как живут? В чем особенности их быта, какие сохранились обычаи, какая утварь, одежда? Ведь все это очень интересно! Но увы... Все это стало достоянием разве что сугубо научных экспедиций.

ДО КАМЕННОГО МЕГА

Печорская Пижма. Стеклянная, светлая вода. Быстрое, порой бурное даже в средней части течение. И так называемые «меги» — полуострова, образованные петлями реки. Первый такой мег мы встретили вскоре, в деревне Степановской. Мотористы наши предложили:

— Идите через деревню. Тут всего метров триста. А мы рекой поплывем, километров пять-шесть наберется.

Дождались лодок, поплыли дальше. Вот и последняя деревня, которую нам предстоит миновать, — Верховская. Следующий населенный пункт будет уже на Выми...

Утреннее солнце покрыло ровной желтоватой светлой полоской самые верхушки деревьев на противоположном берегу. С каждой минутой эта полоска ширилась, росла, ярче выступала зелень. И когда мы тронулись, разгорелось над рекой чудное утро одного из немногих солнечных дней, выпавших на нашу долю в этом путешествии.

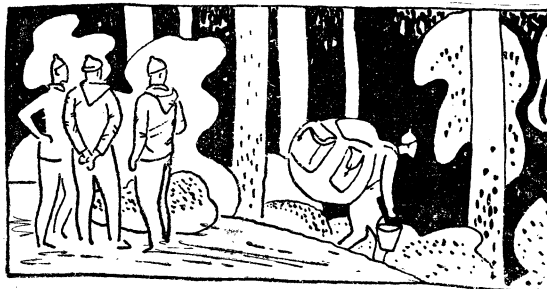
Солнце как бы помогало нам лучше оценить красоту Пижмы. Сразу же за Верховской то на одном, то на другом берегу стали появляться скалы, утесы. Тиманский кряж словно бы выслал сюда авангард своих каменных стражей, охраняющих первозданный покой реки. Желтоватые скалы то подступали к самой воде, то отодвигались от нее, набрасывая на могучие плечи густое лесное покрывало. Все четче обозначается узкий и извилистый каньон, в котором пробил себе дорогу река. А на воде все чаще видны оспенные пятна пены, на мелях течение бурное, перекаты начинают «пробовать глоса», шумят.

Красота Пижмы, особенно выше Верховской, подлинно нетронутая, первозданная. И это не случайно. Дело в том, что в этой реке нерестится замечательная рыба — семга. Осенью семга косяками поднимается из моря по Печоре, а затем по Пижме, чтобы отложить икру. И чтобы не мешать ей, сохранить заветные нерестилища, здесь запретили заготовки и сплав леса.

Ну, а раз закрыт доступ на реку лесозаготовителям и сплавщикам — портить природу стало некому. Есть другой способ воспользоваться ее богатствами — семга ценится дорого... Кстати, и рыбная ловля, даже любительская, здесь тоже категорически запрещается. Ведь можно вместо хариуса поймать на мушку маленькую семгу, которая живет в родной реке два-три года и только после этого скатывается в море.

Пониже одного из перекатов, такого солидного, что его уже зовут порогом, в реку выдается небольшой мыс. Здесь и пристаем. Отсюда начинается Большой,

или Каменный, мег. По суше перешеек три километра. Рекой же плыть надо больше сорока. Есть смысл перетаскиваться волоком.

Н А У М Б У

Подсчитали — прослезились... Не совсем так, конечно, но количество груза, который предстояло нести на себе, к оптимизму не располагало. Когда окончательно утряслись и увязались, насчитали девятнадцать мест. А нас — шестеро.

Надеяться, однако, было не на кого. И наш завхоз Витя первым зашагал вперед, взгромоздив на себя такой мешок, что из-под него были видны только ноги. Да еще в руки, или как принято у туристов говорить — «в силу», прихватил кое-что.

Витя, хоть и невелик ростом, но весь какой-то ладный, хватистый, все у него ловко и удобно подогнано. Делает все обстоятельно и в подсказках не нуждается — сам работу найдет. Он у нас представитель среднего поколения: ни самый молодой, ни самый старый. И очень до-тошный завхоз — ночью разбудит, без запинки ответит, сколько и чего распихали по рюкзакам.

Поскольку сразу весь груз, несмотря даже на героические Витины усилия, мы поднять не смогли, организовали движение «челноком». Иначе говоря, забросили вперед сначала часть груза, потом вернулись за остальным. Потом еще продвижение вперед, и снова возвращение... Полдня, одним словом, пришлось потратить, пока добрались до другой стороны перешейка.

На карте там значится деревня Новожилово. На самом же деле деревни нет, есть лишь несколько полуразрушенных да один более или менее целый дом. Люди здесь, судя по всему, бывают — косят сено, охотятся. Но не живут. И взяла бив-

шую деревню в плен буйная, выше пояса, трава.

На другой день, пока собирались и увязывались, командор послал нас с Эриком осмотреть порог Ворон, что ниже заброшенной деревни километра на три. Вперед шли берегом, повторяя поворот реки. И за поворотом насмотрелись красивейших мест.

Порог Ворон страшен, наверно, в половодье, когда бешеная вода прорывается между подступившими к ней скалами. А летом видны лишь несколько десятков вскипающих на камнях бурунов и далеко вдающаяся в реку каменная коса.

Чуть выше порога несколько скал, одна из них — Тунгусский камень — очень красива. Половина скалы некогда обрушилась, и теперь у ее подножья громоздится настоящий каменный хаос, вроде того, что показывают туристам в Крыму.

У деревни нас уже ждали два Сергея — самый старший, Сергей Афанасьевич, и самый младший, еще школьник, Серега.

Берегом Пижмы в тот день дошли до следующего порога, который называется Великим. Нас он, однако, разочаровал. Ничего величественного мы не увидели — пережат и пережат, полоса бурунов на каменной гряде. Плыть, во всяком случае, по нему можно. В этом мы убедились сами. Снизу подошла лодка с мотором и, миновав порог, пристала к нашему биваку.

Не сразу обратил на себя внимание красный крестик, нарисованный на носу лодки. И только в разговоре выяснилось, что эта лодка вроде санитарной машины. На ней едет фельдшер в деревню, расположенную в верховьях Пижмы, кому-то понадобилась медицинская помощь.

Не отказались от предложенной помощи и мы. Погрузили большую часть вещей в лодку, сами же пошли налегке и уже вскоре достигли избушки, стоящей на бугорке у впадения в Пижму небольшого ручейка.

Здесь живут пастухи, пасут бычков. Стадо вволю ест сочную траву на берегах, которую здесь никто не косит, да и некому это делать. А пригнать скот, организовать пастьбу и отогнать осенью стадо обратно — не так уж сложно.

В избушке мы встретили ленинградского туриста-одиночку. Каждое лето он добирается по так называемой Мезенской Пижме (притоку Мезени) почти до Ям-озе-

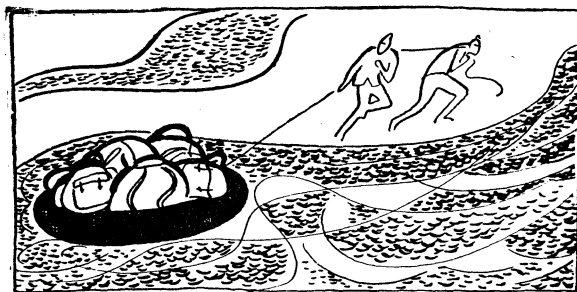
ра. Там — небольшой волок. А из Ям-озера вытекает Печорская Пижма, путешествие по которой сулит много удовольствий. Этот маршрут, кстати говоря, хорошо изучен и освоен ленинградскими и архангельскими туристами.

Удивляться этому не приходится. Пижма для туристов — сущий рай. Плыть по ней на байдарках или резиновых лодках одно удовольствие. Течение быстрое, напористое, берега красивые, много скал. А людей почти нет. Вот только рыбачить нельзя...

Недолгие переговоры с пастухами закончились соглашением о том, что они подбросят нас на лодках до очередного мега, а оттуда на лошадях вьюками переправят наш груз на приток Пижмы Умбу, в то самое место, откуда начинается, по их словам, тропа на водораздел.

Весь этот путь мы проделали за несколько часов. И вот уже стоим на берегу быстрой и светлой речки. Напротив нас — песчаный, поросший ивняком, остров. За ним узкой протокой вливается в Умбу река Середняя. Вдоль нее нам и предстоит двигаться, чтобы попасть в бассейн реки Выми.

Отменная была на Умбе дневка! И хотя утром пошел дождь со снегом (это 27 июля!), днем погода разгулялась. Мы сушились, отдыхали, ловили хариусов, которых здесь великое множество. Довольно быстро нашли начало тропы и даже успели забросить вперед часть груза. Одним словом, приготовились к трудному переходу.

В О Д О Р А З Д Е Л

Тропа попетляла по густому девственному лесу и вскоре вышла на болото, окруженное зарослями стланика — карликовой стелющейся березки. Отсюда и началось: по болоту идти трудно, вяз-

нешь, на выходе из болота за ноги цепляется стланик, а на рёлках по щиколотку утопаешь в податливых мхах. И все это с таким мешком за плечами, что если оступиться и упадешь, то тебя поднимают товарищи, иначе придется груз отстегивать.

На привалах мы блаженно вытягивались и курили прямо через накомарники. А вокруг гул стоял, столько здесь водится крылатых бандитов всех сортов и размеров — от малюсенькой, но ужасно вредной мошки, до «мессершмиттов», громадных, разной окраски оводов.

К вечеру, когда, казалось, уже не было никаких сил идти, шедший впереди Виктор издал победный крик:

— Изба!

Карта у нас была довольно мелкого масштаба, но даже на ней в этом ненаселенном краю обозначены отдельные охотничьи избы. И когда первая из них встречалась на пути, стало как-то легче на душе: идем правильно. Дорогу-то ведь спросить было не у кого...

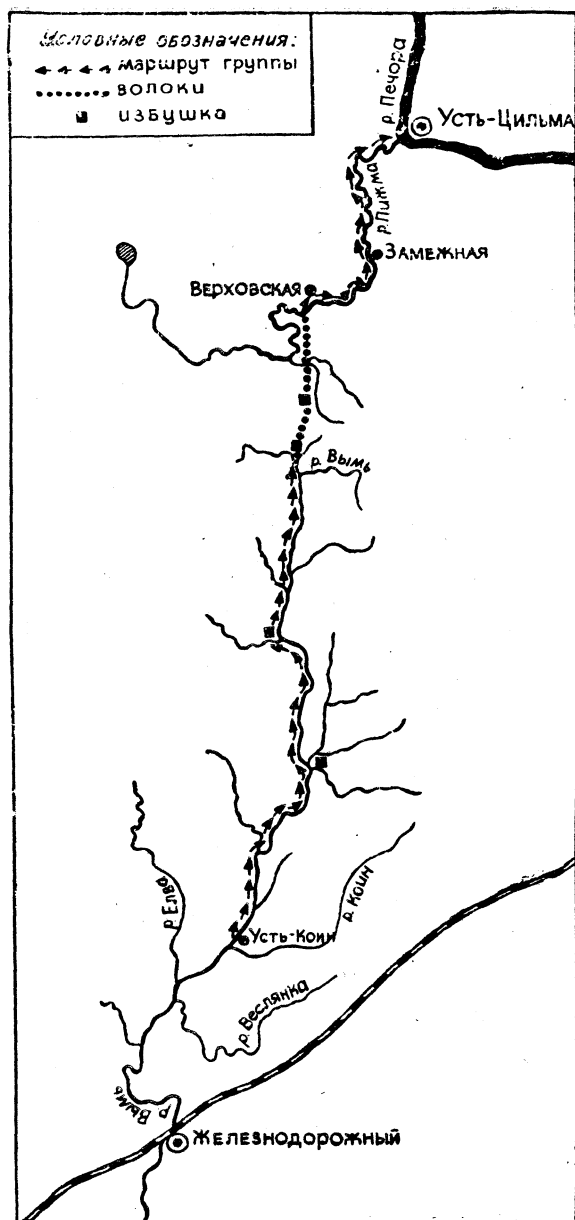
Изба, видно, регулярно посещается охотниками и рыбаками. В нескольких метрах от нее лабаз-склад, в сенях и в лабазе много нужных хозяевам вещей — грузила для сетей, миски, керосиновая лампа. На усадьбе — оборудованное на веки вечные кострище. Такие стационарные кострища мы встречали и позже на Выми. Служат они, видимо, очень долго, доводилось видеть на них вырезанные даты двадцатилетней давности.

Сама изба топится по-черному, прокопчилась до основания. Но зимой охотник и такому пристанищу рад. Мы же предпочли ночевать в палатках. В ознаменование первого перехода по водоразделу наш командор взялся угостить лепешками. Возни было как у настоящей хозяйки, когда она гостей принимает. Что же касается качества лепешек — ничего сказать не могу: расхватили их тут же, помня, что «горячо сыро не бывает».

На другой день часть груза поместили на надувную лодку. До следующей избы Виктор и Юрий должны были тянуть ее бечевой по речке Середней. Остальные четверо продолжали движение по тропе уже без «челнока».

Переход опять же выдался не из легких. Уже в сумерках командор объявил: — На первом же подходящем месте ночуем.

Вскоре нашлось и подходящее место. Пока снимали рюкзаки, пока сидели и ку-

рили, Сергей Афанасьевич прошел еще немного вперед. И вскоре радостно крикнул:

— Давайте сюда! Двести метров не дошли!

И действительно, до очередной избы оставалось каких-нибудь двести метров. На сей раз неистребимый запах дыма нас не напугал. Так устали, что решили ночевать в избе, чтобы не тратить время на устройство лагеря.

Одно только волновало — наши «бурлаки» не подавали о себе никаких вестей. Не появились они и на следующий день. Только к вечеру выбрел из леса донельзя усталый Виктор. Оказалось, что Середняя их попросту «не пустила»: много завалов, река очень петляет. Бились, бились ребята, но далеко продвинуться не смогли. Виктор оставил Юрия караулить вещи, сам пошел за подмогой.

Этот неприятный оборот в общем-то подтвердил правильность того, что по новым маршрутам сначала должны проходить разведочные группы. Соблазнительная мысль — использовать бечеву для продвижения вверх по Середней до водораздела — родится, конечно, у каждого, кто изучает маршрут по карте. А на деле вышло не так. И если пойдет кто-нибудь по этому маршруту, он уже будет застрахован от повторения наших ошибок.

На подмогу двинулись утром, хотя и переживали за Юру. Но что сделаешь ночью в лесу? Разве что заблудишься.

Юрий длинный, нескладный еще, только что школу кончил. В делах не очень тороплив, чем иногда даже раздражает. Любит поспорить и очень не любит быть виноватым — всегда норовит доказать свою правоту, невзирая на то, есть она на самом деле или нет. Но когда доходит до настоящего дела, на него можно положиться — не подведет.

Вот и сейчас. Ночевать одному в диком лесу, где не застрахован от всяких случайностей, не так уж просто. Надо иметь силу воли, чтобы не поддаваться невольным ночным страхам. Тем более, что и оружия у Юрия фактически не было, только нож...

В результате всей этой истории потеряли два дня, а путь предстоял еще не близкий. Хотелось бы проскочить его побыстрее, но уже с первых шагов стало ясно, что быстрого движения не получится. Дело в том, что тропы дальше уже не было. Двигаться пришлось «по затесям», то есть держась отметок на деревьях, сделанных неизвестно кем и когда. Правда, попривыкнув, мы шли от метки к метке довольно уверенно. Но все равно без тропы идти стало трудней.

Миновав очередное болото, неожиданно вышли на небольшой пригорок, на скатах которого попало несколько карстовых воронок. Отсюда, с пригорка, открывался великолепный вид на лесной окаем. Вдали синели увалы Тиманского края, а

куда ни глянь — лес, лес и лес. После ходьбы по тропе, где обзор очень ограничен, этот простор прямо-таки радовал глаз.

Ночевали на болоте, найдя более или менее сухой пятачок. И несмотря на то, что под ногами везде хлюпало, встала проблема добывания воды. Сергей Афанасьевич наметил место для ямы, а Эрик вызвался ее сделать. Тут же вырубил кол, содрал им мох и верхний слой почвы с корнями, тем же колом вырыл довольно большой водосборник. Любо-дорого было смотреть, как все это он делает — сноровисто, без суеты. Эрик вообще очень деятельный, всегда чем-нибудь занят и никогда не суетится, «не заводится», сдержан. А умеет он многое. Окончив географический факультет университета, несколько лет работал на севере, в мансийской тайге. Суровая жизнь многому научила, и навыки, полученные там, как нельзя лучшегодились в походе.

Дела на каждой стоянке всем хватает, если хочешь устроиться как следует. А иначе и нельзя устраиваться: надо высушиться, приготовить еду, поставить палатки, заготовить дрова для костра. Да мало ли еще всяких мелочей в нашем «домашнем хозяйстве»? Зато любое место, где мы разбивали бивак, уже через короткое время становилось обжитым, удобным и даже по-своему уютным.

...Затеси исчезли совсем. Оставалось одно — идти по азимуту. Так и шли. Наткнувшись на непроходимое болото, двинулись в обход. Настроение, надо сказать, не из лучших. Невольно лезут в голову мысли о том, что стоит чуть не так взять направление, и мы не попадем на приток Выми речку Сарью (иногда на картах ее название пишется Сар-ю). А это значит, что придется дополнительно топтать по болоту десятка два километра до следующего притока — Щугора. Как ни сдерживаешься, но не можешь не высказать своих сомнений вслух. Завязывается спор, атмосфера накаляется — все ведь устали, а тут еще нудный дождь с утра...

И здесь мне уже в который раз пришлось наблюдать лучшие качества характера нашего командора. Сергей умеет в подобных ситуациях не терять бодрости и оптимизма, норовит шуткой снять напряжение. И в то же время неуклонно проводит свою линию, умело и тактично требует соблюдения принятого порядка, по силам распределяет нелегкий труд. Он

очень душевный, добрый человек, но безвольным его никак не назовешь.

Много лет ходит наш командор по туристским тропам, не раз совершал труднейшие походы, не раз был, как и нынче, руководителем групп, идущих по неизведанным еще маршрутам. И еще не бывало (да и не будет, я уверен) в его группах каких-нибудь чрезвычайных происшествий. Он так организует поход, так умело и тактично руководит его участниками, что случайностям, которые, как правило, бывают следствием недисциплинированности и плохой организации, места не остается.

Да, Сергей устал не меньше нашего. Возможно, и его одолевали сомнения. Но он упрямо шел к цели и вел нас, вселяя веру в успех.

КОНЕЦ СУХОПУТЬЮ!

Болото как болото: поросшие травой кочки. Между кочками топь. Оступился — еле ноги вытащишь. Кое-где виднеются ямы, заполненные черной водой.

И вдруг впереди мелькает уже не яма, а какой-то водоем. Что это? Может, уже Сарью? А может быть, какой-нибудь ее приток? Когда подобрался ближе, определили — нет, это не ручей, водная растительность спутана, течения нет. Но очень похоже на ручей, по всей видимости, весной здесь идет сток талых вод. Не широкий водоем, но длинный, не обойдешь. Пришлось ладить переправу, благо на берегу росли деревья. После переправы сделали еще несколько переходов и наткнулись уже на настоящий ручей.

Маленький лесной неторопливый ручеек. Сколько надежд он разбудил! Ведь этот ручеек уже принадлежит бассейну Выми, водораздел остался позади. Нужно

только разыскать, куда он впадает. Правда, это не так просто... Но все же на душе приятно. Не иначе, скоро будем у «настоящей» воды.

Оказалось, что даже скорей, чем мы думали. Пока готовили обед, Сергей Афанасьевич и Эрик пошли в разведку. Вернулись часа через полтора. Изюм всех сил старались казаться невозмутимыми. При двухнедельной небритости это удается легко. Но сразу видно — у них есть большая новость.

Прикидываясь равнодушным, Сергей, в конце концов, буднично заявил:

— Пообедаем и пойдем дальше. До Сарью осталось метров... пятьсот.

Ого, Сарью оказалась уже настоящей речкой! Не очень большой, упавшие деревья перегораживали ее целиком, но все же речкой. По ней можно плыть, ехать на тех самых надувных лодках, которые уже давно ехали на нас. Впереди могли встретиться завалы, мели, перекаты — но все это как-то не страшило. Нам не терпелось сменить способ передвижения.

В новых заботах прошла половина следующего дня. Надували и опробовали лодки, укладывали груз так, чтобы его удобней было разместить на утлых суденышках. Груз вроде бы не убавился вовсе, а вот съестных припасов осталось столько, что Витя все чаще озабоченно их пересчитывал.

Эрик сходил в разведку вниз по реке и доложил, что плыть можно. Попутно разрубил два завала, чтобы не омрачать начало водного путешествия. Съели уху из местных хариусов, уложились — можно пускаться в плавание.

Командор напутствовал нас шуточным приказом, а все «корветы» были окрещены. Нашу с Сергеем Афанасьевичем лодку нарекли именем «Юность», намекая на то, что вместе нам уже почти сто лет. А лодку, на которой плыли Юра и Виктор, вскоре пришлось переименовать. Столько всегда с нее доносилось споров и воркотни, что за ней прочно укрепилось название «Бузотер».

Сарью поначалу оказалась не очень гостеприимной. Во всяком случае семь завалов пришлось разобрать да два обходить берегом. Но с каждым километром река становилась полноводней, да и шире, плыть было легче.

Запомнилась ночевка на правом берегу этой таежной речки. Веселое тогда выбрали место. Берег высокий, кудрявый от

брусничника и мха, увенчан кондовыми соснами. Чисто, светло и очень красиво.

В конце длинного плеса стал виден какой-то просвет — речная долина вроде бы расширилась. После долгого плавания по узкому лесному коридору каждый такой просвет прямо-таки тянет к себе. Очень хочется увидеть хоть немного простора, оглядеться. Мы невольно налегаем на шесты.

Еще сотня-другая метров, и вдруг слева открывается плес. Стремительно несет свои воды довольно широкая река. Вот она — Вымь! Теперь-то уже можно твердо сказать, что водораздел нами пройден.

ПО ТАЕЖНОЙ РЕКЕ

Целую неделю плыли мы по Выми. Плыли и под дождем, и в солнечные дни. Топорами вытесали из бревен весла и усиленно подгоняли свои лодочки вперед — на юг, к поселку Усть-Коин, конечному пункту нашего путешествия. Там — магазины, цивилизация. Она нужна была нам хотя бы потому, что уже пришлось ввести строгое нормирование сахара и сухарей, а суп с клецками порядком набил оскомину.

Вымь — типичная таежная река. Один за другим миновали мы устья нескольких ее притоков. Река стала шире, многоводней, но это мало радовало. Чем больше таких плесов, тем трудней плыть. То ли дело — перекаты! Смотреть, правда, нужно в оба, чтобы не распороть ненароком лодку. А зато как лихо идет она вперед, оставляя позади галечные, заросшие лопухами острова.

Вода в Выми — чистая, прозрачная, холодная и исключительно вкусная. Не знаю чем это объяснить, но такой вкусной воды мне, кажется, еще не приходилось встречать.

После целого дня плавания долго еще перед глазами стоит пестрая мозаика галечного дна — наплывает и наплывает бесконечный ковер, составленный из камней и камешков, шастают в стороны бесшумными тенями хариусы, лопочет под днищем вода на перекатах... А на завтра опять за весло, и опять разворачивается перед глазами прекрасная, но несколько однообразная картина, заключенная в величественную раму нетронутой тайги, в которой преобладают лохматые, какие-то неприбранные лиственницы.

В одном месте на крутом правом берегу тайга отступает от реки, видно, что ее здесь вырубали. А на самой кромке обрыва высится громадный деревянный идол, довольно точно копирующий тех идолов, которым некогда поклонялся народ коми. Позже мы узнали, что этот идол очень молодой, всего несколько лет назад его ради шутки сделал рабочий проходившей здесь топографической партии. Но мы, не зная этого, отнеслись к идолу с почтением, усиленно фотографировали его со всех сторон...

Только поплыли дальше, налетел встречный холодный ветер с дождем, грести стало трудно. «Бузотер» где-то задержался, следом плывет лодка Эрика и Сергея-младшего. Наперекор ветру и дождю Серега неокрепшим баском упорно распевает на всю округу: «Хорошая штука — жизнь...» Он самый молодой у нас, Серега, еще школу не кончил. Но путешественник из него, судя по всему, получится отменный. У него за плечами уже несколько походов, он трудолюбив и скромно, достаточно опытен, может и суп сварить, и по компасу двигаться. А главное — характер у него хороший, веселый. Да и трудности его не пугают, он предпочитает делать, а не говорить. Над ним и пошутить приятно — шутку он понимает и принимает.

В трудном походе дружба, слаженность так же нужны, как пища и опыт. Целый месяц живешь на глазах у других. Днями сидишь в лодке бок о бок с соседом. Делаешь массу мелких, надоедливых дел. Все это порой на пределе сил. Попробуй дать волю раздражению, усталости, дурному настроению — и себе и другим жизнь испортишь. То ли дело —

шутка, песня, веселый разговор. С ними жить веселей, да и трудности как-то уменьшаются в размерах...

Только выплыли из-за очередного поворота, Сергей Афанасьевич углядел:

— Лодка. С мотором.

Вытянув шею, чтобы лучше было видно, мы гребем изо всех сил. Ведь уже почти две недели не видели людей. А кто тут, в диких местах? Какая будет встреча?

Лодка мирно покачивается на привязи, людей не видно. Кверху, на горушку, ведет среди кустов тропинка. Поднимаемся по ней и выходим к охотничьей избушке, «банюшке», как их здесь зовут. Тут и встречаем хозяев лодки. Их четверо, все они — аспиранты Московского пединститута, проводят здесь отпуск. Один из них Слава — местный уроженец, хорошо знает эти места. Москвичи порядком удивлены нашим появлением: их заверяли, что в верхнем течении Выми людей нет и быть не может.

В воздухе носится запах наваристого супа. И, видно, заметив голодный блеск в наших глазах, нас приглашают к столу. Мы быстро дали себя уговорить, пообедались вволю...

Не раз у нас за время похода были встречи с хорошими людьми. Какое-то особое, чисто северное гостеприимство — доброжелательное и ненавязчивое — отличало эти встречи. И у лесника, что живет в устье стремительной и чистой Вырыквы, и на метеостанции, где маленький коллектив очень рад каждому свежему человеку. В этих встречах — коротких, но теплых и искренних — может быть, одна из самых больших прелестей походной жизни.

* * *

Нет нужды, наверное, день за днем, шаг за шагом описывать наше путешествие. Всего все равно не расскажешь. Но главное — оно навсегда останется с нами — таинство белых ночей, кристальная вода, дикая красота глухой тайги... И сознание того, что мы сумели сделать задуманное, совершили трудный разведочный поход. Кто знает, может быть, пройдут по нашим следам люди, которым не сидится дома, которые захотят увидеть прелести еще не тронутой природы.

А. ГРАЕВСКИЙ
Рисунки Г. Перебатова

А. ЛОЗА (Одесса)

В СТЕПЯХ УКРАИНЫ

**Я выполз из-под груды тел,
Крича „Да здравствует коммуна!“**
(Э. Потье „Жан-Бедняк“)

**Осада мужество зажгла
И женщин ненависть святую.
Рази, кипящая смола!
Гаврошы, ройте мостовую!**
(Э. Потье „Париж, защищайся!“)

**Гравюры
Владимира СТАРОВА**

Ленинград

Я. РЫК (*Харьков*)

РОМАНТИКИ

ВОЗВРАЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Когда-то здесь стелилась гать. Чуть поодаль возвышался косогор, затканый пахучим разнотравьем. За ним, весело шелестя листьями, стоял молоденький березняк.

Потом рядом выросла ТЭЦ. Сжигаемая в ее котлах угольная пыль превращалась в золу. Процентом двадцать этой золы могучие тэцовские трубы уносили в атмосферу, а остальные восемьдесят сбрасывались по соседству. Бульдозеры окружили низину земляными дамбами, и там, где недавно шелестела трава, образовался золоотвал. День и ночь трубопроводы, протянувшиеся от электростанции, изрыгали мутную пульпу. Вода уходила, а осевшая зола продвигалась все дальше и дальше. Бурый пустырь наступал.

Весной и летом, когда задували ветры, местность оку-

тывало серое облако. И не было никакой возможности спастись от этой зольной пыли. Она скрипела на зубах, проникала сквозь плотно закрытые окна, пепельным налетом ложилась на соседние посевы.

...Сахара, Гоби, Такла-Макан, Кара-Кумы... Названия, знакомые еще по школьным учебникам географии. С ними неизменно связаны наши представления о бескрайних песчаных и солончаковых пустынях, о пыльных бурях и смерчах.

Но есть и другие пустыни — золоотвалы, шламовые поля, извлеченные из земных недр горы «бросовой» породы. Их становится все больше и больше, этих индустриальных пустынь. Как утверждают специалисты, года через два промышленные отвалы в нашей стране поглотят три-четыре миллиона гектаров земли.

Проблема? Еще бы! Ветры поднимают в воздух тысячи тонн пыли. Пыль душит растения, становится непреодолимым барьером на пути солнечных лучей, а без солнца растения чахнут. Пыль резко ухудшает микроклимат, заставляя людей дышать грязным воздухом. Строятся заводы, горно-обогатительные комбинаты, шахты, теплоэлектростанции, а вслед за ними приходят и пустыни. Говорят: «Неизбежные издержки технического прогресса». А так ли?

Десять лет потратил на решение этой проблемы доктор биологических наук Виталий Владиславович Тарчевский. Все началось со случайного разговора с попутчиком в полупустом трамвае, спешившем с Уралмаша в центр. А через месяц — телефонный звонок с настойчивым приглашением побывать в управлении «Свердловэнерго».

Главный инженер — молодой, порывистый — расхаживал по кабинету и, поминутно обращаясь к карте, говорил:

— Взгляните сюда. Это — Красногорская ТЭЦ. Левее и выше — Нижнетуриная. А здесь — Егоршинская. Так вот, все они работают на углях тонкого помола. Золоотвалы, следовательно, неизбежны. А золоотвалы — мертвая земля. Вы ботаник, Виталий Владиславович, и, видимо, только вы сможете нам помочь.

— Каким же образом?
— Попробуйте... оживить их.

В. В. Тарчевский.

Тарчевский согласился не сразу. Он понимал: мало того, что проблема для него, геоботаника-степняка, новая, это такой «орешек», что потребует все внимание и все силы.

Есть у ботаников специализация: одни занимаются альпийской растительностью, другие — только лесной, третьи — болотной или полярной. И это понятно: овладеть всей флорой — дело сложное. Ведь даже в пустынях Средней Азии насчитывается до шестисот видов растений. И геоботаник все их должен знать в совершенстве. Иными словами менять специализацию — примерно то же самое, что заново начинать изучать незнакомый язык.

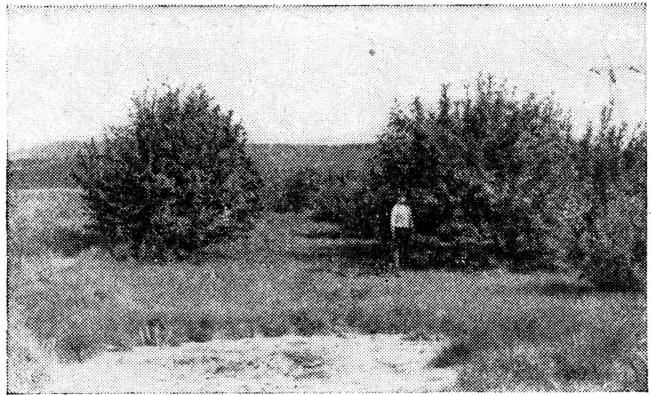
И все-таки не это было главной сложностью проблемы. Обычная, пусть даже самая скудная почва имеет четкую структуру. А отвал? Это вообще не почва. Это — субстрат, безликая однородная масса. Здесь действуют иные закономерности. Но какие? И могут ли вообще в этом самом субстрате найти питание высшие растения?

— И все-таки, — настойчиво просили энергетика, — попытайтесь. Важность проблемы говорит сама за себя.

Это Виталий Владимирович понимал хорошо. Речь шла не просто об огромных территориях. Красногорский отвал — каких-нибудь полсотни гектаров. Но на Среднем и Южном Урале можно насчитать не меньше двадцати городов, вокруг которых «индустриальные пустыни» занимают десятки квадратных километров...

Тарчевский поехал на Красногорскую ТЭЦ. Гектар за гектаром тщательно изучал пустырь в надежде найти хотя бы один живой росток. Тщетно. Бурый пустырь был мертв, ни единого признака жизни.

Вернувшись в Свердловск, он позвонил главному инжене-

Десять лет назад здесь была «индустриальная пустыня» — золоотвал Нижнетуринской ГРЭС.

ру «Свердловэнерго» и сообщил, что... согласен.

...Коллеги Тарчевского встретили его решение по-разному. Нашлись, разумеется, энтузиасты. Но были и откровенные скептики. Одни из них неопределенно пожимали плечами, другие были более категоричны.

— В геоботанике, коллега, вы будете представлять асценизационный обоз.

— И все же буду пытаться...

— Напрасно. Пока нет серьезного прецедента.

Он просмотрел все то, что имело хотя бы малейшее отношение к проблеме. Познакомился с немногочисленными работами польских и чехословацких ботаников. Полезного удалось найти немного. Что же касается прецедента, то он все-таки был. Сотруднику Главного ботанического сада Академии наук СССР Б. Сигалову удалось вырастить на золе, покрыв ее, правда, тонким слоем почвы, четыре вида из тридцати пяти испытанных растений.

Прецедент оказался подходящим для гипотезы, но не больше. Все дело в том, что по химическому составу золоотвалы весьма отличны друг от друга. Зола экибастузского угля содержит серу, в отвалах Южноуральской ТЭЦ до одного процента фосфора, а Ниж-

нетуринский зольник представлял собою жесткий панцирь. Значит, прежде всего надо было исследовать сущность «индустриальных пустынь».

На это ушел год.

Ранней весной с группой студентов-дипломников Тарчевский приехал на Красногорский золоотвал.

Был апрель. Сухой и ветреный. Над отвалом висело облако пыли, длинный шлейф от которого тянулся в сторону поселка. В самом облаке работать можно было только в респираторах и защитных очках. Ждать тихой погоды было нельзя — весна торопила.

Дел было невпрозорот. Возили торф и почву, нарезали экспериментальные участки. На одних высаживали растения в слой, обогащенный почвой, на других — прямо в золу. Двести видов подопытных растений должны были ответить на главный вопрос: можно ли вернуть этому пустырю жизнь?

К середине мая работы закончили. Уставшие, но довольные вернулись в поселок поздно вечером. А утром их ждал первый удар: шквальный ветер выдул все семена.

Посеяли снова. И снова их труд оказался напрасным: прошел ливень и все смыл. И только третий посев остался сравнительно невредимым.

Дней через пять рано утром Тарчевского разбудил один из студентов:

— Виталий Владиславович! Я только что с отвала... Понимаете, всходы!..

В ту весну ботанический отряд Тарчевского заложил опытные стационары сразу на трех отвалах. Итоги подвели через год. Из двухсот видов растений выжило не более десяти. Но это была победа. Именно с ними, этими видами, предстояло теперь работать.

Группа Тарчевского стала лабораторией промышленной экологии растений. В нее пришли агрономы, ботаники, биологи. В следующем году заложили стационары на зольниках Нижнетуринской, Серовской, Южноуральской электростанций, на отвалах Джидинского медеплавильного комбината в Бурятии, на уступах угольного разреза в Коркино.

Еще недавно исследователи шли чисто эмпирическим путем. Теперь появилась возможность работать по строго научной схеме. Прежде всего субстрат подвергался всестороннему анализу. Спектрографический анализ предупреждал исследователей о том, какие в нем содержатся элементы; химический — позволял выявить «главные силы», то есть те элементы, которые исследователей интересовали больше всего; агрохимический — выявлял так называемые подвижные элементы — калий, кальций, фосфор, азот — те самые, без которых растение обойтись не может. Ну, а есть ли у будущих «поселенцев» отвала друзья? Населяют ли недра отвалов элементы, способные разлагать органические вещества? На эти вопросы давал

ответ микробиологический анализ.

Длительность эксперимента — сезон. И каждый новый шаг вперед — это несколько лет жизни.

А между тем неизвестных еще оставалось немало. Пока было доказано лишь главное: отвалы покрыть растительностью можно. Ну, а другие вопросы? Какие, к примеру, можно сеять растения? Какой должен быть состав травосмесей? Какой из методов «оживления» отвала наиболее экономичный?

Появились работы Холидея и Хадсона. Английские ученые пришли к выводу о необходимости обязательного обогащения отвала слоем почвы в тридцать — шестьдесят сантиметров. И обязательно — большие дозы удобрения.

Подсчитали. Оказалось, что метод англичан экономически невыгоден. Кроме того, предложение англичан в известной мере напоминало «тришкин кафтан». Ведь покрывая таким слоем отвал, необходимо было обнажать почву где-то в других местах. Следовательно, надо было искать иное решение.

Попробовали заменить почву минеральными удобрениями. Эффект оказался невысоким. Испытали иониты. С ними минеральные удобрения становились более долговременными, но резко возрастала стоимость работ.

Случайность и закономерность, как всегда при поиске, нередко оказывались рядом.

Однажды Виталий Владиславович обратил внимание на ручей, который бежал вдоль Нижнетуринского золоотвала. Берега ручья были зелеными. Поинтересовался, что за ру-

чей. Ему сказали: это сточные воды завода шлаковаты. Взяли пробу. В воде нашли органические примеси. А, вот в чем дело, вот что питает зелень на берегах ручья.

Пустили сток на отвал: результат превзошел ожидания. Через год высаженные здесь многолетние травы дали богатейший урожай.

Но это лишь частный случай: не у каждого отвала можно найти такой живительный ручеек. А проблема оживления «индустриальных пустынь» требовала общего решения.

Свой первый эксперимент Тарчевский начал около десяти лет назад. И до последних дней своей жизни он детально разрабатывал агротехнику посевов, выбрав тридцать из трехсот испытанных видов растений. Эти тридцать удалось «приучить» к безжизненному субстрату. А результат его работы — сотни гектаров оживленной земли и Большая серебряная медаль Выставки достижений народного хозяйства.

...Редкий день почтальон не приносит в лабораторию на третьем этаже Уральского государственного университета писем, запросов, телеграмм. Из Мурманской области просят сообщить возможность выполнения работ на отвалах апатито-нефелиновой фабрики... Рудный запрашивает сроки начала озеленений... Рекомендациями свердловчан интересуются в Бурятии и Киргизии, в Эстонии и на Украине. И не случайно в летнее время лаборатория по обыкновению пуста. Ее сотрудники на отвалах — возвращают людям земли.

Б. БЕЛЕНЬКИЙ

Повесть

4

а другой день после этих событий Мирон Попов доносил его высокоородию статскому советнику Никите Акинфиевичу Демидову:

«И к тому приведению их по-прежнему к послушанию и исправлению работ, сколько нашей возможности есть, стараемся, точию успеху мало, и что с ними делать, уже недоумеваем, и как с ними обращаться, просим наставления...»

К середине апреля снег померк, заматовел. На полянах вокруг пней и комлей обтаяли круглые лунки и зарыжели прошлогодней травой.

Ночами еще подмораживало, и под ногами певуче хрустели ледышки. Но поднималось солнце, и со звоном разбивались сосульки, мелодично вызванивала капель, выбивая на завалинках шероховатые линии канавок. Со вздохом оседал на полях и по обочинам дорог снег. Поля уже кое-где забурели широкими обводами проталин.

Однажды Нижнетагильский поселок был разбужен гамом грачной стаи, устроившейся на салаутинских соснах.

И — пошло.

Засвистел в черных ветках тополей скворец — новенький, чуть с сумасшедшинкой от пьянящего весеннего воздуха. Над почерневшими дорогами взвился жаворонок и рассыпал звон колокольчиков. Затикала коноплянка. И вдруг, надсадно и протяжно гухнув, взломался лед. В бешеном танце завертелись льдины на Тагилке и, толкая друг друга, ломались и крошились. Клокочущая грязно-серая вода грызла берег у завода, тащила за собой мусор, бревна, сорванные с моста.

Работные глядели на паводок, на ослепительно-синее небо, говорили:

— Пришла матушка-раскрасавица...

Ни угрозы, ни посулы не помогли вернуть работных в завод. Только неделю и отработили, а как увидели измордованных в неволе людей — бросили все. Лишь редко и за сходную плату исполняли особо нужные работы: были отряжены команды для ремонта плотины, а также на рубку леса, часть которого было выговорено получить на общественные нужды.

Сажали мастеровые и работные огороды, занимались хлебопашеством. Сход приговорил: лучше скудно жить на земле, чем идти возвратно в кабалу к Демидовым. Работные требовали

БУНТ

Владимир ТУБАЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

ответа на свою челобитную. Однако Демидов Никита был далеко, в Москве, а князь Вяземский не ехал — у него хватало трудов в Невьянске, где на заводах тоже было неспокойно.

Днями рабочие ухаживали поля.

А по вечерам под окнами земской избы слышались команды Алексея Делакова:

— Во фронт — становись!

— Плутонгами — пли!

И совсем уж небывалое:

— Кладись!

Падали рабочие на еще влажную землю.

— Ползи!

Ползи, извиваясь. Было и хохоту, и брани неprovорот. Надо ж удумать — ползти на брюхе, подобно червяку! Матвей Зотов брал за грудки Алексея, орал:

— Что ж ты творишь, енерал! Я был в солдатах — нету в твоем того, чтоб ползаты! И согласия моего на то нету!

Алексей тоже выходил из себя, тряс под носом Матвея дистолью. В тысячный раз толковал, для чего это нужно. По настоянию Алексея земская изба приговорила учредить для береженья поселка оборуженную команду из тридцати человек. Сила малая. Алексей требовал полста, не дали. Думал, как извернуться. Долго думал. И придумал.

Рассудил: храбростью против солдата в случае нужды работному не устоять. Надо было брать хитростью, а хитрость и была в том, чтоб обучить рабочих ползаты. Солдата учили идти на приступ в куче и в рост, стрелять учили тоже в стоячего человека. А ежели работного положить на землю, да ежели он будет ползти, прычась то за бугорок, то за камень или за бревнышко, то тут уж против него не устоять солдату.

Тому учил Алексей рабочих. Учил также строю, огненному и рукопашному бою.

Не многие думали, что наука эта пригодится, и сначала совсем мало было таких, которые считали это серьезным делом. И все ж Алексей не отступался и добром ли, лихом, а заставлял так людей в точности исполнять то, что требовал.

Сам он — после отсидки у Мирона — создание крепкой команды считал делом не только серьезным, но и единственно сейчас важным.

Не радовала весна Родиона Пермякова.

До бунта работал он в заводе подмастерьем на молотовой фабрике. Труд тяжелый, грязный, каждый шпынял Родиона, как мог. Худо жилось, ничего не скажешь. Зароблял мало, а ребятишек куча, каждый есть-пить просит, одежду-обувку давай, да еще и налоги плати, приказчику в праздник поднести надо.

Потому и пошел бунтовать Родион, хотел лучшей доли добыть.

Однако, как ни худо было в демидовской кабале, а — жил. На тюре, на воде, все-таки как-то перебивался.

Но вот уже который месяц бунтует поселок, добиваясь хорошей жизни, а она с каждым днем все хуже и хуже.

Сначала надеялся Родион, что скоро приедет князь Вяземский, даст волю, увеличит плату. Но князь не ехал, завод не работал, денег не было, последние крошки хлебца были съедены. Чтоб совсем не пропасть, перебивался охотой да рыбачеством, продал последнее из одежды.

В избу хоть не показывайся, потому как уже на пороге встречают пять пар ждущих глаз: не принес ли чего съестного. Правда, на какое-то время подмогла земская изба, выделив часть из разбитого лабаза Антипа Козла. Но не надолго этого хватило.

А что дальше? Где та вольная и сытная жизнь, которая должна была прийти после бунта?

Нет ее.

Выделили Родиону клочок земли за Хорошевской горкой — паши, сей хлебец. Земля — горе, а не земля, одно слово — Каменный Пояс. Да и то не беда, вспахал бы. Да нечем.

Он горько поглядел на лопату, на усталые руки, на жену, на старшего сынишку, уже из сил выбившихся. Оглянулся на сделанное — смех. Поглядел на то, что надо еще сделать — край непочатый.

А делать надо.

Встал с пенька, на котором отдыхал, поплевал на руки и с остервенением начал ворочать лопатой. Пот заливал глаза, спина трещала, руки болели.

Нет, не радовала Родиона ни весна, ни солнышко, ни жаворонок, звеневший высоко прямо над головой. Ничто в мире его не радовало, а и дальше не видно, чтоб где-то просвет был.

— О, господи, — вздохнул он.

— А будь же она проклята, такая доля! — не выдержала жена.

Швырнула Наталья лопату, затрясла над головой кулаками:

— Где ж конец бунтам вашим проклятым, когда вы за разум возьметесь?! В кабале у Демидова хоть за хлебец горб гнули, а за какие ж грехи должна я камень долбить? Хватит с меня! Ежели тебе бунты надобны, сам и надрывайся, а я ногой сюда больше не ступлю!

— Наталья, опомнись! — крикнул Родион, но та даже не оглянулась, пошла в поселок.

— Василий, — крикнула сыну, — иди за мной!

Родион поглядел вслед женке, вытер пот. Огляделся по сторонам — не один он такой, и многие другие поселковые так же маются.

Вздыхнул и снова принялся копать. Яростно долбил неподатливую землю.

Когда уж совсем измаялся, присел передохнуть,—увидел идущего по полю Мирона Попова. Сжался, рассчитывая, что Мирон пройдет мимо, но тот свернул к нему.

— Здравствуй, Родион,—поздоровался приказчик приветливо.

— Здоровы будьте, батюшко, — несмело сказал Родион.

Мирон, кряхтя, опустился рядом.

— Что ж, робишь?

— Роблю, Мирон Петрович...

Мирон оглядел полоску Родиона.

— Да... худо у тебя дело подвигается,—почувствовал.—Этак ты и за неделю не упрaviшься.

Родион осмелел. Пожаловался:

— Тяжело... земля—камень, да и непривычны мы к тому... Два дня бьюсь, а сделал—курам на смех.

— Это ты верно,—подтвердил Мирон.—Эх, Родион, Родион! Связался ты с бунтовщиками себе на горе. Знаю я — работающий ты мужик, смиренный. Рассчитывал в мастера тебя произвести, а ты вон что выкинул...

Мирон покачал головой.

— Да ить, батюшко Мирон Петрович! — и в заводе-то худо жилось! На тюре одной сидели,—слабо запротестовал Родион.

Мирон кивнул:

— Однако ж, хоть тюрья была, а сейчас что? Поди-ка, совсем ничего?

— Совсем ничего,—вздыхнул Родион.

— Вот то-то. Я, Родион, не беспонятливый человек, знаю, что работному тяжеленько приходится. Да и кому легко? Но всему свое время. Не бунтовал бы, уже мастером был бы, глядишь, оно и легче. Сам я, думаешь, с большого пошел? Таким же, как ты, работным был,—приврал Мирон, и хотя Родион знал, что никогда тот работным не был, но как-то легче стало от слов приказчика.

— Дал ты промашку, Родион.

— Да, промахнулся, выходит,—покорно согласился Родион. Поглядел на солнце, поднялся.—Ужо простите, батюшко Мирон Петрович, робить буду.

Мирон тоже встал.

— Ну, робь, робь. А все ж слов моих не забывай, подумай, как дальше быть. Я зла не помню и таких, как ты, смиренных мужиков, отличаю. Ну, будь здоров,—сказал он, уходя.

— До свидания, батюшко,—сказал Родион, дивясь ласковости приказчика... А может, и правда, промашку дал!..

Копал и все думал об этом.

Анисим Крюков уехал в Покровку, надо было договориться с тамошним старостой, чтоб в случае нужды в бунте стоять заодно.

В земской избе остался Семен Салаутин. Дел было невпроворот — и суд чинить, и отписки посылать, и караулы глядеть... Семен только успевал поворачиваться.

Вдруг в дверях — шум, гам, крики. Повернулся, поглядел: валом валит народ. Лопатами размахивают, ругаются, прут на Семена, того и гляди за грудки возьмут.

Семен тихо сказал Сеньке Булавину:

— Беги за Алексеем.

Сенька шмыгнул в двери. Семен поднялся из-за стола, крикнул:

— Тихо!

Уперся взглядом в ближних. Те присмирнели.

— Что за дело? Пошто крик?

Вперед вышел Родион Пермиков. Рот перекошен, лицо красное от злости. Шагнул, протянул руки.

— Видишь? — показал волдыри.

— Вижу.

Родион подхватил подол рубахи, задрал, оголил впалый живот.

— А это видишь?

— Тоже вижу,—сказал Семен, пристально глядя на Родиона.

— Так где ж твоя обещанная воля и сытная жизнь?! — заорал Родион, задыхаясь.

Другие надвинулись, начали давить на стол, грозя перевернуть. Орала так, что в ушах трещало. Совали в лицо содранные в кровь руки, лезли как оглашенные.

— Пошто мы должны подыхать с голоду?

— Где воля?

— Где князь Вяземский?

— Робятишки пропадают!

Лицо Семена медленно наливалось кровью, глаза стекленели. Закинул голову, рывкнул:

— Назад! Осади!

Ближние шарахнулись в испуге. Семен выскочил из-за стола, двинулся вперед, дергая головой. Протянул руки.

— Глядите!

На руках — кровавые ошметки.

Рванул за ворот рубаху, она разлетелась надвое, обнажив гармошку ребер и притянутый к хребту живот.

— Ну? — спросил, поворачиваясь.— Много ли я жиру нагулял? Легче ли вашего лопатой ворочаю?

— Ну... что ты... что ты... — забормотал Василий Кронидов, отступая.— Да ить, мы так... Семен в упор глядел на работных.

— А я получил волю? У меня робятишек нету?

— Оно так-то... — нерешительно проговорил Родион.

— Так пошто вы с меня волю требуете? Пошто меня в обидчики занесли?

Медленно приходя в себя, остывая и жалея, что не сдержался, Семен прошел за стол, сел. Потер рукой переносье.

— Не сердчайте, робя,—попросил глухо.— Самому не радостно... Садитесь, рядить будем. Работные зашевелились, начали рассказываться...

После ухода Мирона с поля как-то так получилось, что начали понемногу работные собираться в кучу. Дальше — больше, жаловаться друг другу начали. Разбушевались, двинулись валом в земскую избу — требовать облегчения.

— Я понимаю, трудно нам,—сказал Семен, когда люди расселись.— Давно ждем ответа, измаялись, заработков нет, семьи голодные... Князь не едет, и когда придет — неведомо. А все ж лучшее дело мы начали, бросать его — в гроб лучше ложиться. Надо стоять!

Он поднял глаза от стола, оглядел людей. Остановил взгляд на Родионе.

— Ты вот с меня требуешь облегчения, Родион. Но скажи мне, есть ли у меня хлебные горы али молочные реки? Есть ли они у Анисима

или другого кого? Нет их. Все мы одинаковые и все пошли на тяжкое дело.

— Ну, все ж — у Анисима лошадь, — возразил Родион.

— А где она сейчас, знаешь? — спросил Семен.

— Где ж?

— У Марьи Горяевой. Может, пойдём — отыщем? Тебе дадим?

Родион опустил голову.

— Горя — край непочатый, — сказал Семен. — Неужто опустить руки, пойти за милостью к Мирону? А? Пойдем?

— Эх, Семен, — сказал Захар Матвеев. — Са-

ми понимаем. Мирон-то нас и сумутил. Походил по полю — вот и пошли мы на тебя...

— Что ж, — сказал Семен, — изничтожайте меня, ежели виновен перед вами... Ладно. Не будем корить друг друга. Давайте думать, как из беды выйти.

— Что тут думать, — сказал Родион и поднялся. — Обмишулились, Мирону чуть не помогли... Не имей зла, Семен Васильевич...

— Сиди, — остановил Родиона Семен. — Раз уж пришли, значит, край есть... Я вот подумал... Маемся мы бесперечь, а в заводе у Мирона стоят кони, гуляют... Что ежели мы их возьмем для общего дела? Как присоветуете?

Работные вскочили.
— Верно!
— Взять!
— Го-же!..
— Дело, Семен! Он над нами надсмехается, а мы — что ж, глядеть ему в рот? Взять, и все тут!

В это время в избу вошел Алексей.
— Кого тут усмирять? — сказал весело. — Кто бунтует?

Семен взглянул на него, мотнул головой в сторону скамейки.

— Садись. Дело есть.

Алексей присел.

— Так что — приговариваем? — спросил Семен работных.

— Быть по сему!

Семен повернулся к Алексею.

— Сколько под рукой человек?

— Семь.

— Бери всех, идем лошадой у Мирона забирать. Ежели супротивничать будет — обороните... Анисим озлится, да уж как-нибудь слажу...

Гурьбой повалили к выходу. Мимо складов, к заводской конюшне.

Обороняться не пришлось, так как возле лошадей ходили только конюхи Евтифей и Федор Саламатины. Заругались было, но видя, что bestолку, отступились:

— Выводите.

Работные разобрали лошадей.

— Ай, да красавцы!

— Теперь веселей дело пойдет! Спасибо, Семен, надоумил, — радовались работные.

Алексей не заводил разговора с Анисимом о Гликерье, боялся отказа. Но отказа не случилось.

Произошло это так.

Алексей с Гликерьей трудились на крюковской полоске. Алексей пахал, Гликерья водила коня в поводу. Выехали из дому еще до света и к обеду уже немалый клин подняли.

— Но! — покрикивал Алексей, шагая за сохой. — Но-о!..

Идти по мягкой земле было приятно. Гликерья оглядывалась, смеялась:

— Замаялся?

— Ништо! К вечеру закончим.

— Давай, я похожу, — предлагала Гликерья. Алексей мотал головой:

— Веди, веди...

Полоска одним концом упиралась в Старый Камень, другим — в лес. Стоял солнечный теплый день, от земли шел парной дух.

Алексей поглядывал на Гликерью, улыбался про себя. Здесь он отдыхал от смутных заводских дел. Можно было ни о чем не думать, не тревожиться.

К обеду они вспахали больше половины полосы, распрягли лошадь, пустили пастись. Гликерья устроилась под черемухой и развязала узелок с едой.

— Ешь, работник.

Пока лошадь отдыхала, затеяли игру. Гликерья хохотала, пряталась от Алексея среди кустарника.

— Аул..

Алексей подхватился, кинулся за ней. Гликерья отбежала за березу, выглянула, показала язычок:

— Куда тебе!..

Солдат перепрыгнул через сук, поймал девушку, поднял на руках.

— А вот на березу заброшу!

— Ну и бросай!

Алексей закружился на месте, Гликерья закричала:

— Уронишь!

Тут и вышел Анисим на поляну. Увидел, крикнул, насупился. Гликерья испуганно ойкнула.

Надо было Алексею опустить девушку на землю — забыл. Шагнул к Анисиму, держа все так же Гликерью на руках.

— Анисим Федорович... сами видите... Отдайте Гликерью!

Анисим хмуро поглядел на него. Раньше, не задумываясь, отходил бы вожжами и одного, и другого, благо они в руках. Не потому, что был против солдата, а не смей, не получив благословения, не трожь девку. Теперь что-то мешало.

Сказал Анисим:

— Кнутом бы вас обоих...

Он уже давно видел, что любят они друг друга, но молчал. Думал, как быть. Гнать солдата взашей? Махнуть на все рукой? Али как?

— Благослови, тятенька, — попросила и Гликерья. Дернула Алексея за рукав, тот, наконец, опаматовался, опустил девушку на землю.

— Что ж... — сказал Анисим в растерянности. — Мир вам да совет... Живите счастливо.

На том и кончился разговор.

В мае, на удивление всем, Крюковы сыграли свадьбу — выдали Гликерью за беглого солдата. Всем миром ставили избу молодым, и скатали ее в неделю, подняли крышу, обмазали глиной стены. Не жалели трудов: видели пользу в солдате.

В начале июня прошел слух: в завод из губернии отряжена сильная воинская команда. Откуда взялся слух, никто не знал, но он все креп. А в один из дней к земской избе прискакал на взмыленном коне дозорный:

— Едут! Возле Шайтанки уже... Двадцать солдат с ружьями!..

Поселок притих. В земской избе думали.

Говорил Семен Салаутин:

— Лихо на них, варнаков! От одной напасти не успели избавиться — другая. Анисим Федорович, что ж то? Али мы воры, тати ночные? Пошто команды шлют?

Он шагал по избе. Остановился.

— Пошто на челобитье нет отписки от князя? — спросил Анисима.

Тот промолчал.

— Что ж, готовить команду к бою? — спросил Алексей, переминавшийся у окна. — Время дорого.

— Надо готовить, — сказал Семен. Вздыхнул: — Ох, силы наши — малые... Как чаешь, Анисим: кричать надо крик, чтобы правили кузнецы пики, сабли, алебарды. Оборужим всех, кого можно...

Анисим, сидя за столом, теребил бороду.

— Не малая сила — двадцать солдат, — сказал задумчиво, поглядел на Семена с Алексеем. — Нет, не можно нам бой принимать. Мыслю так: надо подождать, поглядеть. Пускай солдаты идут в контору. Ежели будут миром держаться — добро. А уж ежели заводских обидят, воля божья, будем сражение иметь.

Алексей загорячился.

— Батя, сгубим себя! Себя ладно — общее дело загубим. Подумай! Пусть добро ворога в завод — не мочно! Семен, пошто молчишь? Скажи слово!

— Изничтожить! — твердо сказал тот.

Анисим заговорил тихо:

— Изничтожить — легко сказать... — отодвинул бумагу, прошел к окну, в которое било утреннее солнце. — То не подумали — не будет нам милости после боя. Мы не воры, законом должны требовать. Один раз побили солдат, себе же хуже — новую команду накликали. Ежели побьем эту, добра не жди: царские люди. Мирон Попов сразу донос пошлет, да и без доноса — каторга... Хотел скрыть до времени, скажу: Мишка Кондаков из Невьянска прискакал.

— Ну?! — Семен подался к Анисиму, жадно впился глазами. — Что ж?

— Едет князь Вяземский к нам. Скоро будет, решит по чести. Но говорить о том кому — боже избави, чтоб не перехватили по пути приказчики, не наябедничали допрежь...

Мишка Кондаков был посланным от рабочих с челобитьем к князю. Ждали его терпеливо, но и надежду всякую на возврат потеряли: думали — сгинул человек. А он возьми и объявись, и не из Екатеринбурга, а из Невьянска: дошел-таки до князя великого Вяземского.

Семен перекрестился:

— Весть добрая... Что ж говорит?

— Невьянские тоже бунтуют, потому и не мог князь раньше объявиться, — сказал Анисим. — Однако ж, посланного принял, к нам поспешает, хоть дело там и не закончил. Сказывает Мишка: добрый князь, ласковый... — Вернулся за стол, посмотрел на нахмурившегося Алексея, усмехнулся. — А вы — уничтожить команду... Берегись надо, а шумства особого не допускать, ждать тихо. Вот и весь мой сказ. А теперь вы говорите.

— Супротив не пойдем, ежели такое дело, — обрадованно сказал Семен, — боя никто не хочет. Раньше-то что ж не сказал, Анисим? Да и Мишки не видать.

— Мишку я в Покровку до времени спровадил. А что не сказал — так сказал вот... Твое слово, Алексей?

Солдат тряхнул головой, выпрямился.

— Вести о князе — радуюсь... — голос его стал тонок и напряжен. — Но того не возьму в толк, зачем команду он вперед шлет? Ежели б добрые у него мысли, команда не нужна. И еще: что ж, в пользу ли он невянских решил дело?

— То мне неведомо, — сказал Анисим.

— А Мишка, он был там, что сказывает?

Анисим покачал головой, нахмурился. Видно было, что и его тревожило что-то.

— Мишку в заводы не допустили, — сказал Анисим. Пожевал губами. — То понятно: зачем чужого в заводы?

— Неуж Мишка ни с кем в поселке не встречался?

Анисим нахмурился.

— То-то — не встречался. Сие и мне непонятно... Сказывает: приняли ласково, накормили, однако ж отлучаться из конторы куда не велели. В провожатые дали солдата, и тот настрого запретил из пути возвратиться в поселок, — сказал Анисим, раздумчиво потирая лоб.

— Ну, мало ли, — успокаивающе сказал Семен. — Может, лихих людей боялись...

Он радовался доброй вести и не придавал особого значения тому, как приняли посланца.

— А может, чтоб не узнал посланный, как чинят расправу над заводскими,— тихо промолвил Алексей.

Все замолчали. Некоторое время слышно было, как на улице жалобно тянет юридивый Попрыгунко:

— Подайте, Христа ра-ади...

Семен шевельнулся, встряхнул головой.

— Того быть не может,— сказал он твердо.— Рази только не по закону невьянские бунтовали. А наше дело праведное, оно себя скажет. Команду встретим миром.

Анисим кивнул:

— Быть по сему. Кличь сход.

Алексей хотел было возразить что-то, дернулся, но промолчал, только упрямо сжал губы.

Когда сход был собран, все трое вышли на крыльцо земской избы. Анисим Крюков сказал о решении и добавил:

— Что приговорено — исполнять в точности, слушников чтоб не водилось. Команду не задирать, супротивных речей не говорить, быть чинными и благонадежными. Сраженье нам не нужно, крови лить не хотим — то помнить твердо. Всем ли понятно?

— Все-ем! — всколыхнулась толпа.

— Приговаривает ли мир по тому?

— Го-оже!..

Старосты поклонились сходу.

В это время чуть в стороне Алексей Делатов, отозвав старших команды, распорядился:

— Ульян Паншин, собери команду, держи наготове у пруда за земской избой. Выставь округ дозоры, караул солдат. Появятся — упреди меня немедленно. Отправь нарочного в Покровку, кличь мужиков на подмогу. Делай спешно.

Паншин бросился бегом в проулок.

— Андрон Глушко, возьми трех работных покрепче, беги кузнецов, собери все, какое ни

есть оружие, снеси в земскую избу. Здесь оставляю шесть человек с ружьями, примешь над ними команду. Ежели солдаты зачнут лезть в избу — не пуцать.

— Будет сполнено,— сказал тот, уходя.

— Никон Сыромятников,— повернулся Алексей к пожилому, сонно поглядывавшему округ прищуренными глазами человеку,— выставь со своими людьми пушку на Хорошевой горке в кустах, чтоб держать под боем контору и земскую избу. Сделай тайно и находишься с людьми в готовности неотлучно.

Сонность в глазах Никона разом пропала.

— Заряжать ядром? — спросил он.

— Нет. Засыпь фунта два железок. Ежели солдаты пойдут на земскую избу, вдаришь в спины.

— А наши? — спросил тот.

— Упредил: за стенами будут. Ежели солдаты на нас пойдут, после упреждения и заслушанием,— бейте. Моей команды не ждать.

Никон широко перекрестился и зашагал к земской избе, где стояла отбитая у конторских пушка.

Распорядившись, Алексей поднялся на крыльцо земской избы, откуда уже уходили Крюков с Салаутным, и повернулся к сходу.

— Работные и мастеровые! — крикнул он резким пронзительным голосом, от которого многие шатнулись.— Слушайте! Ежели ударит набат, всем бегчи к земской избе с топорами, кольями и кто с чем может!

— Слышим, енерал!.. — вразнобой откликнулись люди.

Алексей махнул рукой, подошел к нахмурившемуся Анисиму.

— Пошто своевольничаешь? — спросил тот.— Не будет никакого набата, уговор был.

— Не серчай, батя,— сказал Алексей.— Позоровал маленько... Ништо!

5

а усмирение бунтовщиков был отряжен из Екатеринбургa капитан Семен Метлин с командой. Это был еще не старый дворянин из обедневших, но гонористый и неглупый служака. Ко всем невоенным относился он с презрением, чернь же и за людей не считал. Чернь должна была работать на хозяев и беспрекословно повиноваться — так установлено искони, и другого он не знал. Не в пример многим другим, он понимал, что бунты поднимаются не из-за злонравных речей зачинщиков, а из-за того, что людишки живут худо и бедно, считал бунты злом неизбежным и поэтому не удивлялся им. Однако то, что людишкам живется худо, бунтовщиков в его глазах никак не оправдывало, и он требовал им самого жесткого наказания, чтоб другим неповадно было.

Среди солдат он слыл барином строгим, но справедливым, потому как в зубы бил только за дело и не воровал солдатское жалованье. Ежели прапорщики или унтера в его команде своевольничали, он не делал им снисхождения и наказывал так же строго, как и солдат. Делал

это не потому, чтоб слишком любил солдата, а потому, что не терпел неурядка и нарушений устава. Начальство над ним посмеивалось, но считало человеком надежным и потому поручало самые неприятные дела, от которых другие увиливали. Потому и в Нижнетагильский завод его направили, что не нашлось другого охотника.

Поездкой капитан Метлин был раздражен и не скрывал своего недовольства. Дело было, однако, не в том, что путь был долгим и утомительным. Капитан Метлин не мог понять, почему бунтовщики не усмирены до сих пор, если уже посылались солдаты.

Прапорщика Дуреева, который вернулся из села Покровского с проломленной головой, он считал дураком, каких свет еще не видывал. Надо ж допустить, чтоб взбунтовавшаяся чернь не только прогнала команду, но и разоружила ее! На все оправдания прапорщика он отвечал только одним словом:

— Позор!

Он подписал рапорт о разжаловании прапорщика в рядовые и с обычной своей добросовестностью посоветовал хорошенько поучиться служ-

бе у рядовых. Нажил тем самым в Дурееве смертельного врага, даже не подозревая о том. Рапорту Метлина начальство ходу не дало. Однако Дуреев пожаловался своему дядюшке, бывшему в Сенате важным сановником, и если бы капитан Метлин вернулся из своего похода в Нижнетагильский завод, то с удивлением узнал бы, что его ждет отставка от службы за ненадобностью.

В полдень 18 июля четыре тройки, поднимая пыль, прогрохотали по Нижнетагильскому поселку и свернули к заводской конторе. Мирон Попов, увидя, выбежал на крыльцо и бросился к капитану с криком:

— Спаситель ты наш! Приехал...

Он хотел даже облобызать Метлина, но тот отстранился и, гулко топая башмаками, прошел в контору.

— Рассказывай,— коротко бросил он Мирону, садясь на табурет и брезгливо осматривая захлапанный стол.— Дохозяйничались... Как допустили такое?

— Батюшко-воин, истинно ополоумели людишки, никакого сладу нет. — Мирон всхлипнул.— Всякий стыд потеряли, разбойничают воровски...

— Перестаны! — оборвал Метлин. — Говори толком. Как допустили, чтоб разбили тюрьму?

— Да как, батюшко, не допустишь, ежели, их вон сколько! Да и ружья у них...

Метлин презрительно скривил тонкие губы.

— Что могут сделать с ружьями не обученные воинскому искусству мужланы? Дурак! От страха совсем разум потеряли.

— Батюшко-воин, — сказал Мирон, — то-то, что они обучены. К ним солдат беглый прибил, он и обучил. Истинно воровская шайка...

Метлин поглядел на него уничтожающим взглядом.

— Беглого солдата испугались! Все вы, я гляжу, дрожите, как бабы.

Мирон взглянул на него исподлобья. Обозлился. Напускного смирения как не бывало, сказал:

— Ты вот что, батюшко-воин, допрежь, чем меня корить, сам не обожгись... Все вы сюда ироями приезжаете, а ваши-то солдатики надьсь ой как добро бегали... Прям чуть штаны не теряли.

— Ну-ну! — сказал Метлин с угрозой.— Думай, о ком говоришь. О взилах ее величества...

— То-то что,— сказал Мирон.— Уж о нас, о конторских служках, каков сказ...

Метлин отвернулся, побарабанил пальцами по столу.

— Кто верхводит?

— Крюков с Салаутиным мутят народишко,— охотно сказал Мирон.— Да еще беглый солдат, Алексей Делаков по прозванью.

— С них и начнем.— Метлин поднялся, крикнул: — Прапорщик Федосьин!

— Здесь! — откликнулся звонкий голос.

— Готовь команду! А ты,— Метлин повернулся к Мирону,— укажешь, где проживают.

Мирон отшатнулся.

— Уволь, батюшко. Не мое то дело, стар. Метлин сощурился.

— Ну-ну... А не пойдешь добром, силой заставим.

— Уж я лучше отряжу Харитона Кадникова, подъячего, он доведет, — сказал Мирон.

— Нет! — отрезал капитан.

Мирон вздохнул и покорно поднялся.

— Тебе видней, батюшко-воин...

Ожидал Семен Салаутин всякого худа от прибытия команды, но не думал, что сразу бросятся солдаты за ним и Анисимом. Бодрил себя: для береженья конторы присланы, суд же судить князь Вяземский будет. Однако на душе неспокойно было. А что если прислали солдат в отместку за выбитую зимой команду?

Семен задал корму корове, бросил вилы, решил идти к Анисиму, тревогой поделиться. Только к воротам — прибежала Федосья: платок сбился, лицо белое.

— Солдаты! — крикнула Федосья не своим голосом.

Заметался Семен. Кинулся в сени, вернулся — к калитке побежал. Навстречу — солдаты:

— Стой!

Не долго думая, схватил кол березовый.

— Не подходи! Порешу!..

Завертел колом над головой, кацавейка распахнулась, глаза горят — страшен мужик. Попятились солдаты, однако ж и обозлились, а тут и Метлин:

— Взять!

Одного-таки прижег Семен по заливку, но тем и кончилось. Навалились служивые, руки завернули, наподавали взащей и потащили Семена со двора. Горько пожалел Семен, что послушался Анисима, а не беглого солдата. «Эх, сгубили дело!..» И горше всего то, что по глупости, по доверчивости вечной мужицкой.

— Другой где живет? — спросил Метлин Мирона.

— За углом, чуток подальше, батюшко-воин.

— Веди.

Солдаты брякнули ружьями, повернулись. Понял Семен: и Крюков пропал. Дернулся отчаянно, крикнул на весь поселок:

— Аниси-им! Беги!..

Ближний солдат развернулся, ударил в лицо так, что в глазах поплыли красные круги. Однако Семен еще поднатужился:

— Беги-и, Аниси-им!..

Не хотел Семен, чтобы и Крюкову та же доля! Не знал, что Федосья пробежала уже

огородами, всполошила Анисима, и тот между изб, проулками бросился к каланче, рванул в гневе веревку.

— Бумм!.. — поплыл звон над поселком. — Бумм!.. Бумм!..

Откуда ни возьмись — Алексей. Анисим спросил, бросая веревку:

— Команда готова?

— Здесь.

— Солдаты Семена взяли. Ну, так-то... Добром, миром встретили, — сказал Анисим горько. — Кончился мир. — Выкатил зеленые глаза: — Бить! Чтоб духу в поселке не осталось! Контору взять приступом. Ревизские сказки — сжечь! Ежели с головы Семена хоть волос упадет, всех истребить под корень!

— Добре, батя, добре...

Отдышался немного Анисим, искося взглянул на Алексея, сказал спокойно:

— Людей береги... енерал...

— Добре, батя...

— Сам пойду тож...

— Добре.

К земской избе со всех концов поселка валом валил народ.

Не найдя Анисима Крюкова, Метлин решил было идти с командой к земской избе, но ударил набат. По всему поселку услышались крики, забегали людишки торопливо. Метлин, повернувшись к Мирону, спросил:

— Что сие значит?

— Народ сзывают,— сказал приказчик с беспокойством.— Уходить надо.

— Дураки! — крикнул Метлин. — То на руку: всех сразу главарей на караул возьмем.

Мирон озлился, не стерпел.

— Ужо хватит меня дураком крестить, сама ума мало, служивый!.. Думай, что делаешь! Я всякого нагледелся, учен. За стенами еще, в конторе, бог даст,— отсидимся, а здесь мы безоборонные... Поворачивай-ка команду, служивый.

Метлин затишил шаг. Не хотелось признавать правоту мужлана, пуще того — показать, что страшится черни. Но совет был разумен. Еще раз поглядел Метлин округ. Крикнул:

— Федосьин! В контору идти!

Не успели втолкнуть в дверь Семена Салаутина, как на Гаряевой улице в виду конторы замельтешили работные. Метлин, увидя, распорядился выкатить пушки со двора, приготовить ружья, занять оборону. Однако чем больше он приглядывался, тем более приходил в смущение.

Работные шли вовсе не беспорядочной толпой. Они брали контору обхватом, растекаясь округ площади в отдалении. Метлин все более понимал, что пушки ему в таком деле не помогут. Ежели работные и после ружейного боя не побегут,— а Метлин, глядя на то, как они скоро и умело занимали пригодные места, уже сомневался, чтоб побежали,— то худо придется команде.

— Много у них ружей? — спросил он Мирона.

— С тридцать будет,— угрюмо сказал тот.— Не надо было до поры вора брать...

— Молчать! — оборвал Метлин.

А работные уже окружали площадь.

— К бою! — распорядился Метлин.

Солдаты встали в ряд перед конторой, подняв ружья. Часть кинулась к пушкам. Приказчики изготовились в конторе, положи ружья на окна.

Средь работных послышались команды, и они остановились, не доходя шагов двести до конторы. От них отделился приземистый бородатый мужик в армяке и без шапки. Зычно крикнул:

— Мирон Попов, слуш-шай! Ежели схваченный от нас староста Семен Салаутин тотчас не будет вольно отпущен, контора станет разбита!..

— Кто таков? — резко спросил Мирона Метлин.

— Вор Крюков, наиглавнейший зачинщик,— сказал тот.

А Крюков продолжал:

— Каков же ответ твой, Мирон Попов? Мы слуш-шаем!..

Мирон скрежетнул зубами.

— Разбойное семя...

— Вот будет ответ,— сказал Метлин, выходя. Вскинул руку с пистолетом. Грянул выстрел. Крюков отступил, крикнул:

— Так-то, Мирон? Ну, бойся!..

Повернулся к работным.

— В на-а-ступ!

С Хорошевской горки бухнула пушка, над головами работных с злым визгом пролетели железки, сыпанули по стенам, окнам конторы. Заголосил солдат. Работные со всех сторон кинулись к конторе.

— Право отрезай! — взвился тонкий звенящий голос Алексея Делакова.— По пушкарям бей перво!..

Семен Салаутин лежал в помещении приказного повитья в левом крыле конторы. Руки и ноги его были крепко связаны веревкой, затекли. Попробовал ослабить.

— Лежи! — крикнул солдат, стоявший на карауле.

Семен притих. «Пропал», — подумал он. И такая злость нашла, — чуть не закричал. По глупости сгинул, ни за что!

Снаружи раздались крики, гвалт. Солдат насторожился, подошел к двери, выглянул.

— Эй, Петров! Брось его, сюда! — крикнул кто-то.

Солдат, не закрыв дверь, выбежал.

Семен заметался, покотился по полу. Глядел: нет ли чего острого, чтоб перерезать путы, выйти из неволи. Но ничего не было.

Вдруг ухнула пушка, и на пол посыпались куски стекла. Семен покотился, лег на спину, зажал осколок рукой, задрожал. Еще не зная, что на улице, подумал: «Вывьусь!..» В кровь обрезаю руки, пилил веревку. «Успеть!» — думал. Успеть, пока солдат не вернулся.

Через некоторое время почувал: ослабли путы. Собрал все силы, рванулся, и вдруг стало жарко в кистях, заломило от легкости: порвал! Сев, потянулся к ногам, и те путы снял.

Избавившись, Семен встал, распрямился.

Бухнуло за окном враз несколько пушек, им ответил отдаленный хлопок на Хорошевской горке. Снова сыпанули стекла, осколок ударил в щеку.

— Га-а-а-а! — завизжали, закричали, заулюлюкали сотни голосов, приближаясь.

Семен выглянул в окно и сразу все понял. Кинулся к двери.

В коридоре никого не было, только у порога лежал и стонал солдат. Возле — ружье. Семен завладел им, проверил — заряжено.

Пробежал по коридору. Возле лестницы остановился, прижался к перилам и заглянул в заводское повитье. Солдаты и приказчики, прячась у окон, часто стреляли на улицу.

— Братцы! — вдруг закричал один из солдат.— Что ж то: лежат! В них не попасть!

— Ага! — злорадно пробормотал Семен.

Солдаты впервые видели, чтобы враг шел на приступ ползком, и засуетились, не зная, что делать.

Семен перебросился через перила, чтоб ловчее вдарить оттуда пулей хоть по одному

злодею, как вдруг в смотровое окно различил возле пушек капитана Метлина.

Семен опустился на колено, прочно вдавил приклад в плечо и повел стволом, целя Метлину в голову...

Алексей Делаков метался меж командами, направляя рабочих на приступ. Пушка хорошо сослужила, ударив железом и наведя смятение среди солдат. Но многие быстро поднялись, снова кинулись к пушкам, и те враз выстрелили ядрами. Ядра вспахали землю и забросали ею рабочих. Одного покалечило. Он кричал дурным голосом, пугая людей.

— Унесите его подальше! — крикнул Алексей. Заметил бегущего на приступ старого Киндя Глушко.

— Куда, дед?! Смерти ищешь?! Вертай сей же час назад!

— Нет уж, слышь-ко,— сопя и размахивая палкой, сердито откликнулся тот.— Потребно мне достать до Мирона Попова, я ему враз голову костылем изувечу! Ишь, чего удумал— людей ъет, слышь-ко?..

Алексей махнул рукой, бросился прочь: не до того было.

— Ульян! — закричал Паншину, бежавшему в голове ружейной команды.— Стой, нехристы! — Ульян оглянулся, Алексей погрозил кулаком.— Клади людей!

— Ложи-ись! — дико заорал тот.

Рабочие кинулись на землю. Алексей подбежал, упал рядом с Ульяном.

— Бей в прогалину по солдатам, чтоб сунуться не могли! — показывая, крикнул Алексей.— Слышь, ирод? Роздыху им не давай, роздыху! К конторе без вас есть кому бегчи!..

Солдаты вели частый ружейный огонь, и то один, то другой из рабочих вдруг спотыкался и больше не вставал.

— Пали один за другим! — гаркнул Ульян.— Бей!

Затрещали выстрелы и со стороны рабочих. Сразу стало легче: солдаты начали прятаться. Минуту спустя они вдруг и вовсе прекратили стрельбу, заметались меж пушек, кинулись во двор конторы.

— В наступ! — крикнул Алексей.— Бего-ом!..

Кучно, зло кинулись рабочие к конторе, враз минули площадь, начали громить окна, двери камнями, ломами, топорами. Заминка среди солдат случилась, когда Семен Салаутин насмерть уложил капитана Метлина, и рабочие успели этим воспользоваться.

Ворвались в левое крыло конторы. Сразу затрещали переборки, в пылающие каминные полетели связки бумаг со столов, толстые фоланты из шкафов.

С треском горели ревизские сказки, книги недоимок, рапорты, ордера.

Гром и гул стояли в конторе. Алексей вбежал в коридор, заметил убегающего конторского, вскинул руку с пистолетом. Конторский с разбегу ткнулся головой в стену, осел.

— Олешка! — загремел откуда-то сверху знакомый голос.

Алексей поднял голову, увидел Семена Салаутина.

— Семен! Жив?

— Живой!

Из правого крыла конторы зачастили выстре-

лы, гулко раскатился залп. Алексей нырнул под лестницу. Сверху скатился Семен, присел рядом. Потом стрельба разгорелась, рабочие попятлись, и Семен с Алексеем отбежали: солдаты и приказчики палили без перерыва.

Не удержались заводские в конторе, выбили их солдаты с приказчиками. Однако ж не радовала Мирона Попова виктория: убит был капитан Метлин, солдаты многие, шестеро приказчиков. Утащили рабочие к мерзкой своей земской избе все пушки, забрали много ружей. Почти все бумаги из приказного повятья были пожжены и уничтожены.

Бродя по разбитой конторе, Мирон держался за сердце и поминутно останавливался передохнуть.

— Воры, воры... — бормотал он.

Но уже делал это по привычке, не злило больше Мирона и не волновало все, что случилось в поселке и заводе. Резко сдал за это время Мирон: сгорбился, походка стала шаркающей, в груди колотье появилось. Потухли глаза, не наводили больше трепета ни на кого. Все ему стало безразличным, опротивело, хотелось на покой.

— Стар становлюсь,— подумал равнодушно, и не испугался этой мысли.

Стоя среди разгрома, долго думал, что такое собирался сегодня с утра сделать, да так и не сделал.

— А, да... — вспомнил Мирон.

Пошел к себе, сел за стол, обмакнул перо в чернила. Рука дрожала, буквы получались неровными, но мысли отливались в привычную канцелярскую форму, ложились на бумагу:

«...когда же оной Салаутин взят был в контору, то нижнотагильские жители и прилучившиеся села Покровского крестьяне, собравшись многолюдством, пришли к конторе и требовали объявленного Салаутина об отпуске и приступали с криком и угрозами... И видя тот нижнотагильские прикащики необычной их наглой наступ, принуждены нашлись с ними обращаться оборонно, выката несколько пушек, и с ружьями стали тех людей не допускать...»

На кончике пера застрял волосок. Мирон с привычной аккуратностью поднес перо к лежащей справа бумажке, поскреб. Снова склонился над рапортом хозяину Никите Акинфиевичу Демидову:

«...Но оные жители, устремясь с камнями, пушки и ружья отняли и увезли во учрежденную ими самовольно земскую избу, а из служителей многих избили смертно. А прикащики едва укрытыя могли, запершись в конторе...»

Мирон вздохнул, отложил перо. Капиталы нажил, а что с них, с капиталов? Оставить некому, в пользу не пойдут: дочери разменяют на сладости да разносолы, зятья растранижат...

— Мирон Петрович,— позвал приказчика бесшумно открывший дверь Осип Перезолов.— А, Мирон Петрович...

Мирон не слышал, глядел прямо в стену перед собой.

— Мирон Петрович! — позвал тот громче.

Мирон поднял голову.

— А?

— Князь Вяземский приехал...

Мирон поглядел на Осипа с досадой. Сказал невпопад:

— Ну... зови.

Осип вышел. А Мирон забыл и об Осипе, и о князе, думал свою невеселую думу, уставясь взглядом в побитую пулями стену...

В избе Анисима Крюкова голосили женки. Сидя за столом, спорили Анисим, Семен Салаутин и Алексей Делаков. Спорили уже не малое время, но так и не могли ни до чего договориться. Анисим оглянулся на женщин, цыкнул:

— Тихо!

Мавра с Гликерьей смолкли. Анисим насутился, повернулся к Семену.

— Оставаться вам здесь невозможно! — сказал Анисим сурово. — Князь не помилует, то знаем. Бегите на Дон! Найдете волю. Ехать немедля, сей же час.

— Анисим, пошто рассуждаешь, как дите малое? — упрекнул Салаутин. — До се были вместе, так и впредь.

— Эх, батя! — сказал Алексей. — Вяжешь ты мне руки. Дозволь князя попотчевать, лихо ли! Еще сколько ни то продержимся, а там видно будет...

— Нет! — отрезал Анисим. — Не дозволю. Народишку и без того побили немало, больше крови не будет. Худо за дело взялись, не одним надо было... Ну, найдутся умнее нас, то утешно...

— Батя, пошто своей волей идешь в руки мучителям? — сказал Алексей.

Анисим зыркнул глазами.

— Мне надо! Я начинал, я и ответ держать должен. Ежели князь злобствовать учнет, искать виноватых — кто должен за всех быть? Вас никто не укорит, вам — жить! Я свое отжил.

— Ну, так, — сказал Салаутин. — Что ж, Анисим... остаюсь и я. Да и то в резон взять: с семьями нам уходить несподручно. — Повернулся к Алексею: — Забирай Гликерью, уходи. Приговариваем, Анисим?

Анисим махнул рукой:

— Добро. Быть по сему.

Алексей поглядел на обоих, поднялся.

— Семен, батя, неуж не дозволите сходить на князя? — спросил с тоской. — Мир вас послушает... Дозвольте! Выбьем князя!

— Нам от него добра не будет. — Анисим с укором взглянул на Алексея. — Но работным — может быть. Посему, — нет!

— Нет! — сказал и Салаутин.

Алексей махнул рукой.

— Эх!.. Ладно, еду.

Выбежал из избы.

В полдень, когда с шайтанского тракта в поселок въезжал князь Вяземский, с другого конца бешено вынеслась тройка Мирона Попова. В ней сидели Алексей Делаков с Гликерьей. Алексей свистнул лихо, крикнул на прощанье:

— Возвернись! Ждите! Эге-ей!..

Тщетно ждали работные от князя Вяземского воли. Приехал тот с сотней драгун, взбешенный, снисхождения никому не делал. Анисим Федоров сын Крюков и Семен Васильев сын Салаутин как главные бунтовщики были биты кнутом и приговорены к каторжным работам в Колывано-Воскресенских рудниках навечно. Ульян Паншин, Андрон Глушко, Никон Сыромятников и десять других работных биты нещадно в продолжение трех ден плетьюми и батогами, после чего определены в работы рудоразборщиками с содержанием на цепи.

Ни одного работного не миновала милость князя: тот штрафован, этот понижен в должности, другой отправлен в шахты, и все — биты. До августа 1763 года чинил расправу князь Вяземский. Думал, и внукам закажут бунтовать кабальные. Но еще при князе пошел слух, что возвращается в завод с сильной ватажкой солдат Алексей Делаков. Провожая угрюмыми взглядами пышную свиту князя, работные говорили:

— Погоди уж! Придет снова наш час...

К О Н Е Ц

КОСИЧКИ

Фото И. Тюфякова

АЗЪ ВУКИ ВЪДИ

ЧТО ТАКОЕ БЕЗЗАКЛИЧНЫЕ РЕБЯТА?

В устных народных говорах Урала часто встречаются удивительные слова — настоящие самоцветы. Вот например: **апрелька** — животное, родившееся в апреле. В этом слове чувствуется нежность, ласка к несворожденному ягненку или теленку, ко всему живому. Или — **богатка** — трехшерстная кошка (рыже-черно-белая), по поверью, приносящая богатство, достаток в дом. Здесь уже отражена другая черта наших предков — вера в приметы. Ласковое, чуть ироническое отношение человека к животному чувствуется в названиях свиньи — **дочка**, **дюжка** (от слова дюжий). Оказывается, что печная выюшка — это **блинок**, банная мочалка — **берунья**, кувшин — **горлач**, детская игрушка юла — **вуркалка** (потому что она издает гудящий звук, вроде вур-р-р...), яичница — **верещага** (потому что она «верещит» на сковородке), колокольчики, надетые на шею лошади, — **воркуны** (видимо, их нежный приглушенный звон напоминал воркование голубей). В этих словах мы видим образное отношение человека к разным предметам.

А вот как охарактеризовали люди другие предметы: молоток — **гвоздобона**, что-то увесистое, грубое, сильное; шипцы для выдергивания гвоздей называют **выдирка** или **губ** (последнее слово довольно странное — мужской род от слова губа), а водку — **бесогон**.

Очень емки и точны названия явлений природы. Маленькие облака летом, перед грозой, **бычки**: «Вон бычки-то заходили, какие черные, гроза будет». Мелкий морсящий дождь — **бусенец**, по сходству с бусом, мучной пылью. Снежная буря — **завива**. В этом слове как бы слышится пронзительный свист ветра. А в названии **вилажник** — лес, в котором много развилстых деревьев, — почти явственно видится картина глухого, дикого бора. Тропинка — **долобок** содержит в себе наглядный зрительный образ чего-то проторенного, протоптанного, «продолбленного» с большими усилиями.

На Урале можно также услышать: «Небо **завухмарило**» — затянуло тучами; тяжелое, давящее слово. Зато как торжественно звучит — **воспаренье!** Представьте себе жаркий солнечный день конца весны — начала лета, когда на горизонте появляется синяя дымка, предвестница будущих дождей. Нагретый воздух поднимается

высоко в небо, чтобы потом стугиться в черную тучу, **морок**, который обрушивается на землю дождем с **воссияньем** молний и громом! Слово **воспаренье** любил замечательный писатель К. Паустовский, тонкий ценитель народного слова.

Крупный шершень называется в народе **бучень** или **бунка**. О нем говорят: «Укусит бучень — от 12 раз, и готов человек», хотя, вероятно, после первого же укуса пострадавший бежит сломя голову, отмахиваясь от бучня, что есть мочи.

Итак, совершенно ясно, что устной народной речи свойственно обостренное чувство образности, наглядности, интерес к конкретным, выразительным деталям. При этом люди стараются уложить все оттенки значений в одно слово, «упаковать» его в оболочку звуков самым выгодным, рациональным путем. Отсюда — «страсть» диалекта к звукоподражанию и звуковой символике.

Примеры чисто подражательных слов немногочисленны: **скыркаться** — царапаться, **хрумать** — хрустеть, **шоркать** — тереть, **клькаться** — икать и некоторые другие. Но зато очень разнообразны звуко-символические слова, в которых нет прямого подражания, но сами сочетания звуков как бы рисуют образ. Таковы слова: **бужгать** — жадно, с шумом хлестать что-либо; **гмыриться** — хмуриться, насупливаться; **брылы** — большие, отвисшие губы; **пуркаться** — возиться в чем-либо рыхлом, сыпучем; **опехтой** — разния, дурак; **загыгать** — громко и неуместно хохотать; **вычечениваться** — слишком модно одеваться; **вытурить** — выгнать вон, с «треском»; **пакля** — рука («Что пакли-то прямо в чашку суешь?»); **запатать** — запачкать; **закоковеть** — заоченеть от мороза, застынуть; **бухмень** — неповоротливый, медлительный человек.

И действительно, глагол **аркаться** — ругаться, ссориться, начинающийся со слога **ар**, содержит звуковой образ рычания. **Ивкать** — громко, визгливо петь, хохотать — напоминает о конском ржании («У, запели, заифкали!»), **испурхать** — изрыть («Курицы весь лук испурхали») говорит нам о звуке рыхлой, сыплющейся земли. **Выхалкать** — выпить с жадностью, «вылакать». Сочетание звуков **халк** — передает впечатление от громкого глотка.

В звуко-символических словах часто не бывает ясна внутренняя форма — тот мотивирующий признак, который позволяет узнать, от какого слова происходит данное. Но большинство диалектизмов сохраняют эту свою внутреннюю форму, увеличивающую выразительность слов, характеристику предметов, лиц или действий.

Так, о высоком худом человеке говорят: **вешало** (шест для просушивания белья) или **драношепина** (торчащая щепка сухого или разбитого молнией дерева); о болтливой женщине говорят, что она **гармоника** (сравнение с гармонью); о легкомысленной — **винтохвостка** (винт и хвост); о зазнайке — **вздыморылка** (вздымать рыло); о

паре веников или ведер воды — **дружок**; о новоселье — **влязины** (когда новоселы влезает, входят в дом); о деревянной долбленой посуде — **дулянка** (похожа на дупло в дереве); о чрезмерно набожном человеке — **дыромол** (молится дыре, пустому месту); о слишком старом — заветной (переживший свой век, свои лета) или **изжил**.

Мы видим, что в основе всех такого рода названий лежит сравнение. Так, в глаголе **высакать** — выловить куски мяса из похлебки, или куском хлеба вымакать сметану, или мед с блюда — есть сравнение со словом **сак** — рыболовная снасть в виде мешка, в которую попадает рыба. В слове **залобанить** — убить зверя — чувствуется связь со словом **лоб** (буквально — попасть в лоб). Слово **загибуля** — речная заводь, связано с глаголом **загибать**.

Но далеко не во всех диалектных словах внутренняя форма одинаково ясна. Часто признак, обосновывающий сравнение, забывается, и слова употребляются просто по привычке, по традиции, передающей их от поколения к поколению.

Например, что такое **дубас**? Вид деревенской одежды из грубого холста, чаще всего юбка. Мамин-Сибиряк в романе «Три конца» писал: «Сноха Агафья тоже смущалась за свой деревенский дубас и за простую холщовую рубашку». **Дубас** происходит от **дуб**, которое в диалекте обозначает не только известное дерево, но и его кору, употреблявшуюся для дубления кож и окраски материй. Это название было перенесено затем на ольховую и ивовую кору: стали говорить — **ольховый дуб**, **ивовый дуб**. Материя, окрашенная настоем коры, и одежда, которую шили из нее, стала называться **дубас**. Впоследствии этим словом стали называть любую одежду из грубого холста. Уже никому, кроме историков языка, непонятно происхождение таких диалектных слов, как **завора** — жердь для запиранья ворот, **зарод** — стог сена, **грезить** в смысле совершать плохие поступки, **беззакличный** — непослушный. А оказывается, **завора** восходит к исчезнувшему глаголу **заверати** — запирать; **зарод**, как это ни странно, к тому же корню, что и **город** (!); **грезить** в древности означало мешать, смешивать, затем — мутить, смущать, потом разделилось по двум линиям: 1) мечтать, пребывать в сновидениях наяву, мешать явь со сном; 2) делать недозволенное, шалить, проказить, наносить ущерб. По первой линии это слово развилось в литературном языке, по второй — в диалектах. **Беззакличный** восходит к древнерусскому **заликати** — запрещать, **залик** — запрет. Можно слышать: «У ней все ребята беззаклишных».

Некоторые слова, особенно заимствованные из других языков, в говорах переделываются. Так, **бальзаминка** — комнатное растение стало **блюземинкой**, **близеминкой**; **турнепс** превратился в **дурнепс**, **дурнепку**; **бульдозер** в **бульзодер**.

Наверно, вследствие таких переделок в говорах немало непонятных слов, неизвестно откуда взявшихся: **дибол** — высокий, здоровый человек; **барзагул** — тот, кто много суется, но мало работает; **бардадым** — лентяй, недотепа; **егошило** — непоседа; **батурщик** — упрямец.

Может быть, кому-то известно их происхождение?

УЗЕЛКОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

С первобытных времен человеку постоянно приходилось что-нибудь связывать, привязывать, прикреплять. Надо примотать ремнями камень к рукоятке, чтобы сделать топор, прикрепить свитую из жил тетиву к древку лука, надо сплести из волос петли для силков, соорудить из растительных волокон рыболовную сеть или скрепить лыком бревно плота — ловкие пальцы делали все старательно, ведь от прочности зависел успех, а то и сама жизнь.

Древние народы заложили, так сказать, основы этой техники. Но особое развитие «узловая наука» получила в эпоху расцвета парусного мореплавания. Совершенствовалась оснастка судов, усложнялась и разнообразилась техника применения узлов. Искусные мастера-такелажники, изготовлявшие веревочные снасти, пользовались большим уважением, а само это дело почиталось как художественное мастерство.

В увлекательных повествованиях о плаваниях под парусами мы встречаем романтические наименования узлов: рифный, шкотовый, брашковый, марсовый... Что это за узлы? В чем их разница? Как и где они применяются? Об этом стоит рассказать — такие знания могут пригодиться нам и сегодня.

* * *

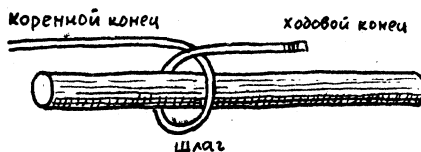
Обычно узлом называют утолщение на веревке, завязанной вокруг самой себя, или соединение двух концов. В более широком смысле «вязание узлов» объединяет самые разнообразные приемы применения веревки для все-

возможных «креплений» и «петель». Отметим, кстати, что моряки не признают никаких веревок. То, что в сухопутном обиходе называют веревками, моряки именуют линиями, тросами, перлинями, кабельтовыми — в зависимости от их толщины.

Существуют различные приемы вязания специальных узлов. При «заочном обучении» рисунки помогут усвоить эти приемы. Условимся: конец, участвующий в вязании, называть ходовым (на рисунках он отмечен черной мет-

ется). Ваши руки должны быстро действовать «сами собой», даже в темноте или с закрытыми глазами. В любом положении руки должны действовать автоматически, быстро и безошибочно. Тренировка не только поможет хорошо освоить полезные узлы, но и сделает пальцы проворными и ловкими.

Теперь отметим качества хорошего узла: он легкий в исполнении, надежен, прочно держит и никогда не развязывается сам собой, но его легко распустить, когда это понадобится.

кой), а не участвующий — коренным (он может быть очень длинным и на рисунках изображается условно укороченным).оборот конца, «захлестывающий» дерево или веревку, будем называть шлягом (рис. 1). Для большей наглядности концы веревок на некоторых рисунках изображены разным цветом.

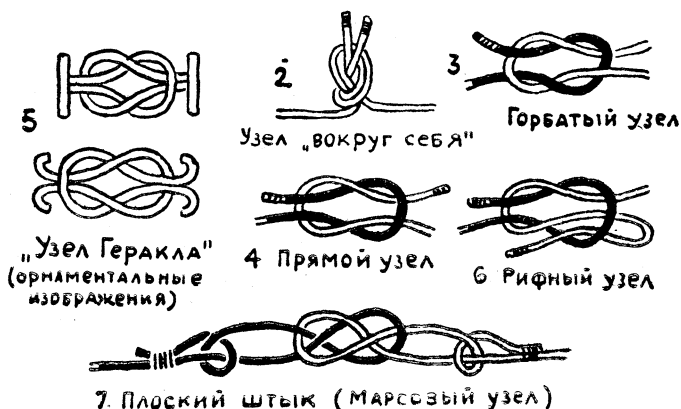
Приступая к обучению, запаситесь веревкой длиной в 3—4 метра и толщиной в 5—6 миллиметров. Не спешите изучать все узлы сразу. Освойте за один «урок» два-три узла, но так, чтобы запомнить их навсегда и чтобы вязать их не думая, «как это дела-

Узлы для связывания двух концов

Связать две веревки — дело простое, но сделать это можно по-разному. Иной просто запутает концы, сам не зная, как, и они либо распустятся в самое неподходящее время, либо схватят намертво так, что придется резать веревку. Поучительно помнить мудрые слова Аристотеля: «Нельзя развязать узел, не зная, как он завязан». Именно поэтому каждый узел исполняется

ст-ого определенным способом.

Итак, надо связать два конца. Можно сложить их вместе и обернуть вокруг себя (рис. 2), получится узел прочный, но трудно развязываемый. Им можно скрепить только свободные концы, но нельзя, например, плотно завязать сверток. Обычно в таких случаях применяют горбатый узел (рис. 3). Это скверный узел, хотя он и прочен, но образует большое утолщение, «лежит горбом» и, если он затянется, его трудно распутать. Моряки презрительно называют его «ббьим узлом» или «старушечьим».

Другое дело прямой узел (рис. 4). По способу исполнения он мало отличается от горбатого. Такие же две входные дуги в друга дуги, разница лишь в том, что у горбатого узла концы каждой веревки находятся один сверху, другой снизу дуги, а у прямого они лежат рядом — два сверху и два противоположных снизу.

Узлы похожи как два родных брата, но характер у них разный. Незначительное различие в способе исполнения определяет качество. Прямой узел лежит аккуратно, ткачи называют его плоским узлом и применяют при скреплении нитей. Его удобно развязывать, он не затягивается так, как горбатый узел, но держит очень прочно. Эти качества получили признание еще в древнем мире: на античных вазах и на украшениях из скифских курганов Причерноморья встречаются изображения этого узла, кото-

рый археологи назвали в честь мифологического героя узлом Геракла (рис. 5).

Рифный узел (рис. 6) — видоизменение прямого узла. Он исполняется так же, с тем лишь различием, что один из ходовых концов закладывается петлей. Стоит только потянуть этот конец, петля выдергивается, и узла нет. Рифный узел получил свое название от моряков. При сильном ветре, когда нужно уменьшить поверхность парусов, «берут рифы», то есть укладывают полотнища парусов складками и связывают концы вшитых в парусину завязок таким рифным узлом.

составляют как бы продолжение один другого, без искривления в месте соединения, что очень ценят рыболовы. Рыбацкий узел пригодится нам для сращивания лески, подойдет и для скрепления лопнувшей струны. Новые материалы рождают новые приемы — на рис. 9 изображен «модернизированный вариант» рыбацкого узла для перлоновой лески.

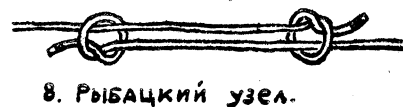
Кстати, скажем о способе соединения сыромятных ремней, хотя это и не относится к нашей теме, так как концы ремней скрепляются не узлами. Делается это следующим образом: почти у самых концов соединяемых ремней по середине делают небольшие продольные надрезы, через которые пропускаются другие концы ремней, как нитки в ушко иголки. Затем они стягиваются (рис. 10).

Если понадобится связать тонкую веревку с толстой, прямой узел не всегда будет надежным. При затягивании тонкий конец может выскользнуть, и узел тут же развяжется. Для скрепления концов разной толщины применяется шкотовый узел (рис. 11). Шкотом моряки называют снасть, натягивающую угол паруса (рис. 12). На рисунке видно, что главная особенность узла заключается в том, что тонкий конец перекрещивается при выходе из дуги, образованной толстым концом. Этим увеличивается

Прямой и рифный узлы вам очень пригодятся. Скрепляя надолго, применяйте прямой узел, для временного крепления — рифный. Обратите внимание, что часто применяемый в обиходе «бантик» вяжется подобно рифному узлу, только имеет для развязывания не один, а два, пропущенных петлями, ходовых конца.

Для толстых канатов применяется плоский штык (рис. 7). В старые времена его называли марсовым узлом. Красивое сплетение оказывает большое сопротивление при затягивании. Если же свободные ходовые концы обвязать вокруг коренных и примотать к ним схватками, то узел совершенно не будет затягиваться даже при сильном натяжении. Но если освободить концы от схваток, то его очень легко распустить.

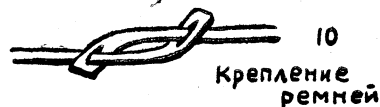
Рыбацкий узел (рис. 8), кроме большой прочности, обладает еще одним хорошим качеством — связанный концы

8. Рыбацкий узел.

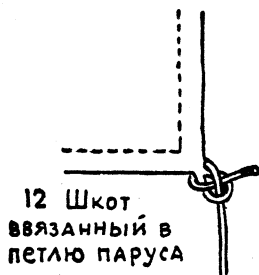
9. Связывание перлоновой лески

10 Крепление ремней

трение, препятствующее скольжению тонкой веревки.

Надежность узла повысится, если тонкий конец обернуть вокруг толстого дважды — получится брашкотовый

12 Шкот
вязанный в
петлю паруса

11. Шкотовый узел.

13 Брамшкотовый узел

14 Брамшкотовый узел
с несколькими шлагами.

Брамшкотовый узел
в затянутом виде

узел (рис. 13). Он абсолютно надежен и очень легко развязывается — стоит лишь вытянуть пропущенный в петлю тонкий конец. Соединяя веревки, значительно различающиеся по толщине, оберните тонкий конец несколько раз (рис. 14), узел получится очень прочным и аккуратным (рис. 15) и к тому же его легко распустить.

Зацепки и гачные узлы

Для прикрепления веревки к бревну, столбу, балке, шесту словом, к любому «дереву» применяются специальные крепления, зацепки, штыки.

Самым простым креплением будет затяжной узел, или удавка — веревка обводится вокруг дерева и затем вокруг самой себя (рис. 16 и 17). Трение удерживает веревку от скольжения.

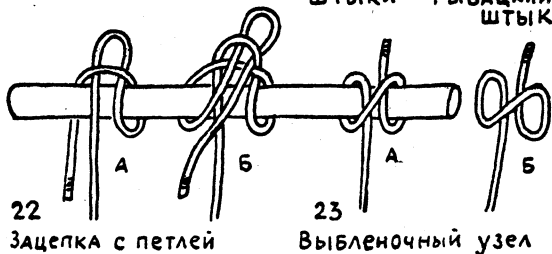
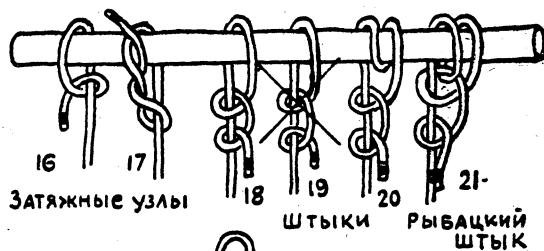
Удавкой можно затянуть вязанку хвороста, но на гладком дереве, при подъеме тяжести, при длительном или непостоянном натяжении надо применять более надежные крепления — штыки (рис. 18—21). Они очень просты — рисунки показывают способы их вязания. Только обратите внимание на то, как правильно обернуть ходовой конец вокруг коренного (на рис. 19 показан неправильный способ). Двойной оборот веревки вокруг дерева (рис. 20), увеличивая трение, препятствует затягиванию.

Наиболее сложный рыбацкий штык (рис. 21) почти не затягивается и поэтому очень удобен при развязывании.

Легко выполняется зацепка с петлей (рис. 22). Показаны два последовательных приема: веревка закладывается вокруг, так что образуется петля (рис. 22-а), в которую вдевается сложенный ходовой конец (рис. 22-б). Теперь остается только подравнять и аккуратно затянуть зацепку. Распустить ее просто — надо потянуть за ходовой конец.

Универсальным креплением к любому дереву является выбленочный узел (рис. 23-а). Это название «морского происхождения» — в парусном флоте выбленками называются тонкие тросы; крепленные этим способом к ван-

там, они образуют ступени веревочной лестницы для подъема на мачту. На рисунке 23-б видно, что такой «узел» можно сделать, просто надев веревку на конец дерева двумя петлями, с концами, обращенными в разные стороны. Если снять это крепление, то никакого узла не будет и развязать его очень легко, стоит лишь ослабить натяжение веревки. В затянутом состоянии выбленочный узел держит очень прочно. Его можно применить при устройстве веревочной изгороди, а обвязанный вокруг талии, он с успехом заменит пояс. Попробуйте, и вы убедитесь, что его очень легко затянуть или ослабить.

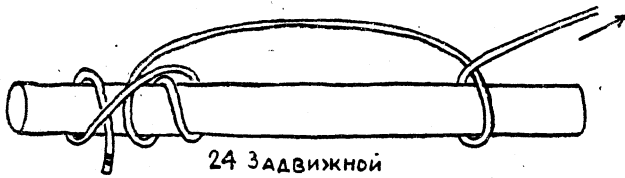

Крепление задвижной штык (рис. 24) представляет собой выбленочный узел, усиленный еще одним оборотом веревки.

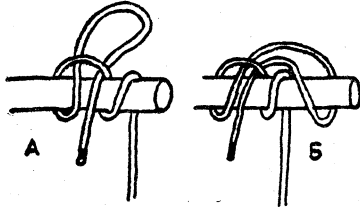
Все описанные выше крепления рассчитаны на натяжение веревки под прямым углом к дереву. Они могут скользить, если тянуть веревку вдоль дерева, особенно на гладкой поверхности. Такое скольжение легко предупредить, обернув веревку шлагом вокруг дерева, на некотором расстоянии от крепления (рис. 24, стрелка показывает направление натяжения).

Накидная зацепка (рис. 25) предназначена для крепления на конце дерева. На рисунке показаны последовательные приемы вязания.

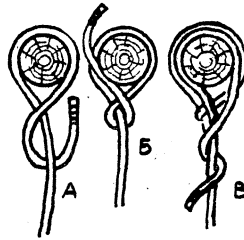
Петли

24 Задвижной штык

25. НАКИДНАЯ ЗАЦЕПКА

26. Буксирный узел

Очень часто применяются различные петли. Они могут быть затягивающиеся, скользящие или неподвижные — мертвые, держащие прочно без затягивания.

Самая простая скользящая петля (рис. 34). Ее можно применить как аркан для ловли скота или как охотничий силок. Такую скользящую петлю можно сделать в любом месте веревки, как это показано на рисунках 34-а и 34-б. Пользуясь подобным приемом, можно завязать на веревке ряд скользящих петель, что может понадобиться,

Веревка закладывается таким образом, что образуется петля, в которую продевается сложный петлей ходовой конец (рис. 25-а), остается только аккуратно затянуть крепление. Если его, ослабив, снять с дерева, узла не будет.

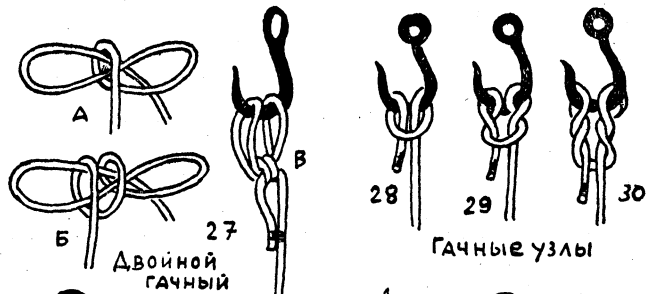
Буксирный узел (рис. 26) применяется при буксировке или швартовке судна. Ходовой конец обводится вокруг битенга (причальной тумбы), обхватывается шлагом вокруг коренного конца (рис. 26-а), затем обводится вокруг битенга вторично, но в обратном направлении (рис. 26-б) и обертывается вокруг коренного конца (рис. 26-в).

Для крепления за крюк (как — в морской практике) применяются различные типы гачных узлов (рис. 27—32). Их особенность в том, что веревка не обвязывается, а просто надевается на крюк. По рисункам легко понять, как это делается.

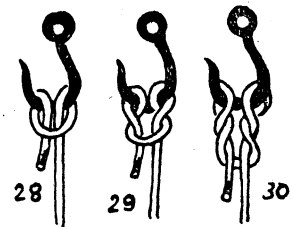
Гачные узлы, изображенные на рисунке 29 и 30, называются кошачья лапа. Веревка складывается двумя петлями, которые перекручиваются один или два раза, а затем надеваются на крюк.

Гачный узел с четкой (рис. 31) может крепиться к скобе и кольцу. Он очень просто вяжется и еще проще распутывается.

Гачный узел восьмерка (рис. 32) вполне оправдывает свое название, поскольку веревка два-три раза обводится «восьмеркой» вокруг крюка и коренного конца (рис. 32-а-б-в).

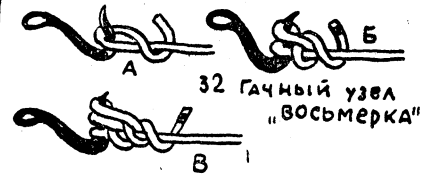
Двойной гачный

Гачные узлы

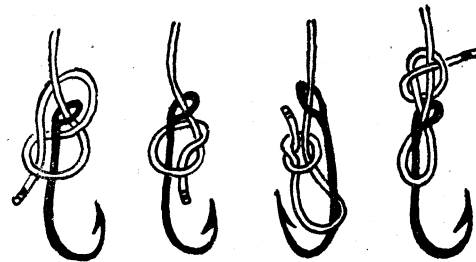
Гачный узел с четкой

Гачный узел «восьмерка»

Мы говорили о креплениях веревки на большие крюки, теперь скажем о креплениях лески к рыболовным крючкам. Существует множество разных способов; на рисунке 33 изображены лишь некоторые, наиболее простые и удобные.

например, при сушке лекарственных растений. Собранные в пучки травы укрепляются в петлях. Скользящая петля пригодится и при закупоривании бутылки с газированным напитком. Петля из бечевы надевается на горлышко бутылки

33. Крепление лески к крючку

34. Скользящая петля

так, чтобы удерживать пробку (рис. 34-в).

Теперь познакомимся с мертвыми петлями, не меняющими своего размера.

Самой простой из петель такого рода будет незатя-

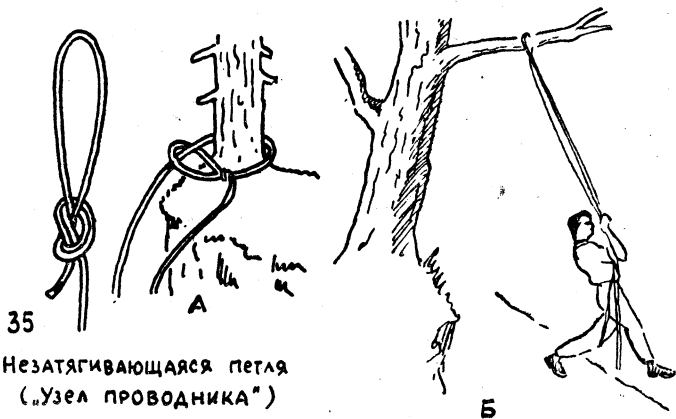
Пользуясь подобной «комбинацией петли с двумя концами», вы можете забросить веревку на сук дерева, с ее помощью влезть на дерево, спуститься с него и легко снять веревку. Можно, удачно прикрепив ее к прочному суку, перемахнуть через ручей и, находясь уже на другом берегу, снять веревку (рис. 35-б).

Незатягивающуюся петлю применяют альпинисты, когда идут «в связке». На общей веревке каждый делает себе такую петлю и надевает ее на грудь через плечо. Петля надежна, но трудно распускается. Впрочем, если в узел при завязывании пропустить короткий отрезок веревки, а при необходимости выдернуть его — петля распустится

без особого затруднения. Незатягивающуюся петлю альпинисты называют узлом проводника.

Другая петля, применяемая альпинистами, — узел среднего (рис. 36). Он имеет то же назначение, что и узел проводника, и вяжется двумя способами. Первый — на коренном конце делается скользящая петля, затем ходовой конец обвязывается вокруг коренного и петля затягивается, подобно рыбацкому узлу. Второй, более быстрый и более удобный способ, — веревка складывается двумя петлями так, что одна из петель накладывается на другую (рис. 36-а), в образовавшийся проем втягивается средняя часть веревки, как показано стрелкой. Образуется третья петля, основная (рис. 36-б), остается только подравнять, подтянуть, и «узел среднего» готов. Осваивая этот прием, надо отработать его так, чтобы петля получилась нужного размера.

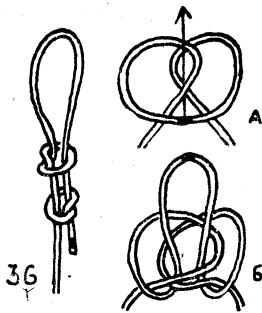
Австрийский альпинист Карл Пруссик изобрел узел, при помощи которого можно подняться или спускаться по отвесно висящему канату. На рисунке 37 изображены петли Пруссика, представляющие собой крепления, оканчивающиеся «стремениами». Каждое стремя — отрезок веревки длиной около 3,5 метров, крепленный к канату, как показано на рисунке 37 (а — первый прием крепления, б — второй прием, в — крепление в затянутом виде). Кусок веревки связан концами,

35

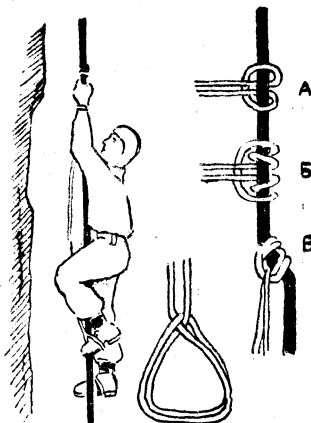
Незатягивающаяся петля
«Узел проводника»

затягивающаяся петля (рис. 35). Конец веревки складывается вдвое и обвязывается «вокруг себя» (подобно узлу на рис. 2) — вот и все. Незатягивающаяся петля пригодится во многих случаях. Например, вы хотите спуститься под обрыв и нашли удобное дерево, чтобы укрепить веревку. Но как ее отвязать потом? При достаточной длине веревки «головомная задача» решается очень просто. Взгляните на рисунок 35-а — веревка обводится вокруг ствола дерева и один ее конец пропускается в незатягивающуюся петлю. По нему вы будете спускаться. Не забудьте только предварительно спустить вниз, минуя петлю, второй конец. Потянув за него, вы вернете веревку в целости и сохранности.

36

«Узел среднего»

37

«Петли Пруссика» 71

и образует стремена для ног. К канату крепятся два таких стремени. Ослабляя крепление, альпинист попеременно подтягивает то правое, то левое стремя, перенося при этом опору тела то на левую, то на правую ногу. Таким образом совершается подъем или спуск. Конечно, тут необходимо терпение и сноровка.

Универсальной незатягивающейся петлей является беседочный узел, или бу-

те ходовой конец вокруг натянутого коренного конца и затем, слегка ослабив натяжение, проташите ходовой конец через петлю, охватывающую правую руку. Теперь остается только выравнять и затянуть беседочный узел.

Овладев этими несложными приемами, вы сумеете обвязать себя, даже находясь в воде.

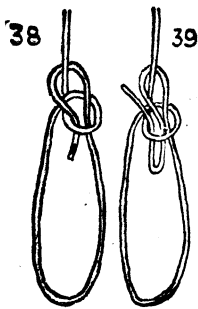
Развязывание беседочного узла можно ускорить, приме-

большого или слабого. Узел представляет собой две незатягивающихся петли. Одну из них надо сделать меньше, она надевается за спину, а на большой петле человек сидит. Рисунки 40-б и 40-в показывают последовательность приема. Обратите внимание, что нет необходимости протаскивать через петлю длинный коренной конец. Достаточно одностороннюю петлю обвести вокруг двойных петель. Перед тем как окончательно затянуть узел, можно, по мере надобности, одну из двойных петель сделать больше другой.

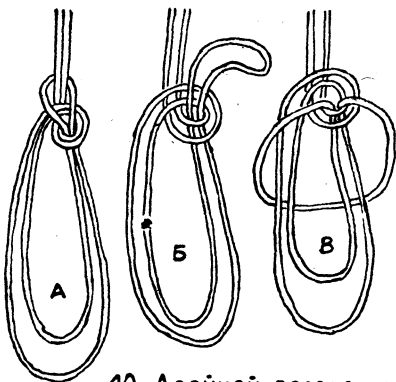
Для спуска человека на веревке пожарные имеют свой профессиональный пожарный узел (рис. 41). Первый прием — две петли накладываются краями одна на другую (рис. 41-а). Наложённые края втягиваются в петли в противоположные стороны, указанные стрелками (рис. 41-б). Получаются две скользящих петли, размер которых можно регулировать по мере необходимости. Чтобы сделать петли неподвижными, их закрепляют шлагом с каждой стороны.

Заметили, что пожарный узел в незавершенной стадии (рис. 41-б) может быть с успехом применен... для укрощения хулигана? Две скользящих петли надеваются на руки и затягиваются, концы обматываются и завязываются. Руки дебошира надежно схвачены!

Двойной беседочный и пожарный узлы можно применять при погрузке бочек, ящиков, тюков и других грузов.

38 Беседочный узел (булинь)

40. Двойной беседочный узел.

линь (рис. 38). В морском деле такая петля применяется для крепления подвесной доски (беседки) или для подъема и спуска человека или какого-либо груза. Пригодится булинь и для того, чтобы заменить ошейник и поводок для собаки и для множества разнообразных надобностей обычной жизни. На рисунке вы видите, как просто вяжется этот узел. На веревке складывается петля, через которую пропускается ходовой конец, обведенный петлей вокруг коренного. Есть много приемов быстрого вязания булиня. Рекомендуем научиться обвязывать себя следующим способом:

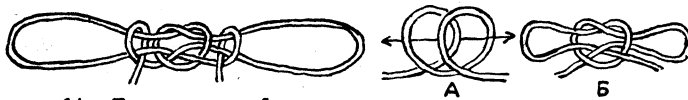
1. Оберните веревку вокруг себя, держа перед собой ходовой конец в правой и коренной конец в левой руке. Веревка должна быть в слегка натянутом состоянии.

2. Положите запястье правой руки на натянутую часть коренного конца и круговым движением кисти оберните веревку вокруг запястья так, чтобы образовалась петля.

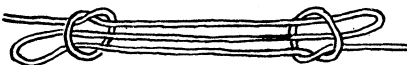
3. Концами пальцев обведи-

те способ, показанный на рисунке 39.

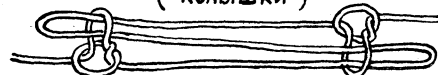
Булинь можно исполнить так, что получится не одна, а две петли. Это — двойной беседочный узел или стул (рис. 40). Он удобен для подъема или спуска на веревке человека без сознания,

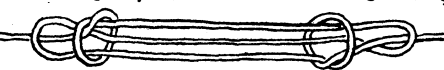
41 Пожарный узел

42 Укорачивание 1 способ ("кольышки")

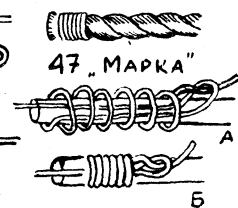
43. Укорачивание 2 способ

44. Укорачивание 3'способ.

45 Кнопы и мусинги

47 "МАРКА"

Укорачивания

Слишком длинная веревка может быть неудобна, но не стоит резать ее. Зачем портить, когда можно, без всякого ущерба, ее на время укоротить.

На рисунке 42 изображен простейший способ укорачивания, именуемый колышки. Веревка складывается зигзагообразно и сложенные концы схватываются шлагами. Этот прием надежен только при постоянном натяжении веревки.

Второй, более прочный способ, удерживает концы сложенной веревки скользящими петлями (рис. 43). Такое укорачивание не боится ослабления натяжения.

И, наконец, при третьем способе (рис. 44) схватываются концы узлами «вокруг себя» — способ абсолютно надежный, но при вязании должны быть свободны оба конца веревки.

Кнопы и мусинги

Это — самые простые узлы: узел вокруг себя (рис. 45) и восьмерка (рис. 46). Моряки делают различие в зависимости от расположения узла на веревке. Завязанный на конце веревки — кноп, в средней части веревки — мусинг. Назначение таких узлов может быть самое разнообразное. Мусинги служат для разметки длины, а на веревке для лазания узлы удобны для упора ног. Кнопы препятст-

вуют скольжению и предохраняют концы веревки от раскручивания. Впрочем, лучшим способом, предупреждающим разломачивание, будет марка (рис. 47). Прочная суровая нитка кладется петлей на конец веревки и обертывается вокруг нее 10—15 раз. Затем конец нитки пропускается в петлю (рис. 47-а), которую втягивают под обмотку. Концы нитки обрезают, и марка готова.

* * *

Видов узлов очень много. Описанные здесь — основные и наиболее распространенные. Уметь ими пользоваться полезно для каждого.

Учитесь вязать узлы!

Вл. ЗОТОВ
Рисунки автора

НА ЗАВОДСКОМ ПРУДУ

Фото С. Слепынина

НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ!

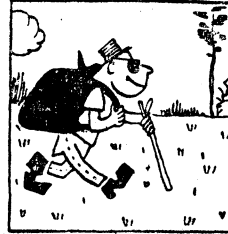
И

М

Л

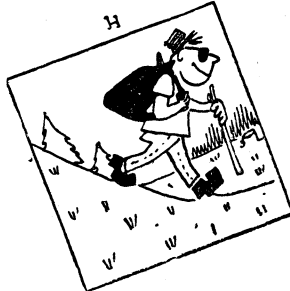
В

Б

Н

О

И

А

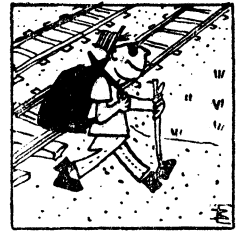
Д

К

Е

Г

З

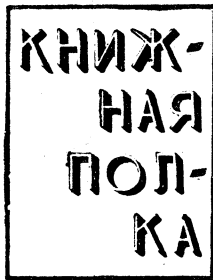
П

Художник В. Семенов зарисовал путь любителя загородных прогулок. Но случилось так, что рисунки, кроме первого, кто-то перепутал. Попробуйте восстановить их последовательность.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 5 «ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ПОРОДЫ СОБАК?»

1. Борзая. 2. Кигайский шпиц. 3. Тибетский терьер. 4. Скотч-терьер. 5. Сенбернар. 6. Пудель. 7. Колли (шотландская овчарка). 8. Французская болонка.

ЗА СТРОКОЙ БИОГРАФИИ

В дни подготовки к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина каждая публикация о жизни и деятельности создателя Коммунистической партии Советского Союза и основателя Советского государства вызывает у миллионов людей особый интерес.

Недавно литература о В. И. Ленине пополнилась еще одним изданием: издательство «Советская Россия» выпустило в свет книгу «За строкой биографии Ленина»¹. Она посвящена одному из самых напряженных периодов в деятельности В. И. Ленина и партии — подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции. Опираясь на воспоминания и устные рассказы участников и свидетелей событий, используя архивные документы, авторы создали захватывающую летопись почти двухсот дней, начиная с триумфальной встречи Владимира Ильича с рабочими и соратниками по борьбе третьего апреля в Белоострове и кончая победным штурмом Зимнего в октябре семнадцатого года.

В книге ярко раскрывается органическая связь вождя революции и трудового народа. Не однажды простые люди самоотверженно укрывали Ильича от палачей Временного правительства.

— Им повезло больше, чем другим,— говорила видная революционерка Елена Дмитриевна Стасова о таких простых людях.— Революционной купелью для них была бурлящая Нева, а школой — казармы непокоренных питерских окраин. Но главное их везение в том, что они пришли к Ленину, когда он больше всего нуждался в бесстрашных пролетариях, понимавших свою ответственность за будущие судьбы России.

«За строкой биографии Ленина» открывается

рассказом, записанным по воспоминаниям М. Л. Гобермана, возвратившегося в Россию из эмиграции в апреле 1917 года вместе с В. И. Лениным.

Когда пришла весть о Февральской революции, о свержении царя, вспоминает Гоберман, Владимир Ильич не находил себе места. Скорее домой, сейчас дорог каждый час, скорее в Петроград, к трудовому народу, которому еще предстоит напряженная борьба за свое полное освобождение. Но как попасть туда, на далекую Родину? Ведь идет война, и Россия участвует в ней. А нейтральная Швейцария окружена воюющими странами. Может, достать аэроплан и перелететь через фронт? Или загримироваться, надеть парик? Разные планы вынашивал в те напряженные дни Владимир Ильич.

Но вот, наконец, с помощью левого швейцарского демократа Фрица Платтена удалось получить разрешение на проезд через Германию.

В Белоострове, сообщает старый оружейник, член партии с 1915 года Александр Андреев, встречать Владимира Ильича приехала Мария Ильинична Ульянова с делегацией партийных работников. Получив телеграмму Ильича, она оповестила Центральный и Петроградский комитеты большевистской партии, редакцию «Правды».

Несмотря на то, что третьего апреля был пасхальный понедельник и заводы не работали, весть о прибытии Ленина быстро облетела Петроград и дошла до Сестрорецка. Навстречу Ильичу в Белоостров направились рабочие.

В книге приводятся воспоминания Н. К. Крупской о встрече в Петрограде.

«Питерские массы,— писала Надежда Константиновна,— рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей. В числе их с красной широкой перевязью через плечо Чугурин — ученик школы

¹ Ю. Грибов, А. Лазебников, О. Опарин. За строкой биографии Ленина. Изд-во «Советская Россия», 1969.

Лонжюмо. Лицо его было мокро от слез».

— Как только поезд остановился,— рассказали авторам книги очевидцы,— к Ленину подошел худощавый невысокий человек. Это и был Чугурин, о котором писала Н. К. Крупская.

— Разрешите, Владимир Ильич,— сказал Чугурин, волнуясь,— вручить вам по поручению большевиков Выборгского района партбилет номер шестьсот. Мы, выборжцы, считаем вас в своих рядах...

Руководитель военной организации при ЦК партии Н. И. Подвойский предложил направить к Финляндскому вокзалу броневые машины.

— Надо показать Владимиру Ильичу,— говорил он,— какой боевой силой уже обладает большевистская организация Питера.

Авторы книги разыскали водителя М. Огоньяна, который доставил В. И. Ленина на броневике ко дворцу Кшесинской, где находились Центральный и Петербургский комитеты большевист-

ской партии. В книге воспроизводится рассказ Огоньяна.

В рассказах «Дом-корабль», «Пришел солдат в «Правду», «Хозяйка конспиративной квартиры», «Подвиг Емельяновых», «Карточка на пропуске», «На далекой окраине Питера» в интересной, увлекательной форме сообщаются многие подробности подготовки вооруженного восстания, широкие связи Ленина с партийными организациями.

Перед читателями проходят яркие портреты людей, укравших Ленина, — Марии Сулимовой, Исаака Ашкенази, Николая Емельянова и многих других.

Книга «За строкой биографии Ленина» помогает еще глубже запечатлеть образ Владимира Ильича — гениального вождя, неутомимого борца, человека.

.П. ЗУБЕХИН,
Н. КОТЛЯРОВ

СТИХИ МИХАИЛА ПИЛИПЕНКО

Всякий раз, когда перечитываю стихи Михаила Пилипенко, я невольно заново переживаю то время, в которое они были написаны, те события и случаи, которые дали заряд его поэтическим строчкам.

Давно это было, и вроде бы — недавно.

Мы часто засиживались допоздна в редакции нашей молодежной «На смену!». Не потому, что нам не хватало организованности и мы не успевали в отпущенные восемь часов сделать очередной номер газеты, а потому, что казалось — вот в этом очерке следует ярче показать самого новатора, а не только новую технологию; вот эту полосу надо бы сверстать веселей. А поскольку в газетной работе нет предела улучшениям, то и нет предела «рабочему времени» — рассуждали мы.

Но иногда уходили позже и по другой причине: Миша читал новые стихи. Ему обязательно нужно было проверить на слушателе новые строчки. К восторженным оценкам он относился с недоумением, как тот мастер, который и сам понимает, что делает нужную вещь, да вот чего-то в ней не хватает, и не надо красных слов, а подсажи, если можешь, — чего не хватает. Мих-Мих, как мы его тогда звали, неплохо разбирался, где фирмам по древней схеме: хвалю тебя, дабы пригрел меня, где равнодушие, охочее до самоутверждения, а где обычный разговор и замечания от души. Он любил читать стихи в редакции. У него

было обыкновение — печатать стихи на обратной стороне своих старых рукописей. Однажды, перевернув страницу, я случайно сравнил только что написанное стихотворение с более ранним, и сразу бросилось в глаза — насколько они различны. Новое было и глубже по мысли, и богаче образным словом. Так, выйдя в поле, вдруг замечаешь, что, казалось бы, недавний всход, готов уже выбросить колос и отдать людям свои теплые зерна.

У Михаила Пилипенко не было болезненных перепадов в его поэтическом творчестве. Оно крепло, расцветалось гранями от строки к строке, от книжки к книжке. Неуклонно. Год за годом. Тут тоже не было предела совершенствованию, и он это прекрасно понимал, работал упорно, без скидок, ночи напролет.

Жизненных впечатлений у Михаила Михайловича было более чем достаточно. И он спешил их осмыслить, взглянуть на жизнь в неразрывной связи ее прошлого, настоящего и будущего:

Кто помнит пройденные версты,

Тому грядущее видней,—

пишет он в стихотворении «Память».

Он спешит сказать современнику прямо и честно — что ему дорого в нем, прекрасно, а что — ненавистно.

Нельзя спокойно читать его «Сказку», «Ландыши», «Дочке», «Здесь все как положено...» —

столько волнения в каждом слове, в каждой паузе, столько искренности, бескомпромиссной к себе и к другим.

**Лучше — ссора шальная, как горный обвал,
Лучше — взгляд ненавидящий, гнев от удущья;
Лучше — слезы, которых я в детстве не знал,
Чем скользкий ужом холодок равнодушья.**

Этим стихотворением открывается книжка стихов Михаила Пилипенко, вышедшая в серии «Библиотечки избранной лирики»¹. Составитель чутко, со вниманием подошел к отбору и систематизации произведений поэта. И хотя объем книжки регламентирован — один печатный лист — она дает довольно полное представление о творчестве Михаила Пилипенко, его любимых темах.

Действительно, мы по праву можем назвать Михаила Пилипенко комсомольским поэтом. И верно то, что был он убежденным человеком и умел убеждать других.

В последнее время среди литераторов вспыхивают споры о том, как понимать гражданственность в поэзии. По-видимому, споры эти — явление не случайное. И не следует думать, что исти-

на, утвержденная однажды, не нуждается в последующих утверждениях. Если возникает давнишний спор, есть, следовательно, новые причины. И они есть хотя бы в том, что нет-нет да и появляются стихи, авторы которых не прочь пококотничать с темой духовного капитулянтства, а то и просто поприветствовать изменника князя Курбского.

Для меня абсолютно ясно — какую бы позицию в этом споре занял Михаил Пилипенко, если бы он был жив. Потому что он занял эту позицию давно и всем своим творчеством помогает сейчас утверждать в русской поэзии высокое и светлое гражданское начало. В том числе — и в лирике.

Он жил на Урале, в заводском краю. Его героями нередко становились молодые рабочие — пареньки и девчата. Он хорошо понимал их труд, их заботы, их первую любовь.

Наш молодой читатель часто, наверное, слышит песню об уральской рябинушке. Иногда назовут имя автора текста, иногда и нет. А песня помнится. Песню знают по всему свету. И написал ее Михаил Пилипенко... Если вы не читали его стихотворений, возьмите для первого знакомства сборник, о котором мы говорили.

Л. РУМЯНЦЕВ

¹ Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969 г.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

НОВИНКИ

Э. КОНДРАТОВ, В. СОКОЛЬНИКОВ ДЕСАНТ ИЗ ПРОШЛОГО.

Куйбышев. Книжное изд-во, 1968. 288 стр.

События романа разворачиваются в самом недалеком будущем: в семидесятых годах на-

шего века. В мире успешно решается проблема всеобщего разоружения, уже ни одна империалистическая держава не рискует поддерживать гонку вооружений. А на одном из островов Тихого океана именно в это время возникает республика Фрой — марионеточное государство «свободы и счастья», готовящее тайком провокационный ядерный залп по жизненным центрам планеты...

НА СУШЕ И НА МОРЕ.
АЛЬМАНАХ, КНИГА 8.

М., Изд-во «Мысль», 1968.
560 стр.

В очередном выпуске художественно-географического сборника около четверти объема занимает раздел «Фантастика».

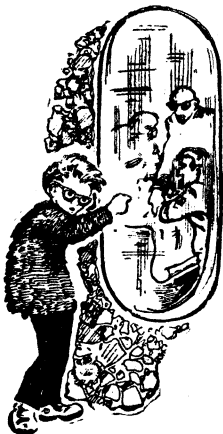
Сюда вошли рассказы «Если это случится» А. Колпакова, «Последний неандерта-

лец» М. Грешнова и другие произведения советских и зарубежных фантастов.

М. РУДЕНКО
ВОЛШЕБНЫЙ БУМЕРАНГ.

М., Изд-во «Молодая гвардия», 1968. 384 стр.

Еще Иоганн Кеплер в 1596 году обратил внимание на то, что в солнечной системе су-

шествует словно бы искусственная прогалина: явно не хватает планеты, которая находилась бы между орбитами Марса и Юпитера. Где же она, куда исчезла? Какая — поистине космическая по масштабам — трагедия разыгралась здесь в незапамятные времена?

Об этом и рассказывается в «космологической феерии» украинского писателя.

А. Р. ПАЛЕЙ
В ПРОСТОР ПЛАНЕТНЫЙ.

М., Изд-во «Мысль», 1968.
191 стр.

Первый сосновый лес на Венере. Увидевший его впервые мог бы подумать, что этим стройным, высоким деревьям

лет по сто. На деле же прошло всего пять лет с тех пор, как привезенные с Земли семена легли во взрыхленную и удобренную почву...

Герои романа, преобразуя буйную природу нашей небесной соседки, успешно создают там условия, пригодные для жизни человека Земли.

ПОДВИЖНИК

Бibliothekarь. Казалось бы — простое дело: выдавай книги, удовлетворяй «читательский спрос», к знаменательным датам оформляй книжные выставки, веди каталог...

Ну, а если человеку этого мало? Если его неумный характер не укладывается в привычные рамки? Тогда он экспериментирует, ищет, расширяет круг своих «служебных» обязанностей.

Ирбитская городская библиотека долгое время ютилась в тесных комнатухах двухэтажного дома, густо заселенного учреждениями.

Сейчас она — одна из лучших в Свердловской области. Ее фонд — 80 тысяч книг. Пятнадцать передвижных библиотек. Девять тысяч читателей. Статистики сказали бы: «Читателем центральной городской библиотеки состоит каждый пятый житель Ирбита». И в этом — заслуга ее заведующего Николая Васильевича Бармина.

Он организовал «Клуб любителей книги». На заседаниях этого клуба стали проводиться встречи писателей с читателями.

Бывает, что во время таких встреч читальный зал библиотеки оказывается слишком тесным и не может вместить всех желающих, люди стоят в проходах и коридорах. Особенно памяты ирбитчанам встречи с писателями Виктором Астафьевым, Павлом Макшанихиным, поэтом Борисом Ручьевым.

А Николай Васильевич создает еще и «Устный журнал», приобретает пианино, организует встречи любителей музыки с преподавателями и учащимися музыкальной школы, артистами и режиссерами местного драматического театра.

Проводятся «четверги», на которые собираются все библиотекари города. На «часовых» встречах со своими работниками обсуждаются новинки: ведь важно знать, какому читателю что рекомендовать. Далее, надо позаботиться о переплетах — ведь треплются книги, — получить свежую почту, записать ее.

Ну, и конечно, Николай Васильевич много, очень много читает, все «толстые» журналы — не только центральные, но и «провинциальные»; просматривает каждую книжную новинку, определяет, что в первую очередь заслуживает внимания читателя. И будьте уверены — ни одна стоящая книга не пройдет мимо его глаз!

Покончив с обязанностями заведующего, он берет в руки пилу или малярную кисть. А то вздумал делать передвижные (на шарикоподшипниках) стеллажи: хоть и расширилось помещение библиотеки, а места все равно не хватает, приходится «хитрить».

Его с полным правом можно назвать подвижником, человеком, полностью отдавшим себя служению делу.

Н. НОВИКОВ

ТРАГЕДИЯ „СИБИРСКОЕ СЕМЕЙСТВО“

В театральном мире Жан-Франсуа Дюси (1733—1816) был известен, главным образом, как переводчик Шекспира. Но он и сам писал пьесы, хотя и не имевшие большого успеха. Одна из них имеет прямое отношение к нашему краю.

Уже в пожилые годы Дюси привлекла русская история. В 1800 году в результате этого увлечения родилась трагедия «Федор и Владимир, или Сибирское семейство». Сюжет ее связан с Тобольским краем. Автор, видимо, хорошо знал «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера, ибо судьбы героев пьесы напоминают судьбы некоторых исторических личностей, описанных там.

Действие этой давно забытой французской трагедии происходит в Тобольском крае. Сюда по навету жестокого и завистливого временщика Орокса царь сослал главнокомандующего русских войск Романова и министра Клодоскира. Эти бывшие всемогущие вельможи влачат жалкое существование. Но хранят от детей семейные тайны: Федор и Владимир, сыновья Романова, считают себя его воспитанниками, сиротой считает себя и Озефина, дочь Клодоскира.

На Тобольском севере, выросшие среди «самоедов», юноши Федор и Владимир стали умелыми охотниками, а Озефина пастушкой оленьих стад. Оба брата полюбили ее. Но Озефина

любит Владимира, и они скрывают свою любовь от Федора, боясь обидеть его.

Случайно вырвав у Озефины признание, что она любит другого, Федор хочет умереть. Из-за этого Владимир в свою очередь уходит в монастырь, чтоб остался жив Федор. И в это тяжелое для всех троих время из Москвы появляется царский посланец. Он привез весть с прощением Романова и Клодоскира с их детьми. Все трое узнают правду о своих родителях. А Федор, наконец, и о том, что Озефина любит его брата Владимира. И он, отказываясь от своего счастья, умирает.

Автор своей пьесой показывает, что благородные человеческие чувства и страсти живут не во дворцах вельмож, а в краю «вечной тишины», среди непосвященных его обитателей, нравственность которых куда выше «светского общества». Он восхищается нравственной чистотой не только своих героев, заброшенных волею царя на Урал, но и «детей природы» — местных жителей, этих свободных и мужественных людей. Его пленяет простота их нравов — они не знают воровства, убийства, лжи.

Под воздействием окружающей обстановки меняют свои взгляды на жизнь бывшие вельможи Романов и Клодоскир. Вот как говорит один из них: «Не будем сетовать на этот суровый край; изгнание отдалило нас от Московского двора. Но чего мы лишились? Истерзанные постоянными волнениями, мы жили там вдали от самих себя. Здесь нет заговоров, козней, вероломства. Здесь свинцовое небо, но здесь царство природы...»

Материалом для трагедии послужили подлинные факты из русской истории. И прежде всего судьба А. Д. Меншикова. Этот сподвижник Петра, всемогущий фаворит Екатерины I, светлейший князь Ижорский и генералиссимус русских войск, оказался с женою, сыном и дочерью в далеком Березове. В несчастной судьбе Романова и Клодоскира видно сходство с судьбой Меншикова. Царь, сославший Романова и Клодоскира, носит имя Алексиевича (т. е. Алексеевича), но именно такое отчество имеет Петр II, сын царевича Алексея, сославший Меншикова в Сибирь. А временщик Орокс не кто иной, как князь Алексей Долгорукий, воспитатель Петра II. После воцарения Анны Иоанновны его со всем семейством тоже сослали в Березов. В трагедии Романов и Клодоскир также возвращаются в Москву, а временщик Орокс ссылается в Сибирь, в те же юрты, где жило «сибирское семейство».

Для нас трагедия интересна, как одно из ранних литературных произведений в Европе о тобольском крае.

А. КОРОВИН

Рисунок Г. Перебатова

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

ПОГОНЯ В ТУМАНЕ
С. Снегов, В. Черносивтов.
Приключенческая повесть

8

БУНТ
В. Тубалев

52

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

ИЗ ПЕТЕРБУРГА В СИБИРЬ
Г. Пакулов

24

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ЗОЛОТОЙ МОСТ
Л. Ларин

30

НА СТО ПЯТОМ КИЛОМЕТРЕ
П. Куманев. На приз нашего журнала

35

КРАЕВЕДЕНИЕ

ПО ТРОПАМ И БЕЗ ТРОП
А. Граевский

40

ТРАГЕДИЯ «СИБИРСКОЕ СЕМЕЙСТВО»
А. Коровин

79

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ПРЕДЛАГАЕМ МАРШРУТЫ ПОХОДОВ
В. Дубленных

20

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

26

УЗЕЛКОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
В. Зотов

67

ДОРОГАМИ ПОИСКА

ЗАПРОС ИЛЬИЧА
Л. Большаков

2

ВОЗВРАЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ
Б. Бельский

49

ЧТО ТАКОЕ БЕЗЗАКЛИЧНЫЕ РЕБЯТА?
В. Житников

65

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЗА СТРОКОЙ БИОГРАФИИ
П. Зубехин, Н. Котляров

75

СТИХИ МИХАИЛА ПИЛИПЕНКО
Л. Румянцев

76

Обложка В. Воловича и С. Киприна

*На второй странице обложки
фото В. Каушанова*

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова

Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск ГСП-353, ул. Малышева 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 14/V 1969 г. Бумага 84×108^{1/16} = 2,62 бум. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,98. НС 13154. Цена 30 коп. Тираж 132000 Заказ 227.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

ПОД ГОРОЙ И У ГОРЫ

Понатолканы не спички
В коробок за коробком —
Это город в электрички
Набивается битком!

Никого в квартире нет,
А в лесу — нашествие...
На печи „поехал“ дед
В кинопутешествие!

Постовой стоит зевает,
В воскресенье служба — сласть!
Вся „культура“ городская
На природу подалась!

Под горой и у горы
Писк и треск неистовый...
Нынче даже комары
Глохнут от транзисторов!

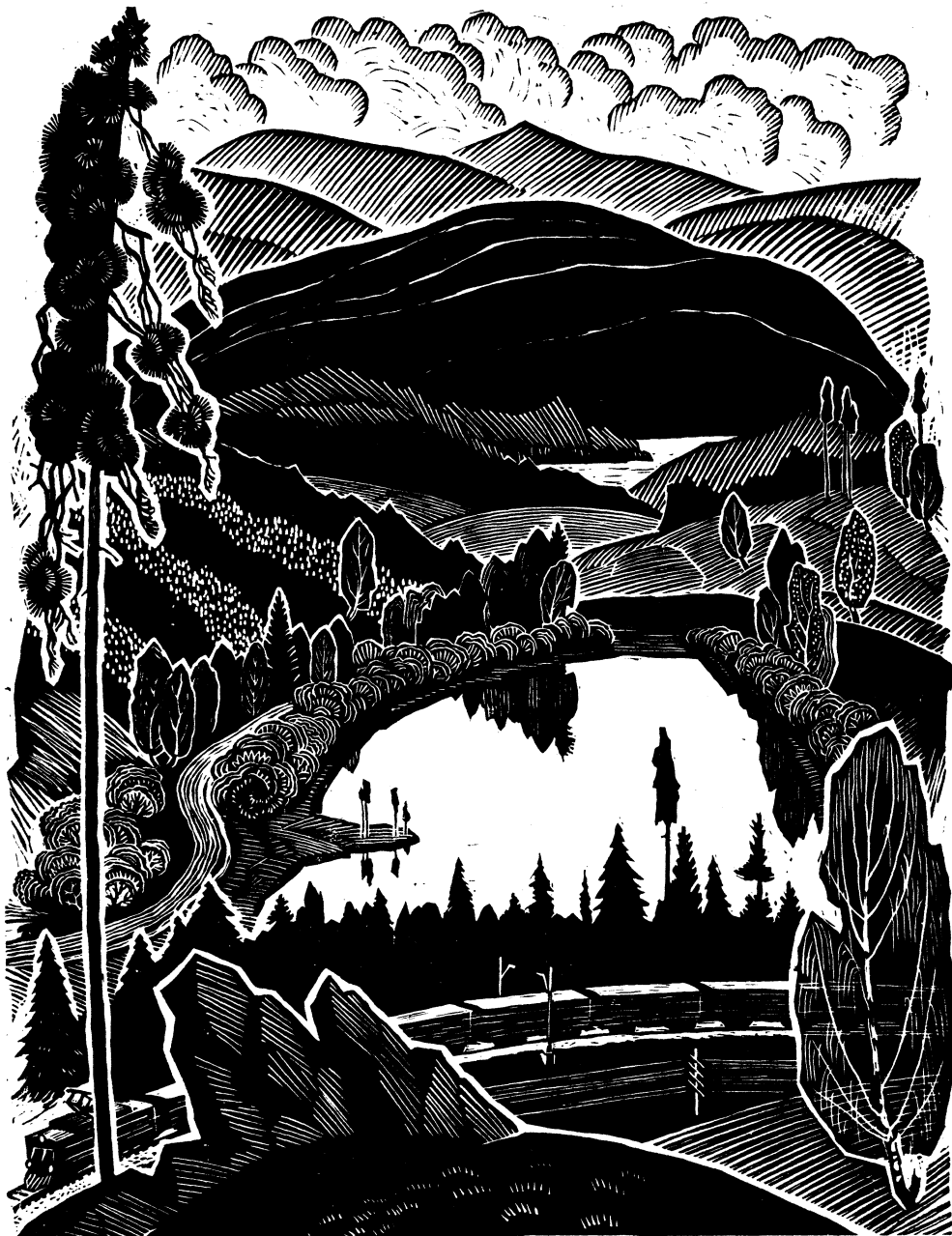
Ни осины, ни березы...
На сто верст — один бурьян.
Честь и слава леспромхозам,
Перевыполнившим план!

Отчего косою не смел,
Отчего он окосел?
Окосел он оттого:
Сто стрелков — на одного!

Много водится чудес
В нашей речке горной —
Если белым в речку влез,
Вылезает черным!

Во сыром бору веселье.
И до самого утра
Стонут сосны, стонут ели
У туристского костра!

В понедельник вдоль опушки
Ходят бабки собирать
Не волнушки, а чекушки
И обабки по ноль-пять!

Н. ЧЕРКАСОВ (Челябинск)

УРАЛЬСКИЕ ДАЛИ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ